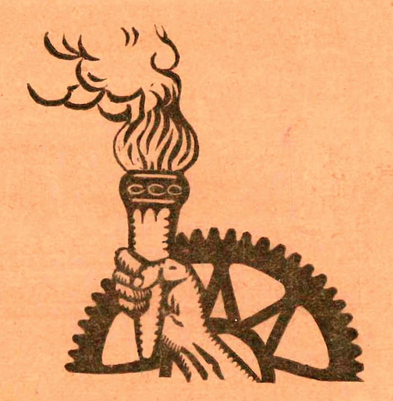
Рыскулов.

ВОССТАНИЕ ТУЗЕМЦЕВ в СРЕДНЕЙ АЗИИ в 1916 году.

В двух частях.

Государственное издательство К. С. С. Р.

Кзыл-Орда. - - - - - - - - - - - - 1927 года.

Рыскулов.

ВОССТАНИЕ

туземцев Средней Азии в 1916 году.

В двух частях.

Государственное издательство К.С.С.Р.

Кзыл-Орда. 1927 года.

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ КАЗГОСИЗДАТА
ГОР. КЗЫЛ-ОРДА, ЗАКАЗ № 680.
ГЛАВЛИТ № 63. — ТИРАЖ—3000 ЭКЗ.

Рыскулов.

Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году.

ЧАСТЬ I.

Повод к восстанию.—Набор на тыловые работы фронта туземных рабочих.—Мероприятия правительства и порядок проведения набора рабочих на местах.—Как поняло и восприняло эти мероприятия туземное население.

Восстание туземного населения в Туркестане в 1916 году представляет из себя несомненно одно из интереснейших событий в истории революционного движения в Туркестане: здесь впервые туземные народные массы осмелились, после почти полустолетнего владычества самодержавной России, выступить против могущественной власти приказов „белого царя".

Восстание направлено было, прежде всего, против администрации царизма, где порядком досталось и туземной администрации в тех случаях, когда она шла против восставших и препятствовала их стремлениям.

Характерно в этом восстании то, что восстали неожиданно, без всякой предварительной подготовки, в разных уголках Туркестана народы, покорно склонявшие головы перед царской администрацией, безропотно переносившие царский гнет, надругательства. В революционном порыве, в желании сбросить ненавистное иго оказались об'единенными народы, враждовавшие между собой в известные исторические периоды.

Что заставило туземное население Туркестана смело поднять знамя восстания против казавшейся неприступной царской власти и что служило основными побудительными причинами к этому восстанию?

Об этом мы поговорим после, а теперь необходимо перейти к краткому изложению, как самой истории возникновения и развития событий, так и их результатов.

Непосредственным поводом к восстанию туземцев в 1916 г. послужил набор туземных рабочих на тыловые работы фронта. Приказ царского правительства был передан телеграфно Туркестанскому генерал-губернатору 28 июня 1916 г. и гласил следующее *):

„Высочайшее повеление, об'явленное военным министром о привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и для всяких иных необходимых для государственной обороны работ.

*) Туркестанские Ведомости, 8 июля 1916 г.

„Государю Императору благоугодно было в 25 день июня 1916 года высочайше соизволить повелеть: 1) для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных для государственной обороны необходимых работ привлечь в течении настоящей войны нижепоименованное мужское инородческое население Империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно: (инородческое население Астраханской губернии и всех губерний и областей Сибири, за исключением бродячих инородцев и всех вообще инородцев, обитающих в областях Приморской, Амурской, Камчатской и Сахалинской, в округах Средней Колымской, Верхоярской, Волуйской, Якутской области, в Туруханском и Бугучанском отделениях Енисейской губернии и уезда, в Тогурском отделении Томской губернии и уезда, а также в Березовском и Оургутском уездах Тобольской губернии; б) Инородческое население областей Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской. Уральской, Тургайской и Закаспийской. Мусульманское население Терской и Кубанской областей и Закавказья, за исключением подлежащих отбыванию воинской повинности натурой осетин мусульман, а также не подлежащих сей повинности турок и курдов, обитающих в Закавказье, езидов, енгилайцев христиан и абхазцев христиан Сухумского округа, равно как туркмен, нагайцев, калмыков и прочих подобных им инородцев Ставропольской губернии.

и 2) определение возрастов инородческого населения, подлежащего привлечению к работам (согласно предыдущему первому пункту), а равно установление подобных правил для привлечения их к сим работам применительно порядку, заключающемуся в Высочайше утвержденном 3 августа 1914 года положении военного Совета, предоставить соглашению министров Внутренних дел и Военного“.

Согласно этого распоряжения Военного министра, по Туркестанскому Краю 8 июля 1916 года был издан следующий приказ:

„ 25 июня последовало Высочайшее повеление о привлечении на время настоящей войны, к работам по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии инородцев Российской Империи, освобожденных от воинской повинности и в частности туземного населения Туркестанского Края.

В ближайшую очередь подлежат приему туземцы преимущественно в возрасте от 19 до 31 года. Все призываемые будут работать за плату и довольствоваться казной.

Преподав соответственные по этому поводу указания г.г. военным губернаторам и Начальнику Закаспийской области, я выражаю уверенность, что туземное население края, не несшее до сих пор тягостей великой отечественной войны и ныне призываемое Высочайшей волею к труду в тылу армии с полной готовностью явится на призыв, а затем с особой энергией будет работать в тыловом районе действий победоносной русской армии, предводимой верховным вождем ее Государем Императором.

Подлинное подписал вр. и д. Генерал-Губернатора, Генерал от Инфантерии Ерофеев".

Из содержания этого приказа ясно для какой цели нужна была мобилизация рабочих из среды инородческого населения бывшей Российской Империи. Царское правительство усматривало в туземных рабочих материал более покорный, чем русские крестьяне и рабочие, так сказать „даровой", которым можно было распоряжаться как угодно, не боясь их ропота и недовольства; с другой стороны, этой мерой освобождались массы русских солдат и рабочих, которых можно было использовать уже непосредственно на военные действия.

Поспешно разработанная, эта мера стала сейчас же проводиться на окраинах России.

Царская администрация в Туркестане, уверенная в покорности туземцев „русскому оружию", не стала обдумывать безболезненный способ проведения этой мобилизации по Туркестану и через свои областные и уездные органы приступила сразу к фактической разверстке и набору рабочих. Эта беспечность и уверенность в покорности себе туземного населения Туркестана видна из самого размера коротенького приказа по Краю и д. генерал-губернатора Ерофеева, где даже не удосужились об'яснить сущность предлагаемых мероприятий.

Однако скоро стали получаться сведения о недоброжелательной встрече туземцами этих приказов о наборе рабочих.

В связи с первыми признаками недовольства туземцев об обязательном отдавании туземцами поклона русским офицерам и чиновникам всех ведомств, появляются такие приказы, как воспрещение продавать туземцам на железных дорогах билеты, так на станции Андижан вывешано было следующее об'явление: „согласно распоряжения Командующего войсками округа и телеграммы Начальника отделения службы движения, продажа продусам, персам, киргизам, татарам и бухарским евреям впредь до распоряжения". Дальше следует подпись начальника станции. От редакции: „По поводу этого об'явления редакция обратилась за раз'яснением в Уездное Управление, где ей сообщили следующее: разрешение на проезд по железным дорогам может быть выдано туземцам в Уездном Управлении куда, и надлежит обращаться. Вопрос же о том, касается ли запрещение проезда и татар не туземцев (то-есть уроженцев иных областей и губерний) остается невыясненным".

А другая заметка, напечатанная в „Туркестанском Голосе" от 16 июля, гласит так:

„**Обязательные поклоны.** Туркестанским генерал-губернатором отдано распоряжение, чтобы туземное население вставанием и поклоном приветствовало офицеров и чиновников всех ведомств". На почве проведения в жизнь этого распоряжения уже начались всевозможные недоразумения. В воскресенье, 24 июля, группа гуляющей Андижанской молодежи, очутившись в окрестностях, не доезжая до „Зеленого моста", была неприятно удивлена, когда перед ней поспешно вскочили сидевшие

около забора почтенного возраста сарты и отвесили проезжающим на экипаже долгий и глубокий поклон. Очевидно молодежь была принята за „чиновников“.

Вслед за первыми приказами последовал дополнительный приказ от 18 июля („Туркестанская Ведомость“ № 157) об об'явлении Туркестанского Края на военном положении, гласящий следующее: „Военный Министр телеграммой от 17 июля с. г. за № 306 сообщил, что 17 июля состоялось Высочайшее повеление об об'явлении Туркестанского Военного Округа на военном положении с подчинением всего гражданского управления в этом крае Командующему войсками. Об'являя об этом по Туркестанскому Краю, подтверждаю, что все обязательные постановления, изданные в порядке усиленной и чрезвычайной охраны, оставляются мною в силе. Подлинное подписал: врем. и. д. Генерал-Губернатора от Инфантерии Ерофеев“.

Характерна по своей циничности статья, напечатанная в газете „Туркестанский Голос“ № 158 от 20 июля. На мнении, изложенном в этой статье, сходились все колониальные „верноподанные“ чиновники и русская буржуазия в Туркестане. Статья эта под названием „Акт справедливости“ гласит следующее:

„Об'явленное Высочайшее повеление о привлечении мужского инородческого населения к работам на нужды армии, является простой справедливостью. Государственная Дума не раз возбуждала вопрос даже о привлечении инородцев к отбыванию воинской повинности. Плодами победы будут пользоваться одинаково, как коренное русское, так и инородческое население. Поэтому вполне справедливо, чтобы инородцы приняли хотя бы косвенное участие в общих условиях страны, путем привлечения их для работы.

Сказанное военным министром особенно справедливо в отношении Туркестана. Россия в течение более 50 лет прилагала колоссальные усилия сделать из Туркестана цветущую и изобильную страну, которую видим мы здесь, вместо убогого и разоренного края, каким был Туркестан до присоединения к России. В течение 50 лет Россия несла неисчислимые жертвы людьми и средствами, чтобы создать теперешний Туркестан с его хлопководством, скотоводством и животноводством. Население Туркестана благоденствовало и возрастало в числе только потому, что Россия трудами своего коренного населения оплачивала его рост и благосостояние.

Три поколения России работали для Туркестана и настала для него пора хотя отчасти взять тягости государственной жизни и на плечи инородческого населения.

И после войны, когда в России благодаря победе пышным цветом разовьются сельское хозяйство и промышленность, Туркестан потребует от России опять таки чрезвычайных усилий для развития в нем горного дела и завершения развития сельского хозяйства и промышленности. Россия опять будет тратить на Туркестан труд своего коренного

населения, а прежде всего и в большей мере воспользуется плодами победы и усилиями для устройства жизни туземное население.

Поэтому актом справедливости является призыв инородческого населения Туркестана к работам на нужды армии".

В чем заключались эти „благодеяния" царизма населению Туркестана, известно каждому. Насколько туземцы были „благодарны", видно из восстания 1916 года.

В ответ на начавшиеся в некоторых местах отдельные беспорядки, администрация вместо раз'яснения, начинает выпускать угрожающие приказы туземному населению, ссылаясь на „Высочайшее повеление" и „мощь русской царской армии".

Так например—незадолго назначенных временно Ферганским областным губернатором генерал-лейтенант Гиппиус выпустил об'явление, напечатанное в „Туркестанском Голосе" № 16 населению Ферганы, которое начинается сразу такими словами, характерными для царской администрации:

„Об'являю туземному населению, что в Ферганскую область уже прибыли войска с артиллерией. Распоряжение этими войсками поручено единолично и самостоятельно мне, военному губернатору. Присланных войск с избытком достаточно не только для того, чтобы усмирить всякую бесчинствующую толпу, но и для того, чтобы разрушить и сравнять с землей всякие поселения, а в городе всякий квартал и даже целый туземный город, где впредь, начиная с сегодняшнего дня, возникнут такие же беспорядки, кои до сего времени происходили почти во всех городах и во многих местах Ферганской области". Указывая далее на то, что теперь набор рабочих будет происходить с „согласия самого населения" в конце обращения говорит следующее:

„Во избежание скопления толпы, пусть каждый благомыслящий туземец, услышав громкий призыв собраться толпе к такому-то месту, такой-то части, обратит внимание на тех, от кого исходит такой призыв, и запомнит их имена. Эти лица, созывающие толпу, являются главнейшими, единственными виновниками всех тех бесчинств, насилий, поранений и убийств, какие, после эта толпа учиняет и единственными виновниками тех жертв (раненые и убитые), которые падают от действий войска с оружием. Впоследствии, после усмирения беспорядков, будут назначены военные суды, если, как я о том уже просил, Ферганская область будет об'явлена на военном положении, то будут немедленно же образованы военно-полевые суды, и, после быстрого расследования всех обстоятельств и на основании свидетельских показаний, все те лица, виновность которых в созыве толпы будет установлена, будут преданы смертной казни. Если же не удастся обнаружить лиц, призывавших туземцев к собранию толпы, то каждое селение, где произошел беспорядок, будет по моему приказанию, разрушено до основания, а земли отобраны в казну. При этом я не буду обращать внимания, ни на медресе и принадлежащие им земли, ни на вакуфы и принадлежащие им земли, ни на мечети и принадлежащие им земли, ни на частные

имущества. Повторяю, что в первую голову будут считаться виновными те лица, которые созывали толпу, а если этих лиц мне, или суду, население не укажет, то поступлю с селениями и землями тех селений, где впредь будут происходить беспорядки так, как выше сказано".

Но этот угрожающий приказ не помог. События стали развиваться дальше еще быстрее. К тому времени, согласно приказа царя от 22-го июля того же года, в целях безболезненного проведения мобилизации рабочих в Туркестане и подавления восстаний, назначается генерал-губернатором известный „знаток" Туркестана Куропаткин (бывший областной военный губернатор Закаспийской области, участвовавший когда-то при столкновении России с западным Китаем в военных действиях).

Куропаткин при прибытии в Ташкент выпускает известное уже обращение к населению Туркестанского края, датированное 23 августа. В этом обращении он указывает, что „победа союзников зависит от победы русского оружия", что набор молодых призывного возраста задержал бы быстроту военных действий, а лучше по этому мобилизовать нижних чинов и солдат для отправки на военные действия, но этих солдат необходимо заменить рабочими из инородцев. Дальше Куропаткин указав, что на Туркестан разверстано 220.000 человек рабочих, которых необходимо мобилизовать во что бы то ни стало, перечисляет „благодеяния", оказанные царской Россией Туркестану и говорит следующее:

„Населению Туркестана при завоевании его оставлялись в его владении и пользовании земли, сохранилось свободное отправление веры, уважался местный уклад жизни, но до сих пор на туземное население не было распространено отбывание воинской повинности за дарованные ему милости. За период 40—50 лет владения Россией бывшими Средне-Азиатскими ханствами, туземное население, под защитой русских штыков, жило мирной жизнью, развивалось и богатело. Экономический рост завоеванных областей значительной частью был обязан жертвам коренного русского населения, на средства которого содержались войска, проводились железные дороги и пр.

В тяжелую годину, переживаемую русским народом, туземному населению Туркестана надлежало вспомнить эти заботы об них русского правительства, вспомнить жертвы, принесенные для их процветания коренным русским населением и без колебаний и сомнений послушно отозваться на призыв державного вождя великой России и выставить в полном порядке назначенное для тыловых работ число рабочих.

В большинстве местностей Туркестана, надо надеяться, так и произойдет, но оказались такие местности, в которых население отказалось дать рабочих, возмутилось, напало с оружием в руках на должностных лиц и беззащитное русское население, производило насилия над ними и даже убийства. Большая часть таких выступлений уже усмирены силой оружия, виновные наказаны или будут наказаны, а земли, на которых совершены убийства русских людей, отобраны навсегда в казну".

Далее об'являя о предоставлении „высочайшим приказом" ему права определять сроки, порядки набора и освобождения по набору некоторых категорий рабочих, а также представления ему права главнокомандующего армиями в Туркестане, Куропаткин перечисляет самые правила проведения набора рабочих на местах.

Согласно этого приказа Куропаткина 220.000 человек по областям были распределены следующим образом: на Сыр-Дарьинскую область—60 тысяч, Самаркандскую—32.407, на Ферганскую—51.233, Семиреченскую—43.000 и Закаспийскую—13.830. При разверстке в приказе Куропаткина в целях „охраны" интересов местностей, производящих хлопок, значительно уменьшено следуемое количество по разверстке рабочих с Ферганской области и некоторых уездов Самаркандской и Сыр-Дарьинской областей, общей численностью на 40.000 человек. Вместе с этим эти 40.000 были переложены на местности преимущественно с кочевым населением, в которых „хлопок не производится". Поэтому-то, конечно, более значительные восстания произошли в кочевых районах и носили более ожесточенный характер.

В последующих пунктах приказа перечисляется самый характер работы в тылу и оплата труда, где говорится, между прочим следующее:

„Работы, возлагаемые на туземцев будут состоять в продолжении и починке дорог, проведении канав, устройстве укреплений, заготовке дров, пастьбе скота, заготовлении для него корма и пр. Все работы будут производиться вне района военных действий.

На работы, указанные выше, будут привлекаться туземцы всех областей Туркестанского края, кроме Закаспийской и Семиреченской, что же касается туркмен Закаспийской области, то ввиду того, что народ этот в настоящее время принимает участие в рядах наших доблестных войск в составе текинского конного полка, совершившего славные подвиги, привлеченные от него по наряду рабочие, будут назначаться с оружием в руках для несения сторожевой службы, как то: охраны пленных, охраны лесов, железных дорог и пр. Киргизы Закаспийской области будут назначаться на работы на общем основании с киргизами прочих областей.

Возлагаемые на туземцев работы, равно как и несение туркменами караульной и сторожевой службы, будут оплачиваться казной в размере одного рубля в день, кроме продовольствия за счет казны, что составит до 50 коп. в день на человека. Заработная плата может быть увеличиваема или уменьшаема, смотря по старанию рабочих; плата считается со дня посадки рабочего в поезд или на пароход.

Отправляясь на работы, туземец должен запастись за свой счет теплой одеждой и обувью, так как им придется работать осенью и зимою в холодном климате. В случае недостатка у рабочих своих средств на заготовку одежды и обуви, им могут быть выданы в счет заработной платы задатки в размере не свыше 30 рублей каждому. В счет выданной вперед суммы производится, где то потребуется, и обеспечение семей

назначенного на работы. Означенная плата вперед выдается на руки самим рабочим, с отметкой о том в их расчетных книжках.

Наряд рабочих в волостях и аулах производится самими туземными обществами по их приговорам. От наряда может быть освобождено самое ограниченное число лиц; список освобождаемых от наряда по их занятиям и положению, об'является в отдельном приложении к настоящему приказу. Кроме того, признаю необходимым вовсе освободить от наряда население Памирских волостей и населений Матчинской волости Ходжентского уезда, Фальгарской и Искандеровской волостей Самаркандского уезда.

Туземцы, не принадлежащие к русскому подданству, наряду не подлежат. Привлечение туземцев на работы производится по месту их приписки. Для содействия населению и администрации по выполнению призыва, туземцам предоставляется учреждать особый порайонный комитет, деятельность которых по организации рабочих в партии, их снаряжению, отправлению и установлению сношений с родиной, определяется в особом к настоящему приказу приложении.

Конечной целью указанных мною мер ставлю, чтобы рабочие отправлялись на тыловые работы успокоенными и уверенными в том, что как о них, так и об оставленных ими семьях, будут постоянно всемерно заботиться власти, входя в их нужды и нужды их семей и чтобы туземцы вернулись на родину лучше, чем ныне, ознакомленными с могуществом и величием русского государства, с более ясным, чем ныне, сознанием, что они должны составлять одну дружную семью со всем великим русским народом.

Изложенные меры, надеюсь должны рассеять в среде туземцев всякие опасения и тревогу по поводу поставки рабочих, а потому я уверен, что высочайший указ 25 июня с. г. о призыве туземцев Туркестанского края на работы в тылу нашего доблестного войска будет выполнен ими успешно и с сознанием долга, лежащего на них как на русских поданных. Прошу военных губернаторов и начальника Закаспийской области принять настоящий приказ к точному исполнению и широкому оповещению среди населения вверенных им областей, предварив туземцев, что высочайшее повеление государя императора о призыве рабочих подлежит точному исполнению".

В инструкции о наборе рабочих указывается, что каждый рабочий должен иметь полный комплект зимней и летней одежды, а также необходимую посуду и инструменты. В отношении медицинского осмотра говорится: „в ограждении чувства стыда мусульман медицинский осмотр желательно производить не публично, а осматривая каждого отдельно в закрытом помещении".

Рабочие партии должны были составляться из десятков, сотен и тысяч, с поименованием каждой из них по названию своих волостей, соответственно с каковым делением назначались: „онбаши" (десяткие), „жюзбаши" (соткие), „мынбаши" (тысяцкие). При рабочих должны были иметься имамы, мирзы, переводчики, а также хлебопеки, мясники и ци-

рульники. Далее указывается порядок отправления и снабжения продовольствием по пути и те отличительные знаки разных чинов в самой администрации над рабочими. Жалованье рабочим полагалось один рубль с увеличением или уменьшением в зависимости от работ, сотским—2 р. десятским и письменным переводчикам по 3 рубля, а муллам—2 рубля все с казенным довольствием.

В инструкции об условиях освобождения от наряда указывается что должны быть освобождены: 1) должностные лица общественных (волостных, сельских и аульных) управлений, 2) нижние полицейские чины из туземцев, 3) имамы, муллы и мударисы, 4) туземцы, знающие классные должности, 5) туземцы, пользующиеся правом дворян и потомственных почетных граждан, а также лично пользующиеся правами почетных граждан, 6) за каждого одного из находящихся на службе в Текинском полку или других воинских частях туземцев, освобождается от наряда на тыловые работы по 3 ближайших его родственника из числа братьев, сынов и племянников по мужской линии, 7) при практикующемся среди туземцев найме за себя рабочих установлено, как общее правило, что туземец может нанять за себя исключительно только туземца, при этом обязательно русского подданного, а отнюдь не иностранца, как-то: бухарца, перса и афганца; русские же, если-бы были даже таковые, не могут быть назначаемы в наряд на тыловые работы вместо того или другого откупившегося туземца. Туземный еврей не может нанять за себя не еврея.

Вот те более важные моменты в инструкциях при наборе туземных рабочих, преподанные местам. Куропаткин был, несомненно, умный „империалист", разбирался в психологии туземцев, но за то такая категория царских представителей была еще опаснее, ибо она очень хорошо умела „околпачивать" население.

В общем, на основании вышеуказанных правил и инструкций начались „реквизиции" рабочих на тыловые работы, но разумеется, в разных местах разно толковали эти приказы. Известно также то, что н. н. инструкций, где говорилось о возможности найма за себя другого туземца, явились фактически основными в дальнейшем наборе рабочих, ибо все имущие элементы не без участия и местной администрации (за взятку) нанимали неимущих, нуждавшихся в материальном отношении и бывших в кабале у имущих.

Для туземного населения Туркестана набор на тыловые работы рабочих явился совершенной неожиданностью. Царская администрация в начале не трудилась точно и обстоятельно об'яснить сущность этой мобилизации рабочих, потом, после ряда первых признаков недовольства рабочих стала давать об'яснения, но лишь ссылками на „царское беспрекословное повеление" и „русское оружие", могущее покарать строго. Туземцы сразу же почти инстинктивно насторожились, стали обсуждать, а впоследствии начали готовиться тем или иным путем к противодействию этим приказам.

Это вполне было естественно, ибо 200 с лишним тысяч туземной массы (количество солидное) перебрасывалось на далекое расстояние, в чужой климат, где шла небывалая бойня, устроенная всемирной буржуазией в своих интересах, когда последней ничего не стоила гибель миллионов рабочих и крестьян, натравленных друг на друга. Кроме того чувствовалось, что рабочие едут защищать чуждые им интересы царской власти, которая была ненавистна туземцам, когда не вполне ясно, но инстинктивно чувствовалось, что мировая война возникла - главным образом из за дележа Востока.

Не было уверенности у туземного населения, что его сыны возвратятся живыми—и это было вполне правильное опасение, ибо мы знаем сколько потом людей погибло от холода и болезней, сколько было брошено непосредственно в районы военных действий для рытья окопов и т. д. Но набор на тыловые работы при наличии глубокого общего недовольства туземцев царской властью, был поводом (сигналом) к всеобщему восстанию туземного населения против царизма.

В течение полустолетия в туземных массах угнетавшихся беспримерно жестоко царской властью накапливалась постепенно горечь и ненависть к этой власти. Чувствовалось не столько политически-культурное угнетение, сколько угнетение экономическое, когда становилось трудно само существование. Если прибавить к этому бесконечное издевательство царской и туземной администрации, переполнившее чашу терпения туземного населения, то будет понятно, почему разыгрались события 1916 года, и почему они носили в некоторых местах ожесточенный характер, когда гнев туземцев направлялся не только на виновников событий, но и на крестьянские массы, насильственно посаженные в крае.

II. Начало и развитие событий по областям.

I. Сыр-Дарьинская область.

Восстание туземного населения в Сыр-Дарьинской области не имело широкого и повсеместного размера, но тем не менее отличалось довольно большой резкостью в некоторых ее районах.

Началось восстание с беспорядков в старом городе Ташкенте. По поводу этих беспорядков за подписью вр. командующего войсками Генерала Ерофеева от 27 июля 1916 года издан был следующий приказ:

„Согласно заключения военно-прокурорского надзора Туркестанского военно-окружного суда, основанного на данных следственного производства, сарты туземной части города Ташкента (перечисляются фамилии), подлежат обвинению в том, что, вознамерившись силою воспрепятствовать исполнению высочайшего повеления о реквизиции рабочих туземцев Туркестанского края, около 8 часов утра 11-го июля месяца сего года, собравшись у полицейского управления туземной части города Ташкента, состоящего на положении чрезвычайной охраны, совместно с другими, не обнаруженными на предварительном следствии лицами, в числе более тысячи человек, напали на собравшихся в полицейском управлении чинов полиции и ударами ножей, камней и палок причинили легкие раны секретарю полицейского управления Трентовиусу и городовым Рустамбаеву и Мусаходжаеву, ушибы другим городовым и выстрелом из револьвера убили бывшего в числе полицейских чинов караульщика Мирахмедша-Миракбар-Шаева, что предусмотрено 263 и 268 ст. ст. Улож. о наказ. уголовн. и испр. 1 п. 18 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и 279 ст. кн. XXII С. В. П. 1869 г. изд. 4.

За означенные преступные деяния все вышепоименованные сарты в числе 35 человек, на основании ст. 262 кн. XXIV С. В. П. 1869 год изд. 4, обязательного постановления Туркестанского Генерал-губернатора от 29 июня 1914 года, п. 3 ст. 26 ст. ст. 17 и 18 приложения 1 к ст. 1 (примечание 2) Устава пред. и пресеч. преступл. (кн. XIV Св. Зак.) и согласно заключения военно-прокурорского надзора, предаются мною Туркестанскому Военно-окружному суду для суждения их по законам военного времени.

Что-же касается до возникшего на предварительном следствии вышеизложенного обвинения против скрывшейся и неразысканной на предварительном следствии сартянки туземной части города Ташкента Заур Биби Мусамухамедовой, то уголовное преследование ее согласно

заключения военно-прокурорского надзора, приостановлено впредь до ее явки или розыска, а уголовное преследование по тому-же обвинению против сарта туземной части города Ташкента Мулла-Садык Садыр-Кариева, за его смертью, прекращаю".

Беспорядки туземцев в старом городе Ташкенте начались приблизительно следующим образом. 11-го июля 1916 года в полицейское управление туземной части города Ташкента должны были собраться все пятидесятники для приведения к исполнению распоряжения правительства о наборе туземных рабочих. Толпа туземных женщин и мужчин уже заранее собралась вокруг здания полицейского Управления и начала выражать недовольство. Толпа с каждым часом увеличивалась. Полицмейстер Мочалов отдал распоряжение закрыть и охранять городовым вход с улицы в сад Полицейского Управления. Несмотря на это, толпа выломала отделявшую сад решетку, избила городовых и хлынула к зданию Полицейского Управления. С крыльца последнего чины полиции пытались уговорить толпу разойтись, но никто не слушался, оставаясь на месте, женщины кричали: „не дадим рабочих", а мужчины: „никуда не пойдем", „здесь умрем".

В этом момент толпа увлекла с крыльца Управления караульщика Мирахмедша-Миракбаршаева и лишила его жизни выстрелом из отобранного ранее у одного из городовых Юлдаш Магомедова, револьвера. Затем толпа схватила на том же крыльце секретаря Управления Трентовиуса и стала наносить ему побои, сорвав предварительно с него шашку. Однако Трентовиуса полицейским удалось освободить, открыв стрельбу из револьверов, после которой толпа отхлынула от крыльца. Через несколько секунд толпа вторично нахлынула и, намереваясь проникнуть в здание Управления, произвела разгром кирпичами и камнями оконных и дверных стекол. По прибытии на место происшествия бывшего полицмейстера подполковника Колесникова с пятью казаками, характер беспорядков обострился. Один из туземцев бросился на него с обнаженной шашкой, но был убит наповал подполковником Колесниковым выстрелом из револьвера. Дав после этого второй залп из револьверов, чины полиции скрылись в здании управления, и там заперлись; в окна полетели кирпичи и камни; бунтовщики пытались пробраться внутрь помещения; по телефону была вызвана на помощь воинская часть; затем действие телефона прекратилось, т. к. толпа порвала провода. Порядок был восстановлен прибывшей ротой ташкентской школы прапорщиков. Перед зданием полицейского управления оказалось шесть трупов туземцев, из них один полицейский караульщик, один туземец, застреленный полицмейстером и четверо убитых выстрелами чинов полиции. Количество убитых и раненых унесенных толпой, не установлено.

Из старого города Ташкента по разверстке требовалось 8.000 человек. Выступившими против администрации оказались, главным образом, рабочие районы старого города Ташкента: Кукчинская и Себзарская части. Но не все районы старого города Ташкента высказывали

недовольство. Были районы и слои населения, отнесшиеся более покорно и даже сочувствовавшие царской администрации в подавлении недовольства. Так, например, Шайхантаурская часть, из которой больше вербовались администрацией чиновники-узбеки, пришла даже в столкновение с повстанцами. Агентурные сведения охранного отделения по этому поводу сообщают следующее: „за последние дни замечается разлад, образовавшийся среди туземного населения старого города Ташкента. Жители Кукчинской и Сибзарской частей враждебно настроены и угрожают расправиться с населением Шайхантаурской части за то, что последние соглашаются выставить требуемое от них число рабочих, но только хотят просить власти оказать им защиту от возможного нападения со стороны Кукчинцев и Сибзарцев. Некоторые семьи сартов Шайхантаурской части из опасения нападения выселяются в русскую часть города и на дачи".

Охранное отделение имело своих агентов из туземцев и в старом Ташкенте. Так, в материалах Охранки часто встречается фамилия некоего г. Ходжиева, писавшего плохо по русски, но доносившего всякие сведения в охранное отделение.

Также из старого города сведения доставляли стражники Кемчук и Бороденко. Кроме того упоминается фамилия Худоярхановых (потомков известных Кокандских ханов), где поручик Худоярханов в селении Каунчи при ст. „Кауфманской" участвовал при столкновении туземцев с русскими, когда убиты были первыми один русский, двое туземцев и один туземец ранен (из сторонников администрации), потом повстанцы были рассеяны карательным отрядом. Здесь поручик Худоярханов играл руководящую роль. В другом месте доносится подлинно следующее:

„Вчера в нескольких верстах от раз'езда № 123 собралась очень большая толпа конных, вооруженных палками с прикрепленными к ним ножами, туземцев, наступавших на селение Чиназ, расположенное около раз'езда. Бывший в селении пристав поручик Худоярханов, вынужден был отступить к раз'езду и потребовать карательный отряд, который, наступая на толпу, открыл огонь и подобрал одного раненого туземца. Остальные раненые и возможно убитые, подобраны толпой и увезены; так как карательный отряд состоял из очень молодых солдат, не достаточно хорошо обученных и результаты стрельбы были неудовлетворительны *)". Дальше говорится о настроении отдельных слоев населения в этом районе.

Вот ряд фактов, характеризующих агентов царской власти из туземного населения и вспышки, происходившие в разных местах „Сыр-Дарьинской области.

Возвращаясь к делу о беспорядках в старом городе Ташкенте, нужно сказать, что на самом деле представители власти получили больше побоев от толпы, чем указывается в приказе. Много было убитых и из толпы администрацией. Но за то последствия беспорядков в старом

*) Донесение ротмистра.

городе послужили предупреждением для власти о могущих возникнуть таких же недовольствах и в других местах.

Дело старогородских зачинщиков разбиралось потом в Военно-Окружном Суде под председательством полковника Закомельского при обвинителе полковнике Симанович и защитниках: присяжных поверенных К. Н. Будько, Н. Н. Закоменном и по назначению суда - военном защитнике Полозове.

По приговору суда 35 обвинявшихся лиц, 5 человек приговорены были к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение, причем за одного из них—несовершеннолетнего суд постановил ходатайствовать о смягчении его участи; девять человек приговорены к каторжным работам на 20 лет каждый; пять человек к лишению всех собственных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в арестантские исправительные отделения на три года каждого: один несовершеннолетний на 2 года в тюрьму без лишения прав: одиннадцать человек оправданы. Дело четырех обвиняемых выделено.

На приговор суда защитниками обвиняемых, через Военно-Окружной Суд было подано мотивированное прошение о смягчении участи осужденных. При конфирмации приговора командующий войсками генерал-адъютантом А. М. Куропаткиным приговор к смертной казни утвержден в отношении двух осужденых; двум другим смертная казнь заменена каторжными работами на пять лет каждому (в числе которых были Юльчи Ибрагимов из кожевенных рабочих, а одному несовершеннолетнему—смертная казнь заменена тюрьмой без лишения прав. Девяти лицам 20-летняя каторга заменена двумя месяцами ареста. Шести лицам—три года арестантского отделения и два года тюрьмы заменены одним месяцем ареста *).

Интересно также о туземцах селения Той-Тюбе, Ташкентского уезда. Приговор по Той-Тюбинскому процессу гласит следующее: „По указу его императорского величества 1916 года, сентября 17 21 дня особый временный военный суд в городе Ташкенте, под председательством исполняющего должность военного судьи полковника Закомельского, в закрытом судебном заседании, в котором присутствовали временные члены: Военно-топографического отдела, Штаба Туркестанского военного округа, полковник Залесский и 737 пешей сибирской дружины, подполковник Меринов, при помощнике военного прокурора, полковнике Терпиловском и при исполняющем должность помощника секретаря—губернском секретаре Беке—слушал дело о вооруженном сопротивлении властям сартов Той-Тюбинской волости Ташкентского уезда—Мулла Хали Магомет Худайбергенбаева, Рахимбай Игамбердыбаева и других, всего в числе 18-ти человек, преданных Туркестанскому военно-окружному суду, командующим войсками Туркестанского Военного Округа (перечисляются ст. ст. законов, на основании которых передаются

*) Сведения взяты из заметки, напечатанной в газете «Туркестанский Голос» от 17 августа 1916 г., № 37.

суду). „По имеющимся на подсудимых сведениях значится, что они, туземцы Той-Тюбинской волости, Ташкентского уезда (перечисляются фамилии и возрасты всех)—все обвиняемые под судом не были. Обсудив в совокупности все обстоятельства дела, суд признал виновными подсудимых (перечисляются фамилии 8 человек), в том, что 22-го июля 1916 года, в селении Той-Тюбе, Ташкентского уезда, состоящего на военном положении, по предварительному между собой и другими, не обнаруженными лицами, соглашению, с намерением силой воспрепятствовать проведению в исполнение высочайшего повеления от 25 июня 1916 года „о привлечении инородческого населения Империи для работ в тылу действующей армии", путем убийства волостного управителя Той-Тюбинской волости Бек-Магомета Маллябиева, принимавшего меры и делавшего распоряжения по приведению означенного высочайшего повеления в исполнение, напали на усадьбу означенного волостного управителя и на охранявших эту усадьбу полицейского урядника и 4-х воинских нижних чинов и ворвавшись силой в усадьбу, ударами ножей и палок, лишили жизни названного волостного управителя Маллябиева и затем, разгромили самую усадьбу, и истребили и расхитили часть находившегося там имущества, принадлежащего самому Маллябиеву и его семье и находившееся в той-же усадьбе, сданное на хранение Маллябиеву, имущество армянки Шапогать Асадовой, причинив означенным преступным деянием убытки сыну убитого волостного управителя Маллябиева—Усману Бегматову в сумме 35.550 рублей и армянке Шапогать Асадовой в сумме 3.515 рублей.

А потому и на основании (перечисляются ст. ст. законов и положений) суд постановил: подсудимых (перечисляются фамилии 8 чел.) за вооруженное восстание против властей правительством установленных, с намерением воспрепятствовать приведению в исполнение высочайшего указа, сопровождавшееся насилием и убийством должностного лица по поводу исполнения им служебных обязанностей,—лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение. Причиненные означенным преступлением убытки сыну убитого волостного управителя Бек Магомета Маллябиева, туземцу Той-Тюбинской волости Усману Бегматову и армянке Елизаветин. губ., проживающей в селении Той-Тюбе, Шапогать Асадовой Хосанджяниянц, взыскать из имущества названных 8, признанных виновными подсудимых поровну, за круговую друг за друга ответственностью (перечисляются суммы убытков и вещественные доказательства, подлежащие возвращению)".

Приговор этот, за исключением пунктов об удовлетворении гражданского иска, утвержден Куропаткиным с заменой смертной казни лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы на 4 года каждого.

Десять человек арестованные по этому делу признано судом невиновными.

С этим процессом связан нашумевший „Торг со смертниками".

Указывая на постановление военно-окружного суда по Той-Тюбинскому процессу и на посылку телеграммы в тот же день защитниками подсудимых Куропаткину, об'езжавшему тогда Закаспийскую область, Одинцов говорит*): „подлинная действительность, скрытая за этой оффициальной завесой, могла бы при иных условиях показаться кошмарным вымыслом и, конечно, является небывалой в летописях нашей присяжной адвокатуры. Для воплощения в жизнь этого „вымысла“ необходимы были долгие годы того специфического настроения, чуждого совести и чести, которое создало „Ташкенцам“ в ковычках еще со времен Салтыкова-Щедрина, незавидную репутацию людей способных на „что угодно“.

В три часа дня той-тюбинцы, собранные во дворе суда: выслушали в окончательной форме свой смертный приговор, при чем осужденным было раз'яснено, кого и на протяжении какого срока они могут просить о помиловании. После оглашения приговора один из осужденных обратился к председателю суда с просьбой отпустить к ним для переговоров защитников Костко, Шермана и Вебера и, кроме того, присяжных поверенных Арсеньева и Иванова. Как выяснилось, эти два адвоката выступили по делу остальных той-тюбинцев и к моменту оглашения приговора в окончательной форме, вышли из состава защиты, так как их подзащитные были судом оправданы.

К удивлению присутствовавших, присяжный поверенный Арсеньев находившийся еще в суде, отказался, несмотря на разрешение председателя, подойти к осужденным и, махнув рукой, ушел внутрь здания. Такое нежелание переговорить с людьми, приговоренными к смерти, показалось непосвященным, в высшей степени загадочным. Происшедшее на полчаса позже подтвердило наихудшее из предположений. Под усиленным конвоем 8 той-тюбинцев были отведены вглубь двора; здесь волнуясь и плача они стали умолять допущенных к ним для прошения родственников, пожалеть их в несчастии и достать во что бы то ни стало, как можно скорее 5.000 рублей.

Из дальнейшего выяснилось, что осужденные той-тюбинцы, всецело загипнотизированные мыслью, что спасти их от смерти могут только г. г. Арсеньев и Иванов, „оправдавшие“ других сопроцессников, накануне просили этих представителей присяжной адвокатуры, принять вместе с тремя их защитниками участие в составлении прошения о помиловании, но г. г. Арсеньев и Иванов потребовали за свой труд 8.000 рублей и договор не состоялся. Выяснилось также, что после долгих, длившихся несколько часов переговоров, защита „уступила“ до 5.000 рублей. Однако у родственников осужденных оказалось на лицо только 1.000, которую они соглашались дополнить краткосрочными обязательствами на 3.500 рублей. Из-за 500 недостающих рублей дело разошлось и теперь приговоренные к смерти той-тюбинцы (срок смертной казни уже истекал) делали последнюю попытку спасти себе жизнь.

*) „Туркестанский Голос“ № 70 за 1916 г. статья В. Одинцова «Торг со смертниками».

Приблизительно через полчаса, после томительных переговоров с другими участниками защиты, г. Арсеньев, наконец, вышел к осужденным. Здесь произошла сцена, которую трудно описывать... Начался торг. Один, долго сдерживавшийся старик с седой трясущейся головой, закрыл лицо халатом и нервно рыдал. Другой, обращаясь к брату, стоящему поодаль, умолял его добыть недостающие деньги. Прочие из подлобья смотрели на собравшихся адвокатов и, видимо, пытаясь сохранить достоинство, угрюмо молчали. Около 4-х часов соглашение состоялось".

Осужденные той-тюбинцы договорили Арсеньева и отсутствовавшего Иванова за 5.000 рублей принять участие в написании прошения о помиловании: по этому договору „возможно большая часть денег, но не менее 1.000 рублей должна была поступить адвокатам вечером в тот же день, а остальная сумма обеспечивалась векселями".

При этом родственникам той-тюбинцев было поставлено категорическое требование о внесении всех денег не позднее, как через день — два.

„Проведение всей адвокатской коллегии, присутствовавшей при торге и помогавшей ему, отличалось поразительным цинизмом. В присутствии осужденных на смерть, их родных, переводчика суда, одного из чинов канцелярии, десятков солдат конвоя и нескольких посторонних лиц—представители присяжной адвокатуры, не обинуясь толковали о 5.000 рублях, о векселях, о том, что „достаточно" за глаза и двух часов для написания прошения и т. д. Получилось совершенно определенное впечатление, что торг ведется от числа пяти адвокатов и при том в их общих интересах".

После, уличенные в вышеуказанном преступлении, адвокаты пытались реабилитироваться, но редакция газеты „Голос Туркестана" на страницах этой газеты подтвердила, что все это происшествие подтверждается всеми теми документами, которые дополнительно получены в редакции.

Этим кончился процесс той-тюбинских бунтовщиков.

По бывшему Перовскому уезду интересен случай сопротивления администрации в Масловской волости. Для краткости мы приведем ряд выдержек из приказов и обвинительного приговора Суда по этому делу:

„ПРИГОВОР. По указу его императорского величества 1916 года сентября 6-го дня особый временный военный суд в городе Перовске, под председательством полковника Закамельского в закрытом судебном заседании, в котором присутствовали временные члены: полковник Залесский, подполковник Меринов и Бек (титулы их здесь пропускаются) —слушали дело о киргизах Масловской волости Перовского уезда: Кульджане Джакаеве, Кинджагуле Джакаеве и друг. в числе 7 человек, преданных Туркестанскому Военно-окружному суду командующим войсками Туркестанского военного Округа (перечисляются ст. законов, на основании которых они обвиняются).

Обсудив в совокупности все обстоятельства дела, суд признал виновными подсудимых: Кильджана Джакаева, Кинджакула Джакаева,

Абдукарима Кульджанова и Садыка Оспанова—в том, что в ночь на 25 июля 1916 года в Масловской волости Перовского уезда, состоящего на военном положении, по предварительному между собой и другими лицами, в числе около 70 человек, соглашению и совместно с ними, будучи вооружены ружьями и кинжалами, с намерением воспрепятствовать приведению в исполнение высочайшего повеления от 25 июня 1916 о наборе туземцев Туркестанского края на работы в тылу действующей армии, путем убийства исполняющего должность волостного управителя Масловской волости Кульчука Бекбаева и писаря той-же волости Юсупа Назар Аимбетова, принявших меры к приведению в исполнение вышеуказанного высочайшего повеления—напали на юрту названного волостного управителя и выстрелами из ружей и ударами кинжалов, умышленно лишили жизни названных, исполняющих должность волостного управителя Кульчука Бекбаева и писаря Юсупа Назар Аимбетова, причинив им огнестрельные резанные и колотые раны и после того, с тем же намерением воспрепятствовать приведению в исполнение вышеуказанного высочайшего повеления, из сундука убитого волостного управителя похитили: 1) книги волости—квитанционную, рассыльную, третейского суда, с'езда биев и переходящих сумм, 2) журналы входящий и исходящий, 3) знак волостного управителя и умышленно разорвали на мелкие клочки всю переписку за 1916 год, среди каковой переписки находились документы, относящиеся к вызову туземцев на работу".

По этому делу суд вынес приговор о применении смертной казни, как для зачинщиков, так и для сообщников сего преступления с лишением всех прав состояния. Куропаткин утвердил этот приговор с заменой смертной казни ссылкой в каторжные работы на 10 лет каждого из приговоренных.

Следующий случай беспорядков был в Карийской волости, Ташкентского уезда.

Приговор по делу беспорядков в Карийской волости, вынесенный временным военно-окружным судом под председательством ген.-м. Абрамова, членов: полковника Залесского, подполковника Предтеченского, прапорщика Габбина, подпрапорщика Знаменского, говорит следующее, перечисляя фамилии 33-х обвиняемых:

„В районе Карийской волости, Ташкентского уезда, Сыр-Дарьинской области, каковая местность состояла тогда на военном положении, вознамерившись не допустить приведение в исполнение в Карийской волости высочайшего указа о привлечении инородцев на тыловые работы для действующей армии, они совместно с другими лицами толпою около 600 человек, явились в селение Кую-Кырыз, где проживал волостной управитель Карийской волости Акмаль-Хан саид Валиханов и волостной писарь Мусанбай Асанбаев и здесь с криками о необходимости убить волостного управителя и других лиц туземной администрации, стали искать по всему селению назначенного управителя и писаря, и не найдя их, так как те успели скрыться, напали на дом Валиханова, выбили в

нем окна, взломали запертое помещение и разбросали находившееся в доме имущество, часть которого была приведена в негодность, а часть уничтожена".

Следующий раз указанными обвиняемыми были нанесены побои волостному управителю и должностным лицам. Суд, в результате, приговорили двух из них в каторжные работы на 12 лет, а 4-х в исправительные арестантские отделения на 3½ года. Куропаткиным при утверждении эти сроки были несколько сокращены.

Такие же небольшие беспорядки наблюдались в селении Янги-Базар, Китай-Тюбинской волости, потом в селении Ханабад, где собравшаяся толпа бросилась на Кенджигалинского волостного управителя и джигита пристава Баймурата и изранили их ножами и разгромили дом. Пристав, находившийся здесь, вооружился, дал ружье своему переводчику Якубджану и Телляузскому учителю Воронежскому и бросился выстрелами разгонять толпу. По этому делу привлечено было 26 человек к ответственности. Также происходили беспорядки в Пскентском районе.

Все эти беспорядки сопровождались большими жертвами со стороны туземцев—участников беспорядков, у которых потом конфисковали все имущество.

От 16 октября того же года, Казалинский уездный начальник сообщает, что согласно сведениям Кармакчинского участкового пристава, некоторые казакские волости этого участка откочевали в Иргизский и Тургайский уезды, где происходят также недовольства и беспорядки.

По этому поводу велись потом телеграфные переговоры между Казалинским уездным начальником и командующим Туркестанским военным округом с генерал-губернатором Степного края. Из переписки их видно, что тогда в Иргизском и Тургайском уездах происходили большие беспорядки казак-киргиз.

Чтобы воспрепятствовать откочеванию казак-киргиз Казалинского уезда, были посланы специальные военные силы. По личному распоряжению Куропаткина (согласно переговоров с уполномоченным по заготовке продовольствия для армии Булатовым), послана была военная охрана в Казалинский уезд для рыбопромышленности Аральского моря.

Более широкий и жестокий характер имело по своим последствиям восстание казаков и киргиз в Аулие-Атинском уезде, главным образом в Меркенском районе.

На Аулие-Атинский уезд по наряду падало 22.675 рабочих, но до конца августа всего набранных рабочих оказалось около 3.000 человек, а остальных рабочих киргизское население не согласилось давать.

Начались беспорядки с Кучепеевской волости, где киргизы убили лесообъездчика Карача и оказали сопротивление администрации.

Однако, во время посланным отрядом во главе с прапорщиком Заведеевым, (как раз с тем, который потом в 1919 году, с группой лиц, получив наряд от прод. директории Туркреспублики на заготовку свинины на Балкаше, бежал к Колчаку)—эти беспорядки были подавлены с арестом ряда лиц.

В это же время начинается волнение киргиз на Сусамуре месте летовок, главным образом, киргиз Пишпекского и Аулие-Атинского уездов. Появляются конница киргиз у сел. Беловодского, производится нападение на сел. Сосновку, Ново-Николаевку и Перовку Пишпекского уезда, из которых крестьяне переезжают в город. Рабочие, строющейся Семиреченской жел. дор. тоже уходят в город.

В районе Джаилевской волости при столкновении с караульным отрядом, убито несколько киргиз.

Из Ташкента тем временем отправляются усиленные подкрепления по линии Аулие-Ата—Пишпек, но события разыгрываются до прибытия этих отрядов. По распоряжению уездного начальника идет вооружение крестьянских поселков.

Казак-киргизами была перервана телеграфная линия от Челдовара до Мунке и была масса столкновений.

25 августа в Меркенском участке началось настоящее восстание. Телеграфная линия Мерке—Пишпек совершенно была прервана и телеграфные столбы унесены на много верст от линии. Ряд поселков подвергся нападению. Казак-киргизы в несколько тысяч человек делали наступление на Мерке.

Отряд участкового пристава Лундина столкнулся при выезде из Мерке с казакскими конницами и, обстреляв их, возвратился обратно. В этом столкновении ранен был волостной писарь Шелякин.

Меркенские казаки, устроив ряд с'ездов, решили продолжать выступление. Они говорили, что „задавят нападающих русских своими тысячными табунами лошадей“, и действительно был такой случай, когда казак-киргизы пускали вперед вскач многотысячные конные табуны, чтобы создать расплох в рядах своих врагов.

В Меркенском участке, в Курагатинской волости, особенно проявился своим руководительством один казакский старик по имени „Ак-коз“, который потом был взят в плен, подверся побоям, но остался жив.

Посланные к тому времени из Ташкента отдельные воинские части, стали прибывать в Мерке, где образовался настоящий военный лагерь.

29-30 августа казак-киргизы, вооруженные пиками и оружием в полторы-две тысячи человек, совершили новое нападение на Мерке, но были встречены ротой солдат, давшей несколько залпов по казакам. Последние, потеряв много убитыми, отступили. Особенно ожесточенный характер имели беспорядки в Ново-Троицком районе. В этот район послан был отряд во главе с прапорщиком Бондыревым (как раз с тем, который, записавшись в партию левых эс-эров, участвовал во фракции левых эс-эров 6-го С'езда Советов Туркреспублики в 1918 году).

В этом отряде участвовали и десяток Меркенских торговцев-узбек. При столкновении с восставшими казаками, отрядом Бондырева взято было в плен 150 человек, которые были по дороге все поголовно расстреляны. Помимо этого у казаков отобрано этим отрядом 4.340 баранов,

23 верблюда. 225 голов рогатого скота. Со стороны отряда был ранен один солдат и убита одна лошадь. К бунтовщикам Ново-Троицкого района потом присоединились Чуйские казак-киргизы.

Было столкновение в Чуйском участке Аулие-Атинского уезда, где конный отряд, во главе с Виноградовым и Чуйским участковым приставом, 16 сентября, верстах в 75 от гор. Аулие-Ата, встретился с скопищами казаков, открыл огонь, дав ряд залпов. Перестрелка продолжалась 24 часа. Казакская толпа, разбившись на отдельные группы, стремилась окружить отряд, но с большим уроном вынуждена была рассеяться. В составе повстанцев участвовали казаки волостей: Кученейской, Аккултукской, Таласской, Самбецкой, Алма-атинской, Тастубинской и Макбальской.

Начальником Аулие-Атинского уезда был Суплатов и секретарем уездного управления Кенесарин (казак), которые своевременно, каждый день, давали сводку командующему войсками и Сыр-Дарьинскому военному губернатору о ходе событий в Аулие-Атинском уезде.

В Меркенском районе было арестовано в результате человек 30, которые преданы были потом военному суду.

Вооруженные крестьяне поселков Аулие-Атинского уезда, в особенности Меркенского района, выезжая отдельными отрядами по Казакским степям с разрешения властей, истребляли казакские аулы, массами пригоняя скот в поселки. В это время в союзе с грабившими крестьянами, особенно в Меркенском районе, действовали узбеки-торговцы и целый ряд казак-киргизских интеллигентов, состоявших на службе в администрации, как например учитель Карабай Адильбеков, хорошо нажившийся во время этих беспорядков.

2. Самаркандская область.

На Самаркандскую область разверстано было 38.000 рабочих, которые, с надбавкой еще 10% на случай физической непригодности некоторых, с учетом интересов хлопковых районов, были распределены таким образом: от гор. Самарканда полагалось 6.700, от Самаркандского уезда 8.700, Катта-Курганского уезда—700, Джизакского уезда—10.600 и Ходжентского уезда—9.000, а всего 42.000 человек.

От волостей Матчинской и Искандрской призывалась половина причитающихся рабочих, а от Фальгарской 3/4, ввиду бедственного положения этих районов.

По Самаркандской области, главным образом, беспорядки охватили Джизакский уезд, где движение, по словам Куропаткина *), приняло форму „открытого восстания“. Джизакское событие является одним из характерных эпизодов в восстании 1916 года, где особенно проявилась жестокость царских карательных отрядов.

Население Джизакского уезда сразу же встретило враждебно приказ о наборе рабочих. Стали устраиваться в разных местах сходки и собра-

*) Всеподданнейший рапорт генерала Куропаткина.

ния, где масса выносила одно и то же решение о том, что давать рабочих невозможно, что нужно препятствовать набору рабочих. Население пробовало даже по этому поводу обращаться к администрации с просьбой об отмене набора рабочих. Но администрация ответила непреклонностью и предложила без всяких разговоров выполнить развертку.

В Джизакском уезде первые выступления начались с туземной части города Джизака. В приказе своем о предании военно-окружному суду виновников беспорядка в городе Джизаке Куропаткин следующим образом мотивирует свое обвинение этим виновникам.

„Согласно заключения военно-прокурорского надзора Туркестанского военно-окружного суда, основанного на данных следственного производства подлежат обвинению: туземцы Джизакского уезда—ишан Назыр Ходжа Абдусаламов, имам мулла Магомет Раим, мулла Абдураимов, Ашур Игнатуллаев, Нуретдин Ходжа Маруф Ходжаев, мулла Зна-Кары Абдуллаев, Абдусамат Юлдашев, Ташпулат Якубов, Юсуп Аблабаев, Гоныр-мулла Султанов, Ишанкул Хашимов, Ишанкул Ширматов, Ашир Мухамед Хан Мухамедов, Каул (он же Кобыль) Исмаилов, Уста Рахман Алимбаев, Насретдин Хасанов, Турды Мурат Казакбаев, Адильбай Нормат Максумов, Турсунбай Абраимов и Файзымурат Юсупджанов—в том, что в период времени от 13-го по 17-е июля 1916 года в городе Джизаке и его окрестностях, состоявших в то время на положении военной охраны, а ныне состоящих на военном положении, по предварительному между собой и другими, в огромном числе необнаруженными лицами соглашению, будучи вооружены револьверами, ружьями, пиками, топорами, ножами и палками, с целью воспрепятствовать приведению в исполнение высочайшего указа от 25 июня 1916 года о наборе туземцев на работу в тылу действующей армии, произвели многочисленные нападения на войсковые команды и отдельных воинских чинов, на должностных лиц уездной администрации и полиции, на железно-дорожных служащих и на частных лиц русского происхождения и умышленно во многих местах по линии железной дороги вывернули рельсы, сожгли мосты и жилые дома, порвали телеграфные провода, разбили изоляторы, уничтожили железно-дорожные казармы и сооружения, лишив при этом умышленно, для достижения преднамеренного, жизни уездного начальника Джизакского уезда полковника Рукина, полицейского пристава гор. Джизака шт.-капитана Злотоглова, переводчика уездного управления Мирза Хамдама Закирджанова, старшего городового Камиля Джуманбаева, рядового 732 пешей дружины государственного ополчения Федора Грищенко и Джизакского старшину Мирза Яра Худоярова, заведомо для них находившегося при исполнении служебных обязанностей; трех жел.-дор. служащих и русских жителей, трех женщин; двух детей и одну девушку, при чем из числа их были зачинщиками: Назып Ходжа Абдусалямов, мулла Магомет Раим, мулла Абдураимов, Зна Кары Абдуллаев Нуритдин, мулла Маруф Ходжаев, Абдусамат Юлдашбаев, Ашур Инатуллаев и Юсуп Абдуллаев (перечислены ст. ст. закона).

12 июля должна была состояться поверка мобилизованных рабочих туземной части города. К этому моменту приехал из Ташкента, посланный туда за сведениями, ишан Назыр Ходжа, который распространил слух, что набор приостановлен до окончания „Уразы" и что в Ташкенте происходит бунт туземцев.

Во главе с Назыр-Ходжой толпа, избив городского старшину Худоярова, двинулась в новый город требовать отмены набора рабочих. Навстречу толпе выехал Джизакский уездный начальник полковник Рукин, полицейский пристав Злотоглов, переводчик Закирджанов, джигит Камиль, с целью установить порядок путем словесного воздействия.

Но все-же перед этим Рукин приказал всей караульной команде двинуться за ним в старый город. Отряд встретился с огромной толпой вооруженной шашками, палками, но ружей не было видно. При столкновении с этой толпой, отрядом был дан залп по массе и последняя отступила. Потом последовало опять наступление и опять дано было два залпа. Второпях толпа не сумела забрать всех убитых и на поле осталось одиннадцать трупов убитых туземцев. К тому времени прибыло подкрепление в сто человек солдат из станции Черняево.

Хотя русская часть города насторожилась, но повторных наступлений со стороны туземцев не было, а беспорядок перебросился уже в уезд.

В том же приказе Куропаткина, указанном нами вначале, говорится о беспорядках в Богдановской волости следующее:

„Жители селения Яны Богдановской волости, Джизакского уезда, Абдурахман Ходжа, Абдужаваров Джевачи обвиняются в том, что 15 июля 1916 года в селении Богдан Джизакского уезда, по предварительному соглашению с другими, не обнаруженными лицами, с целью воспрепятствовать приведению в исполнение высочайшего указа от 25 июня 1916 года о наборе туземцев на работы в тылу действующей армии, они с приведенной ими толпой туземцев, ворвались в канцелярию и квартиру Богданского участкового пристава и в местную больницу и уничтожили находящиеся там казенные документы, книги, дела и имущество, что предусмотрено (перечисляются статьи закона).

По тому же приказу обвиняются туземцы Джизакского уезда—ишан Назыр Ходжа Абдусалямов, имам мулла Магомет Раим, мулла Абдураимов, Абдурахман Ходжа Абдужаваров Джувачи и мулла Джайнак Абдурассулев в том, „что с целью образования самостоятельного мусульманского государства, собрали громадные толпы вооруженных ружьями, револьверами, пиками, ножами, топорами и палками туземцев, снабдили эти толпы огнестрельными припасами и оружием, провиантом и фуражем, объявили священную войну против русского владычества, провозгласили Абдурахмана Ходжа Абдужаварова Джевачи владетельным Джизакским беком и с намерением отторгнуть от Российской Империи Джизакский уезд, выступили с названными вооруженными толпами в поход на Джизак, при чем 21 июля 1916 года напали на высланный против них военный отряд полковника Афанасьева, открыли по этому отряду боевую

стрельбу, с целью лишения жизни воинских чинов отряда и умышленно с теми же намерениями убили из состава этого отряда казака Невзорова, зная, что означенный отряд и названный казак находились при исполнении служебных обязанностей (перечисляются ст. ст. закона)*.

Куропаткиным издан был ряд обвинительных приказов и по другим случаям беспорядков в Джизакском уезде.

Беспорядки в Джизакском уезде происходили приблизительно в следующей последовательности.

О наборе рабочих по Джизакскому уезду об'явлено было 1 июля 1916 года. По всему Джизакскому уезду туземцы встретили приказ отрицательно и посылали в разные стороны людей для собирания сведений о том, как поступает в данном случае население других районов. В беспорядках в городе Джизаке, когда был убит Рукин и другие, участвовали люди и из окрестных кишлаков. Все случаи беспорядков в Джизакском уезде связаны между собою как общими причинами, так и общностью участников.

В Зааминском участке, возбужденная толпа во главе с Каримом Арзыкуловым утром 13 июля убила в селении Кырк Ямской волости двух пятидесятников: Кульбека Инарча и ранила старшину селения Актап той же волости; во главе с Турдыбеком Худайназаровым убили Шукуртахтинского старшину Мулла Махкамбая Мулла Разыкулова.

В тот-же день 13 июля Зааминский участковый пристав Соболев, в сопровождении 2 стражников Проценко и Чаревича, отправился к месту убийства для производства дознания и арестовал 7 человек, в числе их названного Карима Арзыкулова и Турдабека Худайназарова.

Переночевав в сел. Ям, 14 июля утром вместе со стражниками и Ямским волостным управителем муллою Фазыдем и, захватив с собой арестованных, пристав Соболев возвращался в сел. Заамин. Вслед за ними двинулась толпа туземцев, постепенно все увеличивавшаяся жителями всех попутных селений и толпою жителей сел. Заамин во главе с ишаном Касымом Ходжею. Неподалеку сел. Заамин толпа стала наступать, некоторые с палками бросились на пристава, но были сдержаны выстрелами. В виду опасности, бросив арестованных, которые примкнули к толпе, пристав, 2 стражника и волостной управитель, отстреливаясь, поскакали к Заамину. Толпа настигла, немного отставшего Ямиского волостного управителя, и на глазах пристава и стражников, Карим Арзыкулов с другими убил его.

В сел. Заамине оказалось, что канцелярия и квартира пристава уже накануне вечером были разгромлены; все оружие и патроны похищены, сохранился лишь небольшой ящик с патронами, спрятанный под бумагами. Захватив этот ящик, пристав со стражниками укрылся в балахане (мезонин) на базарной площади, где были окружены толпою, во главе которой стоял ишан Касым Ходжа. Последний вступил в переговоры с приставом заявив, что во всем Туркестанском крае все русские перебиты и предложил ему выдать оружие и перейти в мусульманство. Получив отказ, ишан Касым Ходжа приказал толпе обстрели-

вать балахану. Выстрелом одного из мятежников пристав был ранен в живот, от чего, через 3—4 часа скончался. Оба стражника вечером, улучив минуту перебежали на бойню, где отстреливались до прихода войск.

На следующий день после убийства пристава, в главной мечети сел. Заамин ишан Касым Ходжа при большом стечении народа был избран „Зааминским беком" („эмиром"). Об'явив „газават" (священную войну), ишан Касым Ходжа для участников бунта отменил дневной пост „уразы" и здесь же в мечети был устроен общий пир. После этого мятежники по указанию ишана Касым Ходжи во главе с ним двинулись на станцию Обручаево, намереваясь дойти до станции Уреатьевская. Мятежниками были убиты и взяты в плен русские, перечисленные в приказе Куропаткина.

В Джизакский уезд спешно посланы были войска, образовавшие карательный отряд во главе с полковником Ивановым. После „энергичной" деятельности карательных отрядов, посланных в разные стороны, мятеж в Джизакском уезде был подавлен к 25 июля.

По Джизакскому делу обвинялось всего 152 человека, свидетелей было 500 человек (в большинстве чины администрации) и истцов 26 человек. Защитников было 8 человек: член Государственной Думы И. Ахтямов, специально приехавший из России, его брат присяжный поверенный.

Ташкентские адвокаты: Чарковский, Абрамов и Убайдулла Ходжаев и трое местных присяжных поверенных. Состав суда: генерал майор Давидович и и. д. военного судьи полковник Закомельский при помощнике военного прокурора полковнике Симановиче и при секретаре суда статском советнике Некрасове.

Военным судом были приговорены по Джизакскому (Зааминскому) делу 48 туземцев к смертной казни через повешание, двое к бессрочным каторжным работам; 48 человек—к 12 летней каторге; 49—оправданы. О четырех заболевших подсудимых дело выделено, а один умер до суда *).

По делу беспорядков в городе Джизаке из 74 подсудимых —32 человека приговорено было к повешанию, а остальные 42 человека оправданы.

Куропаткин повстанцам Джизакского уезда допустил смягчение, заменив части приговоренных смертную казнь ссылкой на каторжные работы. Что касается конфискации земель, принадлежащих повстанцам, то приведем просто выдержку из доклада генерала Куропаткина на „Высочайшее Имя".

„В Джизакском уезде мною об'явлено было населению о конфискации у него около 2.000 десятин земли на участках, где была пролита кровь русских людей. Из них 800 десятин незастроенной земли, числящейся в черте города, между русскою и туземной его частями, на

*) „Туркестанское Слово" № 1 от 24 января 1917 года.

которой были зверски убиты бунтовщиками Джизакский уездный начальник полковник Рукин и пристав Злотоглов. Остальные 1200 десятин, предназначенных к конфискации, представляют несколько участков, на которых было убито 73 русских. Эта мера, об'явленная всему населению, с указанием, что в случае новых вооруженных выступлений, кроме казни виновных, будет у туземцев отбираться земля, где они прольют русскую кровь, содействовала отрезвлению туземного населения и удержала от вооруженного выступления колебавшихся".

Другое заметное столкновение администрации с туземцами было в городе Ходженте и его уезде.

В приказе Куропаткина по поводу беспорядков в Ходженском уезде говорится следующее:

„Согласно заключения военно-прокурорского надзора Туркестанского военно-окружного суда, основанного на данных следственного производства, таджики города Ходжента, Калинауской части (перечисляются фамилии 10-ти человек), подлежат обвинению в том, что 4 июля 1916 года (ссылка на положение чрезвычайной охраны и высочайшее повеление)—набросились на водворявших порядок чинов полиции и и нижних чинов Ходженской караульной команды, бросали в них камнями, хватали за штыки, пытаясь вырвать винтовки и причинили находившимся при исполнении служебных обязанностей полицейским —П. Полюцкому, Ф. Дьякову и Аб. Файзыбаеву, а также рядовым Ходженской караульной каманды В. Хамитдулину и Михаилу Шабашеву удары и ушибы, что предусмотрено (перечисляются ст. ст. закона)".

По тому же приказу предаются военно-окружному суду таджики сел. Кастакозь, Ходженского уезда в числе 6 человек по обвинению в том, что они ворвались толпой во двор канцелярии Костакозьского волостного управителя Маюсуфа Ша-Аюбова, который в то время подписывал приговор сельского схода о разверстке рабочих и, с криками, чтобы пятидесятники не подписывали приговора и призывом схватить и побить волостного управителя, бросились к нему и стали хватать его за ноги, при чем, однако, Аюбову удалось из толпы скрыться, что предусмотрено (ст. ст. закона).

Также по приказу Куропаткина преданы были военно-окружному суду казаки Ходженского уезда Бахсасы—Берганской волости Х. Халджигитов и селения Таблян-Мурат—Б. Таджиев, обвинявшиеся, как руководители толпы в избиении администраторов.

Но нужно добавить, что из доклада Ходженского пристава видно, что вызванные вооруженные люди для подавления беспорядков в городе Ходженте, при столкновениях дали целый ряд залпов, в результате которых много было убито и ранено туземцев. Об этом, конечно, в приказе Куропаткина ничего не говорится.

Генерал Лыкошин, в начале беспорядков не без энергии подавлявший восстание, все-же впал в немилость Куропаткина и был им потом смещен. Полковник Иванов, во главе карательных отрядов, проявил всю

способность свою в истреблении всех не только участвовавших в восстании, но и причастных к восстанию в Самаркандской области. Этот Иванов, кажется, потом участвовал в правительстве у Колчака.

Карательными отрядами также был установлен окончательный порядок в Катта-Курганском уезде, где были избиения бунтовщиками волостных управителей и серьезные столкновения с отрядом в 84 человека и по каковому делу были привлечены до 42 человек обвиняемых. Все эти случаи беспорядков не обходились без смертных казней и приговоров в ссылку на каторжные работы.

3. Ферганская область.

В Ферганской области приказ о наборе на тыловые работы фронта туземных рабочих был об'явлен в первых числах июля.

Население Ферганы, перед которым не была раз'яснена сущность набора рабочих, сразу встретило приказ этот с неудовольствием, вылившимся потом в прямую враждебность.

В своем доносе в Туркестанское охранное отделение, уполномоченный последнего подполковник Розальон-Сашальский подлинно говорит следующее, подтверждая подозрительное настроение населения к администрации:

„Волостные управители, старшины и аксакалы оказались на высоте своего призвания и многие кровью запечатлели свою преданность России. Баи и купцы стоят преимущественно в стороне от движения из боязни за целость своего имущества. ишаны и муллы держат себя весьма подозрительно и, по имеющимся агентурным сведениям, агитируют среди населения о неисполнении распоряжения о призыве в рабочие команды, тогда как, если-бы они возвысили голос и обратились к всеобщей массе населения с раз'яснениями и указаниями на тексты корана о повиновении сему распоряжению, то безусловно все обошлось бы благополучно. Главными действующими лицами в устройстве беспорядков являются студенты из туземных медресе и подонки рабочего элемента, чувствующие, что они будут в первую очередь назначены в рабочую команду.

В одном из своих об'явлений Ферганский военный губернатор Гиппиус так-же указывает на основании своего опыта и ряда уже устроенных им собраний почетных лиц из туземного населения, что „верхний слой“ туземного населения бессомненно сочувствует власти и готов оказать содействие мероприятиям последней. Вот некоторые факты, характеризующие взгляды сочувственные „имущим элементам“ туземного населения видных администраторов и роль этих имущих элементов в восстании 1916 года, что мы более подробно выясним в последующем.

По Фергане интересна переписка между военным губернатором Ферганской области генерал-лейтенантом Гиппиусом и Туркестанским

генерал-губернатором, когда Гиппиус, благодаря некоторому своеволию толкования порядка призыва туземных рабочих, впал в „немилость“ и был отозван потом из Ферганы.

Часть выдержек из знаменитого второго об'явления Гиппиуса туземному населению Ферганы, в связи с начавшимися беспорядками, мы приводили в начале, где из обращения Гиппиуса, мы узнаем в лице этого генерала, одного из „держиморд“ царской администрации, собиравшихся, в случае надобности, „снести“ целые кишлаки, не считаясь ни с медресе, ни со школами и т. д. Но в том же приказе, обращенном к населению Ферганы, Гиппиус допустил своеобразное толкование „высочайшего“ приказа о наборе рабочих. Под давлением впечатления от начавшихся сразу в разных местах туземных беспорядков, Гиппиус ударился в другую крайность—решил „добрыми словами“ и „мягким подходом“ убедить население добровольно дать требуемое количество рабочих.

В своем вышеуказанном приказе Гиппиус, вопреки прямому смыслу, преподанного из Петербурга распоряжения, об'являет населению следующее:

„Об'являю туземному населению, что я совсем не имею намерения брать рабочих силой. Недовольные рабочие совсем не нужны для той цели, с какой было об'явлено высочайшее повеление. Для нашей же армии были бы желательны только такие рабочие, которые охотно, по доброму желанию, пошли в рабочие отряды для дружеской братской помощи русским войскам, ныне сражающимся и добивающимся победы над врагами нашего государя и нашего государства. Высочайшее повеление 25 июня с. г. будет непременно приведено в исполнение, но только в его истинном смысле.

На Ферганскую область назначено такое, по сравнению с многочисленным населением, ничтожное количество рабочих, что я вполне уверен, что в Ферганской области найдется и в два, и в три, и даже в четыре раза большее количество охотников, нежели сколько ныне назначено по разверстке на область. Вся задача и все затруднение заключается лишь в том, чтобы выработать и установить порядок созыва и собрания таких охотников. Такого порядка не было до сих пор об'явлено и такой порядок правительством еще не разработан и к набору рабочих Ферганская администрация даже еще не приступила. Все дело еще впереди.

Если бы, однако, вопреки моей твердой уверенности, не нашлось во всей Фергане потребованного количества охотников-добровольцев, а оказалось их меньше или значительно меньше против потребованного количества или если бы в Фергане об'явился по собственному-ли желанию, или, как это было мною об'яснено в первом об'явлении от 10 июля, по жребию лишь один человек на все двух-миллионное население, то я возьму в Фергане только одного этого человека и донесу высшему правительству, что удалось со всей Ферганы собрать для исполнения высочайшей воли только этого одного человека и об'являю его имя, а после испрошу указания высшего правительства, как

мне следует поступить: брать ли силой и уже без всякого разбора всех мужчин подряд, или же совсем отказаться от надежды получить от населения Ферганской области какую либо добровольную помощь в нужное для государства время, а до получения такового указания к насильственным мерам я прибегать не стану".

Дальше Гиппиус в своем приказе, предлагая поэтому населению не волноваться, выжидать подробной инструкции о наборе, предупреждает, что всякие попытки к восстанию, будут подавляться жестоким образом.

23 июля в Намангане военный губернатор Гиппиус, взяв с собой уездного начальника полковника Крошкова, пристава первой части города Намангана Федорова, мирового судью Лебедева и тов. прокурора окружного суда, отправился в мечеть „джамы", где назначено было собеседование с собранными по приказу Гиппиуса представителями населения. Там собралось около 700—800 человек во главе с почетными лицами. О том, что происходило на этом собрании, помощник прокурора, участвовавший там, доносит прокурору Скобелевского окружного суда Абраимову следующее:

„Войдя на терассу при мечети, губернатор сел на стул, а чины уездной и городской администрации и мы поместились позади его за столом, после чего губернатор обратился к собравшимся со следующей речью, которую привожу по свежей памяти: „Я собрал вас здесь и вас—толпа, но такая толпа не опасна, опасна та толпа, которая собиралось с злоумышленными людьми, кои, собрав ее, исчезают и толпа не знает, что делать. Скопище такой толпы закон запрещает и разрешает принять к рассеиванию ее все меры, так как в таковой толпе достаточно чьего-нибудь возгласа „ур", чтобы толпа бросилась избивать первого подвернувшегося ей человека. Так было в Джизаке, где толпа убила уездного начальника, растерзала его семью и надругалась над несколькими русскими. В результате этого город Джизак разрушен до основания, равно как и окружающие его кишлаки, а население изгнано и земли его конфискованы правительством. Все это произошло из-за того, что население не поняло высочайшего указа о наборе рабочих. И вот об этом я хочу с Вами говорить.

„Я читал, как во времена ханства набирались войска: приказывалось итти на войну всякому, имеющему лошадь и кто приказания не исполнял, с тем жестоко расправлялись ханы по возвращении из похода. И я бы мог так набрать рабочих, мог бы встретить молодого человека туземца, сказать ему—иди в рабочие и если бы он отказался, то я бы приказал голову долой, сделал бы также со вторым, а третий, четвертый и следующий сами бы пришли проситься в рабочие. Мог бы сделать иначе: итти к богатому торговцу-туземцу и сказать—давай своих сыновей, а в случае отказа—приказать голову долой, мог бы сделать еще иначе—приказать к известному сроку предоставить надлежащее количество рабочих от каждого кишлака, в случае неповиновения сжечь

неисполнившие приказания кишлаки. Так действовали бы во времена ханов, но русская власть, хотя и сильна, но власть мягкая, она так поступать не хочет.

Высочайшее повеление должно быть исполнено и об этом я буду сейчас говорить. Мне назвали несколько самых умных из вас людей и пусть они сейчас выйдут из толпы и сядут против меня (губернатор по списку вызвал 18 человек). Бог разно дает ум и другие способности, у кого больше ума, тот должен руководить другими. Может быть среди вас есть еще кроме указанных, умные люди, пусть они внимательно слушают меня. Есть мусульманская пословица: „глупому нужна палка, а умному совет“, и этот совет я хочу вам сейчас дать. Но я хочу, чтобы население забыло, что я сейчас губернатор и верило мне и вот поэтому я снимаю генеральскую одежду и надеваю чалму и халат (губернатор снял фуражку, надел тюбетейку с чалмой и поверх формы — серый туземный халат). Я не мусульманин, но знаю турецкий язык, знаю арабский и читаю на этих языках. Я много читал коран и люблю эту божественную книгу и сейчас буду читать его на арабском языке, пусть ко мне подойдут два мудариса (подошли) и пусть удостоверяют вам, что я читаю правильно (губернатор взял лежавший на столе коран и начал нараспев читать его, мударисы же подтверждали народу правильность чтения).

Прочитав некоторое время губернатор продолжал: „я уважаю коран и в удовлетворение этого целую его (губернатор два раза поцеловал коран и положил на стол). Верите ли теперь мне?“ (в толпе шум одобрения).

Дальше Гиппиус раз'ясняет цель набора рабочих. Потом, действительно, несмотря на существующий запрет продажи железнодорожных билетов туземцам самовольно разрешает в ряде случаев продавать билеты туземцам.

Вслед за этим первым выступлением в Намангане, генерал Гиппиус устраивает такие-же митинги и в остальных городах Ферганы, выступая с раз'яснением перед населением о новом „смысле“ набора рабочих. Одновременно Гиппиус дает одну за другой сводки этих своих выступлений генерал-губернатору и посылает телеграмму, помимо последнего, в Петербург на имя председателя совета министров, министрам военному и внутренних дел с сообщением о том, что его „мирный способ“ подхода к начавшему восставать туземному населению, дает уже положительные результаты: туземцы везде из'явили готовность давать рабочих и устраивают „молебствия за здравие государя“. В таком же духе о благоприятном настроении туземного населения Ферганы к новому способу набора рабочих Гиппиус продолжает сообщать генерал-губернатору и штабу округа. Но нужно сказать, Ферганская администрация это поведение Гиппиуса встретила недоброжелательно. На его выступление среди туземцев со своим толкованием о наборе рабочих, посыпались из Ферганы по линии охранки и власти доносы.

И. д. генерал-губернатора Ерофеев дал приказ на имя Гиппиуса в ответ на его выступление, где говорится, что Гиппиус этим выступлением прямым образом нарушает смысл „высочайшего повеления“, что набор рабочих мирным путем „ни на чем не обоснован, на каковой способ набора Гиппиус поддался лишь под страхом народного движения. Дальше указывается, что фактически население теперь не знает, какому приказу подчиниться после толкований, данных Гиппиусом о наборе рабочих: подчиняться ли „высочайшему повелению“ или же приказу Гиппиуса. Население так настроенное, конечно, всякое стремление власти надлежащим путем мобилизовать рабочих, встретит более недоброжелательно и враждебно, чем было до сего времени. И, поэтому Ерофеев, предлагает немедленно отменить Гиппиусу свое обращение к населению и предлагает не верить совершенно „патриотическим“ настроениям туземного населения.

Генерал Куропаткин по вступлении в отправление своих обязанностей, ознакомившись с поведением военного губернатора Гиппиуса. дал распоряжение об отозвании его из Ферганы.

Назначенный на место Гиппиуса военным губернатором Иванов, тот самый, который перед этим во главе карательных отрядов подавлял восстание туземцев в Самаркандской области, как говорится „огнем и мечем“, созвал в Фергане совещание всех уездных начальников, судей, чиновников всех отраслей и должностей, общественных организаций и т. д., где в решении этого совещания говорится, что, несмотря на углубление экономической связи Туркестана с Россией и „обогащение“ Туркестана благодаря помощи той же России и введения русской власти в крае, все же туземное население никогда не было дружественно настроено к русским. Дальше указывается, что одна из основных причин беспорядков заключается в доктринах ислама, где проводится взгляд враждебный всему не мусульманскому. Поэтому, так называемое течение панисламизма, является несомненно вредным, с которым необходимо бороться.

Дальше в том же протоколе совещания говорится, что „добровольный принцип“ введенный Гиппиусом, по набору рабочих, привел уже к нежелательным результатам. Констатируется, что для найма рабочих туземная администрация стала поголовно облагать население, где наблюдается масса взяточничества и злоупотреблений. В некоторых случаях размер налога на один двор дошел до 50 рублей, а наемная плата „добровольцев“ доходила до 700 рублей. Дальше указывается, что по добровольному принципу набираются в рабочие „всякие отбросы“. Но говорится, что власти нужны не отбросы, а настоящие рабочие.

Несмотря на эти решения все же потом и в Фергане, и в остальных областях Туркестанского края, перешли именно на этот „добровольный“ принцип, когда все имущие классы почти оказались освобожденными от набора, а администрация и разные авантюристические элементы нажились в работах по найму рабочих, одновременно грабя беспощадно население. О последнем мы в последующем еще поговорим.

Теперь необходимо перейти к освещению самого хода и результатов разыгравшихся беспорядков в Фергане.

Разговор о беспорядках в Фергане начался с телеграммы Андижанского уездного начальника Бржезицкого, который сообщил, что благодаря начавшимся беспорядкам в кишлаках, местная туземная администрация совершенно растерялась и, боясь расправы толпы, бежит в города и что провинция осталась совершенно без администрации.

Само событие разыгралось таким образом. В Андижанском уезде после об'явления о наборе рабочих уездным начальником полковником Бржезицким 9 июля в мечети „джамы" происходило собрание почтенных туземцев, где администрация раз'яснила смысл набора рабочих. Толпа загудела, и главным образом, среди них выделялись студенты местных медресе, которые кричали, что итти на службу не желают. Многие почетные лица пытались успокоить народ, но им не дали говорить. Полковника Бржезицкого также не слушали и последний, предложив народу успокоиться, направился в гарнизон, где предложил выслать немедленно патрули. В это время получились сведения, что толпы собираются в старом городе на базаре и сильно возбуждены, куда тотчас же направился уездный начальник и стал их успокаивать и предлагать разойтись, но они ничего не захотели слушать; из толпы раздавались возгласы, чтобы уездный начальник дал подписку, что набора не будет, в противном случае грозили устроить резню.

Тогда уездный начальник, видя, что положение обостряется, отдал распоряжение наряду полиции и раз'езду казаков уговорить толпу разойтись и постепенно оттеснять ее, но толпа еще больше заволновалась и бросилась на пристава Сологуба и на ряд городовых, с целью их обезоружить. Полиция стала защищаться; на них посыпались камни, причинившие ушибы, как приставу, так и многим городовым. Пристав Сологуб получил удар камнем в бок, его кучер упал с козел, получивши удар камнем в голову. Казаки бросились на помощь полиции, но были встречены градом камней, палок и кетменей, ранивших некоторых лошадей, почему было сделано предупреждение, что если толпа не успокоится, и будет вести себя так далее, то по ней будет открыт огонь из винтовок.

Толпа несколько, как будто, стала утихать, но кто-то из толпы крикнул, что у казаков нет патрон и стрелять они не могут. Это еще больше распалило и толпа с новым остервенением бросилась на казаков, почему было отдано распоряжение стрелять. В результате, подобрано 12 человек раненых, из их 4 умерло, прочие были помещены в больницу под караул.

Стрельба отрезвила толпу и она разбежалась, унося раненых и убитых. Со сторон казаков один ранен камнем в голову. Кроме того толпа убила возле мечети сына волостного управителя Касыма Инокоева, который пытался уговорами успокоить толпу и не допустить до учинения беспорядков.

После этого случая администрация усилила охрану города и предписала туземным властям уговорить население не восставать. Ночью во время беспорядков в кишлаке Дальверзин убит был волостной управитель Хаким-Бек. Ездивший туда на расследование участковый пристав капитан Мельников донес, что избито также много родственников волостного управителя.

„Уездный начальник полковник Бржезицкий подал рапорт военному губернатору Ферганской области о выселении всех жителей кишлака Дальверзин из пределов края, конфискации части принадлежащей им земли (483 десятины) и наделении таковой семей убитых, а на прочей земле поселить русских переселенцев". Доносивший по этому поводу в охранное отделение подполковник Розальен-Сошальский с своей стороны предлагает следующее:

„В виду того, что косные и невежественные азиаты признают лишь кулак, я со своей стороны полагаю, что для примера всем сартам в будущем весьма целесообразно конфисковать земли у всех участников настоящих беспорядков и отдать русским переселенцам, а семьи участников беспорядков и самих выселить административным порядком в Сибирь без права возвращения обратно, подобно тому, как было в 1898 г. при подавлении беспорядков в Андижанском уезде".

13 июля в кишлаке Чуама Майчирской волости убит был пятидесятник и разгромлен дом старшины Киргизбая Кнаримбаева и его отца Каримбая Тюрякульбаева, которых тоже собирались убить, но они успели скрыться. В том же селении толпа хотела убить переписчиков скота из числа производящих перепись скота по всему краю, но последние успели скрыться. По сведениям охранки среди населения распространился слух, что будто старшины и волостные управители продали туземцев Андижанского уезда за один миллион рублей русскому правительству.

Для подавления беспорядков в вышеуказанном кишлаке, послан был во главе взвода казаков подполковник Полюдов, установивший там порядок и арестовавший 12 человек виновных, переданных потом суду.

Того-же числа в селении Суфи Джелякулютской волости на той же почве убиты сельский старшина, волостной писарь и три туземца. Виновные были арестованы.

В Избаскентском районе население заявило, что рабочих они дадут лишь только в том случае, если пример покажут города, начиная с Ташкента. В Балыкчинской волости, селении Ходжа-Абад и Кош-Тепе-сарай большая толпа народа пред'явила старшинам требование о выдаче составленных посемейных списков, которые отбирались и уничтожались. Старшинам удалось убежать, а некоторые джигиты были избиты без случаев смерти.

Во всех этих случаях беспорядков до прибытия власти жители кишлака устроившие беспорядки, с семьями и имуществами в большинстве случаев, переселялись в другой кишлак.

В материалах охранного отделения по Андижанскому уезду упоминаются имена ишанов: одного—участвовавшего в восстании в 1898 г., другого—приехавшего специально из Ташкента, третий и четвертый ишаны из селения Супи-Атан и сел. Дальверзин. По донесению ротмистра Фридмана около города Андижана в кишлаке Яробаши агитировал местный мулла и седой старик сарт об избиении русских.

По случаю беспорядков в Султан-Абадском участке пристав этого участка Поляков доносит следующее:

„Доношу, что поезд с казаками прибыл в 4 часа 25 минут уже после того, как толпа вся разошлась и полностью скрылась, избегая кровопролития, но задержать никого не удалось, так как толпа была настроена угрожающе. Толпой убит Кизыл-Аякский сельский старшина, туземный писарь волостного управителя и три туземца, личность коих пока не установлена. Казаки мне нужны, пока не будут задержаны главные зачинщики беспорядков. Прошу распоряжения и указания. Просил бы вообще оставить у меня казаков, так как не исключена возможность беспорядков. Толпа заявляла—„умрем, а рабочих не дадим".

Согласно этой телеграммы Бржезицкий требовал от военного губернатора подкрепления военными силами. Султан-Абадский участковый пристав Поляков, при поддержке административных лиц из туземцев сумел „выполнить" порученные ему задачи.

Другой случай беспорядков был в селении Янги-Ангузбак, Андижанского уезда, где нанесены были побои некоторым административным лицам.

Начальник Андижанского уезда Бржезицкий в одном из своих рапортов на имя военного губернатора Ферганской области, указывая на „неблагодарность" туземного населения, устроившего восстание против власти, принесшей ему так много „пользы", предлагает провести следующее для подавления беспорядков туземного населения: „1) Экстренно выселить из Туркестанского края навсегда всех ишанов; 2) прекратить на время военного положения действия народного суда; 3) закрыть на время военного положения все медресе и туземные мактабы; 4) немедленно же назначить военно-полевые суды для разрешения дел по бывшим уже беспорядкам и для наказания смертной казнью всех главных виновников; 5) об'явить населению, чем закончились беспорядки в Джизаке для туземцев; 6) затем об'явить населению, какое количество именно рабочих оно должно поставить от каждой волости и города и к какому именно сроку. Потребовать от населения составления приговоров с указанием, кого именно оно посылает на работы; 7) если к назначенному сроку город или волость рабочих не поставят добровольно—необходимо немедленно же командировать в эти волости (пункты) карательный отряд для срытия до основания тех поселений, которые не дадут рабочих и для расстрела бунтующей толпы; 8) земли того населения, которое не выполнит наряда рабочих, конфисковать в фонд казны.

Далее Бржезицкий указывает пример Джизака и просит поэтому усилить Андижан военными силами и дать подкрепление каждому из участковых приставов.

В Кокандском уезде беспорядки возникли 8-го июля в Арванской волости. В этом уезде самой администрацией и охранкой было установлено, что волостные управители брали взятки с населения и освобождали одних, внося в список имена других. Помимо вообще недовольства против администрации, конечно, такие явления еще больше раздражали народные массы. В результате, в Арванской волости толпой убиты были волостной управитель, его писарь и старшина.

По получении известий обеспорядках, на место происшествия был командирован помощник уездного начальника подполковник Китаев с воинской командой, которому удалось окружить часть толпы человек около 300 и арестовать. Таким образом в Кокандском уезде начало беспорядков положила Араванская волость, а вслед за нею в ночь с 9—10 июля ишам селения Шейхляр, Янги-Курганской вол. Ахмет-Куль-Мухамед Азизов облачился в белое одеяние, сел на белую лошадь и стал об'езжать кишлаки Бакчирской волости, требуя от населения итти к дому старшины и доставить к нему живого или мертвого. Потом во главе с этим ишаном толпа разгромила канцелярию волостного управителя и разорвала на клочки все бумаги. По этому делу предано суду 20 человек.

11-го июля в Ганджираванской волости толпа напала на волостного управителя, сумевшего все же спастись. Прибывшим с воинской командой для подавления беспорядков уездным начальником, статским советником Мединским, арестовано было 130 человек, прочие разбежались. Все аресты, конечно, не обходились без жертв убитыми.

12-го июля в сел. Рапитане приставом Качкирского участка на собрании общества, при наступлении толпы во главе, главным образом, студентов медресе, было пущено в ход оружие, в результате чего ранено несколько человек и арестовано 12 человек.

13 июля в Кудашевской волости толпа напала на волостного управителя, но тот сумел вырваться и ускакать. До прибытия с отрядом подполковника Китаева, толпа, избив двух пятидесятников, разбежалась. По этому делу арестовано было 18 главарей.

В доносе в охранное отделение указывается, что некоторые туземцы стали выезжать в Бухару и Кишгар, евреи переселяться в русские поселения и города, а бывший член II Государственной Думы от Туркестанского края Салетджанов, боясь расправы народа, переселился в русскую часть города Коканда.

В Скобелевском уезде беспорядки начались в старом городе Маргелане, где собралась толпа до десяти тысяч человек, среди которой немало было женщин, выражавшая недовольство по поводу набора рабочих. Бунтовщиками в старом городе убит был аксакал по имени Махмут Бек, старший русский городовой и трое из чинов туземной полиции. В суматохе был убит грузин, содержатель буфета на станции Асаке и ранена русская женщина, которая пыталась укрыть у себя в доме стар-

шего городового, преследуемого толпой. После этого толпа разбежалась до прибытия казаков. Зачинщики были арестованы и преданы военному суду.

На следующий день возникли беспорядки в соседних Файзабадской и Якутской волостях, при чем в первой был убит во дворе мечети народный судья и население пыталось расправиться таким же образом и с волостным управителем, но последний успел вырваться и во время сообщить полиции. Прибывшими казаками даны были залпы, после которых оставались убитые и раненые туземцы. В тот же день в Якотутской волости толпа напала на волостного управителя, успевшего ускакать в Скобелев к уездному начальнику, у которого убита была жена и разгромлен дом. Прибывшими казаками убито 11 человек, арестовано несколько сот, с переполнением всех арестных домов и тюрем и таким образом беспорядки были подавлены.

12-го июля в Язовинской волости жители сел. Джендеиляр в числе 665 человек сожгли дом волостного управителя и убили пятидесятника. Прибывший пристав со взводом казаков рассеял толпу, при чем были убитые. 13 июля происходили волнения в Авальской волости, в сел. Леган. Туда послан был отряд с пулеметом, толпа была рассеяна и зачинщики арестованы.

В сел. Шарихан, представляющем из себя одно из громадных селений области, в виду начавшихся волнений, был поставлен взвод казаков еще 12 июля. Когда туземцы взбунтовались, казаки быстро подавили движение, при чем убито было 11 человек и много раненых.

В городе Намангане 9 июля были собраны почетные туземцы в количестве до 600 человек в мечеть и уездный начальник полковник Крошков лично подробно раз'яснил им сущность набора рабочих, но туземцы, ответив отрицательно, разошлось. Тоже самое без столкновения, но дав отрицательный ответ, разошлось население и селения Чуст.

11-го июля в городе Намангане собралась масса туземцев, не желавших давать рабочих, даны были залпы и масса отхлынула. Впереди восставших находились женщины, рвавшие на себе одежды. Туземцы снова бросились с криком „ур“.

В результате опять даны были залпы, которыми убито было 12 человек, ранено 38, но и после этого толпа не хотела расходиться, и отряды полиции рассеяли ее оружием. Из числа восставших 16 человек предано военному суду.

В тот же день в кишлаке убит был волостной управитель Кенинской волости Татжибай Ходжа Джамалитдинов. Арестовано было 120 зачинщиков.

12 июля совершено было нападение на киргиз-курганского волостного управителя, успевшего вырваться, у которого толпа отняла посемейный список.

14 июля пристав Янгикурганского участка коллежский асессор Блат с семью стражниками, совершая об'езд по своему участку, в кишлаке Чиндаул подвергся нападению толпы. Не взирая на увещевани

пристава, толпа все теснее окружала двор, где скрылись пристав и его люди, явились женщины, три из коих стали плясать, кружиться, ударять в ладоши и подстрекать толпу к бою, к активным действиям. В результате столкновения убиты были до 6 туземцев и много ранено. По этому делу передано военному суду 80 человек виновных. Убит был бунтовщиками Чадайский волостной управитель Мулла-Газы, дом разгромлен, а имущество унесено; что же касается списков, то последние были сожжены. Также были столкновения в Папской, Варикской и Ханаватской волостях, где зачинщиков арестовали.

Были столкновения и в районе пригородного участка Скобелевского уезда. В городе Скобелеве собралось около 500 человек туземцев, требовавших отмены набора рабочих, которые были встречены казаками, давшими залп по ним. В результате были убитые и 10 человек ранено.

В начале сентября приезжал в Фергану генерал Куропаткин, которого везде администрация встречала торжественно. Куропаткин не жалел своих благодарств для „заслуженной“ туземной администрации.

Приблизительно этим перечнем фактов кончаются события 16 года в Фергане. После Джизакских событий и военные суды и генерал Куропаткин были уже менее „милостивы“ и по делу Ферганских беспорядков, конечно, много людей было казнено, сослано в ссылку и заключено в тюрьмы. Но особенно жестокий характер имели карательные действия туркестанской царской администрации в Джетысу, к обрисованию хода и результата беспорядков в котором, мы и перейдем дальше.

4. Джетысуйская губерния.

(Бывш. Семиреченская).

На Джетысуйскую область разверстано было 43 тысячи человек рабочих. Военный губернатор Джетысуйской области ген.-лейт. Фольбаум в начале июля выпустил воззвание к населению с раз‘яснением и предложением необходимости выполнения „высочайшего повеления“ о наборе туземных рабочих. В этом воззвании Фольбаум прибавляет:

„Об‘являю об этом по области и приказываю всему населению свято выполнить волю государя императора. Весь этот набор рабочих должен произойти в полном спокойствии и порядке. Волостным управителям предлагаю помнить, что государь император возлагает на них всю ответственность за успешность набора. Аульные старшины, пятидесятники, а также все почетные лица, в особенности муллы, должны, не щадя сил, помогать волостным управителям в выполнении этой задачи. Предписываю никаких кривотолков не допускать и всех, кто будет говорить что-либо противное этому приказу, немедленно передавать в распоряжение уездного начальника. Убежден, что все у нас будет так гладко, что сердце великого нашего государя порадуется. Думаю это так потому, что те киргизские, таранчинские и др. волостные управители, которым я лично об‘явил первого июля волю монарха, приняли мое приказание

молодцами и, обсудив подробности предстоящего набора, воскликнули в честь обожаемого монарха такое громкое и дружное „ура“, что звенели стекла в окнах губернаторского дома, где я с ними беседовал“.

Как встретили народные массы приказ о наборе рабочих в Джетысу, это мы увидим дальше. По свидетельству самого вр. исполнявшего должность Семиреченского военного губернатора видно, что народные массы сперва встретили его недоверчиво, а потом и враждебно. В населении внедрилось убеждение, что туземные рабочие направлены будут в районы боевых действий, что мобилизацией рабочих власть хочет просто истребить туземное население. Начались уже попытки откочевания целых аулов в Китай; другие стремились уйти в пески к Балхашу, третьи со стадами и всем своим добром забирались в трудно доступные ущелья гор.

Брожение среди туземцев продолжалось весь июль. Постепенно поступали сведения, то об отказе призывных выйти на работы, то о повороте настроения их в благоприятную сторону, то о бегстве в Китай целой группы призванных, а иногда и целой волости, то о возвращении беглецов из Китая, то о бегстве рабочих от русских хозяев, но и все эти факты в первое время носили характер только ослушания или пассивного неповиновения, а вернее—паники перед неизвестным будущим.

В восстании туземцев Джетысу в 1916 году самое характерное заключается в том, что восстание началось гораздо позже, чем в остальных областях Туркестана, т. е. в начале августа месяца, и что предвидя неизбежный мятеж казак-киргизского населения, Джетысуйская администрация приняла заранее все подготовительные меры. Как в начале восстания, так и до конца его ликвидации, руководили подавлением восстания два действительно искусстных стратега и непримиримых врага местного населения—Куропаткин, сидя в Ташкенте, и Фольбаум, находясь в городе Верном.

Генерал Фольбаум еще до восстания сделал учет всем своим военным силам, расставил их в тех пунктах, где можно было ожидать беспорядков. С другой стороны, еще до восстания туземцев в Джетысу, Куропаткин делает ряд запросов Фольбауму относительно подготовительных мер.

С первыми уже сообщениями из Джетысу о начале беспорядков, двинуты были дополнительные военные силы из Ташкента и из Семипалатинска. Куропаткин предписал Фольбауму давать три раза в день телеграфные сводки о ходе событий. По всем документам видно, что в этой беспрерывной переписке между собой, эти два искусстных „администратора“ империалиста, сосредоточились на военно-стратегической карте Джетысу, наперед определили, где должно вспыхнуть восстание, изучили все горные перевалы и ущелья, через которые бунтовщики могут проскользнуть. Дальнейшее развертывание стратегического плана сводилось к тому, чтобы переловить всех мятежников в узких горных проходах, предварительно оттесняя их к этим проходам и истребляя их по дороге. По словам Фольбаума и Куропаткина, нужно было мятежные

массы киргиз поставить в такие стратегические условия, чтобы их потом сразу можно было бы „истребить как куропаток“.

Другим важнейшим моментом в военных планах двух этих генералов было по возможности поголовно вооружить русское крестьянское население, что также подтверждается всеми документами. Одновременно с этим предполагалось возможно больше отбирать скот и земли у казак-киргиз, чтобы совершенно обезличить экономически этот народ. Этот адский план истребления казак-киргиз администрацией в 1916 году был приведен в исполнение, как потом сообщал Фольбаум очень „удачно“. Перейдем к изложению фактов беспорядков в Джетысу.

В одной из своих телеграмм Куропаткину генерал Фольбаум, сообщая об убийстве Карамского таранчинского волостного управителя, а также о начавшихся бегствах, пишет следующее:

„Весь июль пройдет в организационной подготовительной работе, иначе нельзя. Вторично ходатайствую оставить Семиреченских работников в пределах области, даже в мирное время, когда деревни были полны народа, то и тогда мои крестьяне были вооружены берданками. Сейчас в деревнях почти одни бабы, войска мало, туземцы угрожают положению русского населения. Очень нужны казачьи ополчения, сотни и раздача народу берданок подвозом таковых из Ташкента“.

В другой телеграмме Фольбаум сообщает следующее:

„Единственный надежный способ—вернуть населению берданки. Области более 210 отдельных русских селений, при чем даже в районе одной волости село от села отстоит до 20 верст. Считая необходимым в Джаркенте, Копале и Верном иметь резервы не менее как по две роты и обязанный выделить 12 приставских конвоев, могу для охраны селений уделить не более 5 неполных рот. Это даст возможность выставить от 10 до 12 участковых резервов наиболее серьезных пунктах области, но оградить непосредственно все селение немыслимо, тем более не нужно дробить войска. Казачьи сотни целиком нужны для понудительных отрядов“.

В следующей телеграмме Фольбаум сообщает о расположении войсковых частей в Джетысу.

„Вся область разделена на 17 военных участков. Лепсинском уезде три участка. Сергиопольский до Урджара на восток и до пикета Джусагач юг; состав отряда: Сергиопольская караульная команда 45 штыков. 40 конных ратников Копальской дружины. Бактинский до Урджара на запад до Рыбачьего, юго-запад, Барлык на юг; состав отряда Бахтинская ополченская рота 176 штыков, 2 пулемета, сотня третьего Семиреченского полка 114 шашек, Лепсинский и остальная часть Лепсинского уезда: рота 2.216 штыков Копальской дружины, Лепсинская команда 90 штыков. Копальском уезде 3 участка: Аксуйский степь Атжус-Агача; высылка Абакумовского 75 пеших, 15 конных ратников Копальской дружины. Копальский пригородный участок: 449 штыков Копальской дружины, 2 пулемета. Покатиловский участок: 25 пеших, 5 конных ратников Копальской дружины. Алтынэемельский участок 100 пеших,

20 конных Копальской дружины. Джаркенском уезде два участка: Джаркентский пригородный с Кольджатским участком—3 роты Джаркентской дружины 672 штыка, сборная сотня Семиреченского полка 123 шашки. Каркаринский участок район Нарынкольского участка—рота Джаркентской дружины 157 штыков, 30 казаков Семиреченского полка. Пржевальском уезде два участка: Пржевальский пригородный 72 штыка. караульная команда отделения конского запаса 152 вооруженных. Нарынский участок: Нарынская караульная команда 75 штыков, сотня Семиреченского полка 92 шашки. Пишпекском уезде 4 участка: Беловодский, Токмакский, Зачуйский, Загорный. Роль отрядов исполняют четыре приставские конвоя, 50 конных пишпекской караульной команды. Верненском уезде два участка: Зайцевский 60 пеших ратников. Отарский 60 пеших ратников Верненской дружины. Распоряжении администрации находится 20 конных Копальской дружины. Копальскому уездному начальнику конных от Копальской, Верненской, Джаркентской дружин, Бахтинской роты Сергиопольской, Пржевальской, Нарынской, Пишпекской караульных команд; конвой 13 участковым приставом. Атбашскому участковому начальнику 12 казаков сотни Семиреченского полка, ратников Нарынской команды для закрытия горных проходов. Гарнизон Каркаре подчинен помощнику Пржевальского уездного начальника".

Дальше, в связи с начавшимися в разных местах отдельными вспышками восстания, Фольбаум высказывает опасение за положение Пишпекского, Копальского, Лепсинского, Сергиопольского уездов, связь с которыми, если будет порвана, то трудно будет ее восстановить. Пользуясь еще работой телеграфной линии, Фольбаум требует присылки скорей артиллерии и конницы для подавления в самом зачатке беспорядков. Если это не исполнить быстро, то, Фольбаум говорит, это „может рухнуть русская власть в Семиречье".

В ответ на неоднократное требование Фольбаум, согласно установленного плана между ним и Куропаткиным о военных действиях, последний срочно двинул эти подкрепления и по этому поводу телеграфирует следующее о составе двигающихся частей:

„Для содействия войскам Джетысуйской области при подавлении беспорядков среди киргизского населения спешно посылаются: 1) отряд подполковника Гейцига из Ташкента: две роты 737 дружины, 2 батареи одна сотня казаков, 4 пулемета, команда сапер, команда телеграфная и телефонная; 2) из Ташкента же отряд подполковника Алатырцева тоже Аулиэ-Ата—Пишпек 4 роты стрелков 8 пулеметов, 1 батарея, одна сотня казаков, команда сапер, команда 160 конных разведчиков. Перевозка главных частей начинается из Ташкента пятнадцатого августа. Пехоты этих двух отрядов от Корниловки двинутся на подводах; 3) из Скобелева направлении Андижан Джалалабад и далее к укреплению. Нарынскому отряд капитана Фон-Бурзи: две роты стрелков, четыре пулемета, восемьдесят конных разведчиков, сотня казаков, два горных орудия, команда сапер. Главные силы двинутся через перевал Кукарт, а

по взводу казаков из состава этого отряда через Яссы и Читты. Голова выступит семнадцатого августа; 4) из Термеза на Оренбург - Семипалатинск и далее Сергиополь полковник Виноградов 546 дружина, роты 28 конных разведчиков и восемь пулеметов, перевозка может начаться через пять дней; 5) возбуждаю ходатайство о перевозке из Европейской России на Семипалатинск бригады конницы с батареей для действий против киргиз, как Семиреченской, так и Семипалатинской областей; 6) из Кульджи конвоя консулу разрешаю притянуть пределы области Вашему усмотрению одну сотню; 7) сведение о численном составе людей и лошадей будет телеграфировано дополнительно. Примите меры заготовке продовольственных припасов. Куропаткин".

В одной из телеграмм генерал Фольбаум просит присылки партии в 2000 берданочных винтовок для вооружения крестьянских селений, прося половину этого оружия направить через Семипалатинск на Копал в догонку полковнику Соснину, а половину за полковником Городецким. Все требования Фольбаума Куропаткиным почти полностью были исполнены. В ответ на доверие и поддержку, оказанную Куропаткиным Фольбауму, последний от 22 августа пишет следующую телеграмму:

„Шесть тысяч пятьсот восемьдесят восемь и шесть тысяч пятьсот восемьдесят семь глубоко благодарен за доверие, видимым знаком которого считаю присылку в мое распоряжение достаточных сил. Спрашивая лишнюю роту или лишнюю пушку руководствовался продуманными соображениями, основанными на исключительном знакомстве с обстановкой. Тяжелый период мятежа до 20 августа выдерживал на всем огромном протяжении области всего 12-тью ротами и одной сотней без артиллерии, при помощи малых команд и случайных казачьих и обывательских формирований, созданных на свою ответственность. Будь Семиречье пустыней, я бы давно собрал эти войска во-едино, но нынешняя культурная обстановка требовала оставления войсковых частей повсюду, причем войска Семиречья дали за эти дни не мало доказательства высокой доблести. Сосредоточение в первых числах сентября ожидаемых подкреплений даст полную надежду умиротворить область. Прошу верить, что малочисленная семиреченская администрация и малочисленные семиреченские войска, своевременно Вами подкрепленные до надлежащего числа, исполнят свой долг столь же бодро, энергично и добросовестно, как исполняли его до сих пор № 1596 генерал Фольбаум".

В старании получше истребить казак-киргизское население в некоторых случаях от чрезмерных мероприятий Фольбаума и Куропаткина друг друга удерживали. Так, например, в одной из телеграмм от 18 сентября Фольбаум, указывая на приказ Куропаткина по краю за № 229, где говорится, что вся земля, на которой пролита русская кровь, будет из'ята из рук туземцев, запрашивает, как применить этот приказ в Семиречье. Указывает, что например, все побережье Иссык-Куля, долина Кебеня, северные склоны Александровского хребта, в Токмакском районе долина Кастекского участка, долина Каркалы обильно политы русской кровью. Значит ли, что все эти пространства станут в близком будущем

запретными для киргиз. Лично полагаю, говорит Фольбаум, что степные киргизы могут быть наказаны мягче, но пишпекских и пржевальских кара-киргиз надо совершенно из'ять из Токмакской долины, долины Кебеня и побережья Иссык-Куля.

С другой стороны, например, по мятежу в Беловодском районе, когда Фольбаум, вооружив Беловодских крестьян, разрешил им истреблять поголовно казак-киргизские аулы, Куропаткин дал инструкцию Фольбауму, все же этого так открыто и резко не делать.

Необходимо теперь осветить ход восстания и его результаты по отдельным районам Семиречья.

Восстание началось прежде всего с Алма-атинского уезда. После убийства Коранского волостного управителя, правда, адмистрация сразу же из'яла отдельные недовольные элементы около города Верного, но тем не менее, мятеж разгорелся в Алма-атинском уезде.

Крупные беспорядки начались в районе Атарского участка около Самсы, где казакские волости: Ботпаевская, восточно-Кастекская, западно-Кастекская, Тайтаринская, Иргайтинская подняли мятеж. Перервана была телеграфная линия между Верным и Пишпеком. Для расследования происшествия из сел. Казанско-Богородского выехал Отарский участковый пристав с полуротой верненской дружины и 20 казаками. Фольбаумом послано было подкрепление в количестве сотни казаков из Большой и Малой Илматинских станиц. В поддержку к посланному отряду во главе с под'есаулом Бакуревичем Фольбаум стал формировать добровольные дружины из Верненских обывателей и двинул по одной роте из Копала и Джаркента.

Бунтовщики района Асы и Стара начали свое действие с нападения на поселки и увода скота, но жертв людьми не было вначале, за исключением двух взятых в плен русских чиновников. Прибывшие военные части, стали энергично действовать и имели ряд столкновений. Ряд других волостей решили также присоединяться к вышеуказанным волостям. Карательные отряды Бакуревича, Вяткина и Отарского участкового пристава в нескольких стычках заставили восставшие массы отступить с большими жертвами. Фольбаум в одном из своих донесений указывает, что в этом районе в восстании казаков отчасти виноваты местные крестьяне и чиновники, которые неуместной шуткой пугали киргиз вначале, что их используют на военные действия, а с другой стороны—виноваты имущие киргизы, взятками своими освобождавшие своих сыновей, что озлобляло бедняков.

Быстрыми действиямн отрядов мятеж в этом районе был остановлен и 12 августа казаки были отброшены в горы. Хорунжий Александров со станции Тарган сделал набег на Ботпаевскую волость, одной из первых начавшей мятеж и истребил целиком один аул, два на половину, сжег стойбища, отбил массу скота. Через день ботпайцы прислали заявление о покорности и выдали главарей. Войсковой старшина Бычков с полусотней своей ополченской сотни в Больше-Алма-атинской и Чамалданской волости взял в плен 150 „подозрительных“ казаков.

Остальные казаки вышеуказанных волостей, откочевали в Чуйский район и в сторону Балхаша. Мятеж из Курбайского района перенесся дальше в Пишпекский уезд, о котором поговорим особо.

Были также столкновения около Узун-Агача. Для установления порядка послан был туда Верненский уездный начальник подполковник Бавилевский.

Из западно-Кастекской волости перекочевало 108 кибиток в пределы Китая. По словам нескольких казаков, возвратившихся оттуда, эти беглецы скрылись в Китае на местности „Сар-Коргон". Сначала китайцы их не принимали, а затем они дали китайскому губернатору „100 лошадей рыжей масти, 100 лошадей гнедой, 100 вороной и 100 серой масти с просьбой разрешить им жить в пределах Китая. Депутаты от бунтовщиков, приведши лошадей, заявили, что раньше они были китайскими подданными, а теперь лет 60 тому назад приехали русские, которым киргизы помогли завоевать Ташкент, Аулиэ-Ата и др. сартовские города. Во время управления русские отобрали земли, брали подати, а теперь начали брать солдат, почему они просят принять их в китайское подданство. Генерал взял подарки и разрешил им поселиться на китайских землях. (Из донесения ротмистра).

По донесению этого же ротмистра, жители селения Михайловского, Верненского уезда, высказывали неудовлетворенность карательными мерами администрации, в частности, уездными начальниками Верненским —Лихановым и Пржевальским—Ивановым. Население станции Больше-Алма-атинской стало меньше ходить в церковь, говоря, что там хоронили умершего бывшего губернатора немца. Казаки станицы Софийской и Надеждинской сами говорили, что киргизский бунт дал бы им большую наживу деньгами, скотом и разным киргизским имуществом.

По словам того же ротмистра, Старский участковый пристав Гилев обирал киргизские волости своего участка. С каждой волости он получил по несколько тысяч рублей, за что Гилев, будто-бы, покрывал участвовавших в мятеже главарей. Ботпаевский волостной управитель и Ботпаевский пристав Бронников, оставшиеся верными во время восстания, собирали деньги от бунтовавших киргиз, угрожая, что в противном случае выдадут их.

О результатах подавления мятежа в Кастекско-Курдайском районе генерал Фольбаум телеграфно сообщает Куропаткину следующее:

„Пишпекский уездный начальник и Токмакский участковый пристав 10 августа энергично водворяли порядок. Располагая конвоями всего по 30 человек, перебили до ста мятежников, произвели аресты. Под'есаул Бакуревич, Кастекского перевала, 10 утром донес о своем движении на соединение с Пишпекским уездным начальником подполковником Рымшевичем. Все мятежники из уездов Верненского, Пишпекского и несомненно Пржевальского стекаются в Кастекские горы. В Отарском участке Бакуревич доносит: киргизы пережили большую панику; по ту сторону Кастека в Токмакском участке мятежники ведут себя очень смело и дерзко разбойничают. Ввиду селения Казанско-Богородского и

станицы Каскеленской на горах видны постоянно передовые скопища. Верненский уездный начальник подполковник Базилевский 11 утром вернулся из Зайцевского участка, докладывает: на урочище Асы спокойно. бунтовавшая 3 августа Кылык-Бурковская волость примерно наказана. Телеграф до Курбая будет готов, вероятно, сегодня по восстановлении станций: Самсу, Таркап, Отар и Курдай; за отсутствием войска охрана станции, конвой почт приходится повременить. Войскам Пишпекского и Верненского уездов приказано отнюдь не дробиться по селеньям и ущельям мелкими командами, но держаться кулаком у центра мятежа и оттуда наносить сильные, но короткие удары, чем, как показывает опыт, действие противника больше всего парализуется.

В Джаркентском, Копальском и Лепсинском уездах без перемен, кроме Алакуйского района. Из Пржевальского уезда сведений нет, но они собираются через Джаркент и Каркалу. Фольбаума".

Ботпаевская волость в знак окончательной покорности прислала хорунжему Александрову 20 человек заложников. По словам Фольбаума видно, что мятежники начали к этому времени группироваться в Кастекских горах, Буамском ущелье и долине Кебене, установили тесную связь с киргизами Наманганского и Аулиэ-Атинского уездов в верховьях Таласа. Мятежники имеют признаки организации, на шапках носят однообразные металлические бляхи, есть знамена. В горах соорудили кузницы и мастерские для выделки пороха.

Интересна инструкция Куропаткина, преподанная генералу в отношении вооружения крестьян и метода быстрейшей ликвидации беспорядков. Инструкция эта говорит следующее:

„Предлагаю основной задачей Вашей деятельности при подавлении киргизских беспорядков считать охрану жизни и имущества русского населения. В этих видах: вооружите имеющимся огнестрельным и холодным оружием, считая и топоры, все способное носить оружие русское население и организуйте его десятки, сотни, дружины, предоставьте самому населению выбрать в десятках и сотнях начальствующих лиц. Часть вооруженного населения посадите на лошадей. Формирование трех сотен запасного разряда и четырех сотен казачьего ополчения разрешаю. Ополченные сотни оставьте для охраны обороны местах формирования. Второе, в городах и всех селениях организуйте ближнюю и дальнюю охрану днем и ночью, не допустите возможности внезапного нападения. Третье, усильте меры против пожаров. Четвертое, на случай окружения заготовьте в селениях и городах нужное количество запасов, обеспечьте воду. Пятое, при нападении киргизов внушите самое отчаянное сопротивление. Напомните пример Уральской сотни Серого, боровшейся с скопищем в десять тысяч. Вооружение киргиз огнестрельным оружием, вероятно, очень незначительно. Не довольствуйтесь обороной, где можно переходите к наступательным действиям. Нападение, особенно ночью, даже на большие скопища тридцатью—пятидесятью молодцами может дать самые решительные результаты. Надо вызвать панику. Шестое, поддерживайте связь телеграфную, почтовую, восстанавливайте разрушенное,

организуйте конную почту. Не прекращайте, где можно, никаких полевых работ, чтобы не пропал урожай сего года. Производите, где нужно, уборку киргизских полей, брошенных хозяевами, зачислением собранного урожая запасы казны. Седьмое, при действии карательных отрядов, истребляя сопротивляющихся и нападающих, не допускайте излишних и поэтому вредных жестокостей относительно тех, кто не сопротивляется; под страхом расстрела, не допускайте грабежа нашими войсками или русским населением. Весь отбитый скот, лошадей и имущество строго охраняйте и обращайте достояние казны. Восьмое, разрешаю вам образование при отрядах и уездных городах полевых судов. Девятое, усильте возможной степени военные конвои при уездных начальниках и приставах, поручайте им, где то признаете нужным, командование и войсковою силой для подавления беспорядков. Десятое, поддерживайте сношения с соседними губернаторами всех областей. Доносите мне вашему усмотрению не реже двух раз в сутки. Одиннадцатое, примите меры воспользоваться родовою или племенною рознью туземного населения области для борьбы с возмутившимися. Несомненно имеются киргизы и киргизские общества нам преданные, направьте их против бунтующихся. Двенадцатое, временно не стесняйте откочевку киргиз китайские пределы, пока не справитесь с внутренней смутой. Тринадцатое, направляю к вам значительное подкрепление, но ранее прихода не проявите огромную энергию сопротивления, распорядительности лично и всем русским населением. Куропаткин, 11 августа 1916 года*)".

Для усмирения восстания джетысуйских казак-киргиз из Ташкента направлены были следующие части: три с половиной дружины, семь рот стрелков из состава запасных полков, пять сотен и четырнадцать орудий. Войска эти высланы были в Семиречье в трех направлениях: со стороны Андижана—на Нарынское укрепление, со стороны Черняева—вдоль почтового тракта на Пишпек и Токмак и кружным путем по железным дорогам—на Семипалатинск и оттуда походом на Сергиополь—Лепсинск—Верный. Кроме того, из действующей армии посланы были два казачьих полка с казачьей батареей и двумя пулеметными командами, из коих 7 Оренбургский и 9 казачий полки направлены были через Семипалатинск на Верный. С прибытием этих войск, бунтовавшие казак-киргизы после незначительного сопротивления, оттеснены были в пограничные горы и, терпя недостаток продовольствия, теряя скот от недостатка в горах подножного корма, вынуждены были сдаться (из доклада Куропаткина). Но это произошло уже в самом конце всех событий.

В другой телеграмме генерал Куропаткин, подбадривая Фольбаума и семиреченскую администрацию, требует проявления большей энергии. Указанная телеграмма говорит следующее:

---

*) Генерал Фольбаум «благодарил» Куропаткина за доверие именно после этой его инструкции.

„Получил донесение, что Токмак занят капитаном Неклюдовым, на помощь ему идут подкрепления отряда Гейцига, надеюсь первый десяток шрапнелей заставит отхлынуть скопища киргиз. Обеспечив Пишпек и Токмак, необходимо, как Вам уже указано, войти связь, освободить Нарынское укрепление и Пржевальск. Назначение для этого сил и их начальников предоставляется Вашему усмотрению. Отряду Гейцига дайте Токмаке дневку, если назначите его силы дальнейшему движению на Пржевальск. Принимайте расчет, что через три дня Токмак начнет прибывать сильный отряд Алтырцева. Конница Бурзи, если не встретится препятствий, может прибыть Нарынское через два дня, а пехота через неделю. Необходимо скорее занять узел Кугы-Малды и предоставить занятие Нарынского укрепления Ферганским войскам, а Вашим войскам двигаться к Пржевальску частью войск, кои собираются Токмакском районе. Берите сами пример и напоминайте войскам действия полковника Колпаковского 52 года тому назад. Значительно меньшими силами, чем Вы располагаете, он смело выдвинулся из Верного навстречу огромному скопищу, наступавшему на Верный и нанес ему решительное поражение у Кастекского перевала —противник был значительно лучше вооружен, чем скопища, против которых Вы ныне действуете. По моему ходатайству в Семиречье переводится из действующей армии одна казачья бригада и конная батарея. Куропаткин“.

В других случаях Куропаткин таким же образом ссылается на примеры подвигов генералов Фон-Кауфмана и Скобелева.

В приказах генерала Куропаткина о предании военно-полевому суду бунтовщиков казакских волостей Курдайского и Кастекского района приводится обвинение, которое совершенно незначительно в сравнении с тем уроном, которое потерпело казакское население. Так, например, по Джаильмышевской волости, Верненского уезда, преданы были суду 23 человека, которые обвиняются в том, что под предводительством киргиза Бекбулата Ашикеева „в количестве около тысячи человек, встретившись с воинским отрядом, прибывшим для рассеяния этой толпы, оказали этому отряду вооруженное сопротивление, сопровождавшееся несколькими выстрелами из ружей в воинский отряд, произведенными с намерением лишить жизни и нанесением удара палкой в голову одному из казаков отряда“. По Западно-Кастекской волости предано военно-окружному суду двадцать человек, которые обвиняются в том, что на проезжей дороге между селениями Пригорным и Бургунем, будучи вооружены ружьями, топорами, пиками, палками, открытой силой напали на проезжавших тогда там трех крестьян и избили их палками, отобрав у них имущество, потом напали на архитектора Пугаченкова, контролера Киреева, ямщика Плахотонюка, джигита Куробаева; первым двум из них нанесли побои, раны и отобрали имущество. По Тайтарынской области предано суду двадцать один человек, обвинявшихся в нападении по тракту вблизи ст. Таргаф на почтовых пассажиров и убийстве двух неизвестных мужчин с нанесением раны жене почтово-телеграфного чиновника, С. Скрипкиной и крестьянину А. Козорезову. По

Ботпаевской волости Верненского уезда преданы суду ряд лиц за нападение и нанесение побоев одному переселенческому чиновнику. По Рыгийтинской волости предано суду девять человек за нападения и нанесения побоев также чиновнику переселенческого управления. По Западно-Кастекской волости преданы суду ряд лиц за убийство одного крестьянина и нанесение побоев ряду других лиц. Тоже самое преданы суду ряд лиц по Восточно-Кастекской волости. Таким образом по перечисленным волостям бунтовщиками-киргизами даже по официальному сообщению и приказу значится, что ими причинены администрации слишком маленькие убытки, но выступления этих бунтовщиков стоили жизни сотням киргиз и целым аулам.

Более серьезно по своим последствиям было восстание кара-киргиз в южной части Семиреченской области, имевшее более организованный характер. Начала мятеж Сарыбагишевская и Атекинская волости Токмакского участка Пишпекского уезда, оказавшие сопротивление русским войскам еще в начале завоевания последними области Киргизы указанных волостей привлекли на свою сторону всех кара-киргиз рода „Богу". занимавших котловину озера Иссык-Куля и окружавшие его горы в Пржевальском уезде и южной части Джаркентского. По удостоверениям агентов полиции, эти переговоры велись „настолько осторожно и тайно, что они ускользнули от внимания не только местного русского населения, но и самых опытных агентов полиции".

Враждебные действия „сарыбагышев" начались с 8 августа внезапным нападением на переселенческое селение Новороссийское расположенное в глубоком ущелье большого Кебеня. Крестьяне отбивались, но потерпели поражение и имущество их было растащено. В этот день Сарыбагыши на большом сборище свершили „бату" (клятву) ни в коем случае не давать рабочих и не подчиняться велениям русской власти. Провозгласили ханом манапа Макуша Шабданова, внука Джантая.

9 августа пожар восстания охватил всю территорию, занятую кочевьями кара-киргиз в бассейне реки Чу и озера Иссык-Куля. Мятежники захватили почтовый тракт из г. Пишпека на Пржевальск и от селения Рыбачьего на укрепление Нарынское. Сожгли по тракту мосты, разрушили телеграфную линию, ограбили и сожгли все почтовые станции и выставили по дорогам наблюдательные отряды. При появлении русских, их убивали. Тут естественно не обходилось и без крайностей: попадали жертвами и женщины и дети. Но со стороны карательных отрядов „цивилизованной" власти жестокостей было не меньше, когда последними стирались с лица земли целые аулы и роды.

Одной из групп бунтовщиков из сарыбагышевцев при входе в Буамское ущелье в котловину озера Иссык-Куля удалось устроить засаду и накрыть транспорт винтовок и боевых патронов (170 берданок и 40 тысяч патронов) следовавшего в Пржевальск перебив конвой, захватить этот транспорт. Часть этого оружия переслана была в волости „богинцев". После этого мятеж принял еще более ожесточенный характер. Подполковник Рымшевич в Токмаке в помощь своему отряду орга-

низовал дружины из добровольцев и направился для защиты селения Бело-Пикетское, Быстро-Рецкое и другие. По дороге у отрогов гор Малого Кебеня отряд Рымшевича неожиданно был окружен бунтовщиками человек в 300, но рассеял последних, нанеся большие уроны им. Отражено было и первое нападение мятежников на ст. Самсоновскую, а прибывший потом отряд казаков под командой сотника Величкина, отбросив осаждавших в горы, очистил на время долину реки Чу. 12 августа при вторичной стычке с мятежниками сотник Величкин и еще два казака пали убитыми.

13 августа большие скопища Сарыбагышцев начали наступление на Токмак. Туда направлен был отряд Бакуревича в составе сотни казаков с пулеметами и 70 нижних чинов пехоты. Несмотря на пулеметный огонь, косивший ряды восставших, они пытались еще и еще раз завладеть Токмаком, но к тому времени прибыл посланный из Ташкента отряд подполковника Гейцига из трех родов оружия. Киргизские мятежники, не зная об этом подкреплении, повели последнее массовое наступление, но, встреченные сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем, были отброшены и рассеяны. Понеся громадный урон и, видя дело свое проигранным, они обратились в спешное бегство по направлению высоких сыртов в горах южного берега озера Иссык-Куля.

Восстание опять подняли по получении оружия также „богинцы". 9 августа мятежники в полторы тысячи человек Каракечинской загорной волости напали на селение Бело-Царское и разгромили его. На следующий день мятежники убили заведывающего полицейским участком Меньщикова и перебили работавших техников. Потом численностью до пяти тысяч чековек окружили селение Столыпино в Кочкарской долине, но были отбиты.

В те же числа 9 и 10 августа, началось открытое выступление кара-киргиз в Иссык-Кульской котловине.

В это время в Беловодском районе также восстал ряд волостей. По донесению подполковника Писаржевского видно, что там организовались своевременно крестьянские дружины, при помощи которых Беловодский пристав задержал в Тлеубердинской волости 138 мятежников. Дружинники, ведя их в Пишпекскую тюрьму, всех перебили за попытку бежать. Отряд, имевшийся в этом районе и крестьянская дружина, выезжая с разрешения властей, продолжали грабить и истреблять киргизские аулы в Беловодском районе. По этому поводу мы в начале указывали инструкцию Фольбауму генерала Куропаткина, где последний предлагает Семиреченской администрации для планомерного подавления мятежа не допускать все-таки таких „черезмерностей".

По сообщению Фольбаума были столкновения с повстанцами около сел. Ивановки 20 августа, но отряд капитана Неклюдова атаковал мятежников и нанес им „большие" потери. По словам Фольбаума „прекрасно" вела себя в бою сотня дунган добровольцев. К этому времени со всех концов стягивались уже войска, и началось постепенное оттеснение мятежников к „узким горным проходам и котловинам"—чего нужно

было достигнуть согласно заранее задуманного оперативного плана. К 30 августа движение войск (ударных частей) и районы сосредоточения мятежников определяется следующей телеграммой генерала Сиверса (от имени командующего войсками округа).

„Верный. Генералу Фольбауму 2959 №-ру 6827. Очагом мятежа киргиз Западной части Семиречья является горный район между долинами Сусамыра, Джумгола и Кошкара на севере и долина Нарына на юге до дороги Кутемалды Нарынское на востоке. Наиболее наглы киргизы западной части этого района, особенно долине Сусамыра. Поэтому командующий войсками признает необходимым, чтобы отряд капитана Кохановского не отвлекался в направлении к Нарыну, а тотчас по прибытии Тогус-Тарау энергичными действиями западной части указанного района усмирил бы здесь мятеж и выручил русских людей в долине Сусамыра. Эти указания вместе с сим сообщены для ускорения полковнику Боброву и капитану Кохановскому через Ферганского губернатора; для облегчения этой задачи необходимо ударить на указанный очаг мятежа и с севера. Направление колонны из Намангана Кетмен-Тюбе вдоль Джумгола, согласно предложения полковника Иванова, важно, но сформирование и прибытие ее указанный район запоздает. От этой идеи отказывается и полковник Иванов, узнав о новой задаче отряда Кохановского и полагая, что он один справится с этой задачей. Во всяком случае в Намангане или Андижане будет формироваться подвижной резерв роты частью посаженный на лошадей, из которого случае надобности и будут выделены силы для помощи Кохановскому. По изложенным вопросам прошу сообщить Ваше соображение для доклада командующему войсками“. От 21 августа генерал Куропаткин дал следующую телеграмму: „Верный. Генералу Фольбауму 1960 вместе сформированными Вами частями по приходе отправленного Вами подкрепления. не считая двух казачьих полков и конной батареи, Вы будете располагать 35 ротами. 24 сотнями, 240 конными разведчиками, 16 орудиями, 47 пулеметами. Черняев, Романовский, Кауфман и Скобелев завоевали области Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую меньшими силами. Куропаткин“. Вот те силы, которые еще и при поддержке крестьянских вооруженных дружин и городских „добровольцев“ прошли потом вдоль и поперек киргизскую степь и горные пространства и „огнем и мечем“ истребляли аулы мятежников.

К этому моменту, когда разыгрывались события в Токмакском и Пишпекском районе, Курдайский район почти был окончательно усмирен. Раз‘езд капельмейстера Скатова и делопроизводителя Решетникова напал на Джаимышельскую волость и захватили 13 главарей во главе с киргизом Ашикеевым (потомком хана Ашикеля), провозглашенным Паущ-Кунуре ханом 12 августа. Ашикеев и остальные главари направлены были в Верный, а от мятежников взято заложников по 10 человек от аула. По приказу Фольбаума волости Курдайско-Кастекского района в большинстве были „спущены“ с гор и поставлены на работы по уборке полей Каскелена и др.

В Узунагаче на место действовавшего Александрова выдвинута была сотня Недзвекского, „только что вернувшегося из лихого набега на Кызыл-Бурковскую и Исыкатинскую волости“ (слова Фольбаума). Недзвекскому поручена была охрана тракта до Курбая, долина Копы и Кастекский район. Ротмистр Кравченко, „этот доблестный офицер“ с отрядом направлен был из этого района в сторону Пржевальска.

По Пишпекскому уезду генерал Фольбаум помимо этого издал такой приказ:

„Пишпек. Уездному начальнику. Об'явите немедленно туземным волостям вдоль почтовых трактов, что ответственность за целость телеграфа и почты, также проезжающих, возлагается на местное туземное население, почему там, где будут допущены ограбления почты и порча телеграфа и непосредственные виновники не будут обнаружены, полевому суду будут переданы соответственные волости. 2680 Фольбаум.“

Согласно этого приказа, конечно, покарали не одну волость, по указанному тракту, даже если бы киргизы и не портили телеграф: достаточно было агентам самой администрациии и отдельным крестьянам самим попортить телеграф и потом об'явить, что это сделано киргизами.

31 августа, согласно телеграммы Пишпекского воинского начальника, говорится, что прапорщик Богуцкий отбил около 2000 лошадей в одном из своих „выездов“ в казак-киргизские аулы. По этому поводу потом Фольбаумом дано было указание передавать их под расписку для временного пользования крестьянам, но из Ташкента последовало потом распоряжение все же „открыто“ таким путем у совершенно мирных киргиз не отбирать скот, а наоборот нужно настаивать их против бунтовщиков.

На юге Пишпекского уезда Карабулакская волость выступила, наоборот, против восставших здесь своих же киргиз и действовала против мятежников совместно с русским местным поселком. Причины этого исключительного случая за отсутствием под рукой материалов не выяснены. „Крестьяне селения Черноречeнского убили кандидата волостного управителя и старшину и еще двух киргиз, ехавших по поручению начальства для доставления лошадей. Спустя несколько дней мирные киргизы приехали похоронить убитых, но крестьяне начали в них стрелять, при чем убили несколько человек. 25 августа крестьяне с солдатами в числе более 100 человек, явились в аулы № 3, 4 и 6 Чумышевской волости. Здесь они потребовали угощения, после которого перебили в этих аулах 110 человек киргиз, в том числе женщин и детей, разграбив имущество. Крестьяне сел Чернореченского пред'явили к волостному управителю этой волости Алгадаеву требование уплатить 3.000 рублей и дать 12 лошадей. Чернореченские крестьяне разграбили имущество и сожгли усадьбу мирного киргиза Умралы Адавосинова, нанеся ему убыток свыше 11.000 рублей. Умралы боится заявить властям, чтобы его за это не убили. Настроение крестьян Беловодского и Касыка совершенно одинаковое с настроением крестьян селения Чер-

нореченского. Из числа киргиз загорных волостей изъявляют покорность волостной управитель туркмен с обществом. Остальные киргизы Токмакского участка, разбитые войсками, удалились из этого участка и нападают небольшими шайками. Участковый пристав Беловодского участка Грибановский задержал в горах свыше 500 человек киргиз, которые были доставлены в Беловодск, где Беловодские крестьяне учинили над ними самосуд и всех до единого убили. Среди этих киргиз было много мирных. В горах близ Беловодского крестьяне, считая указанных выше 500 человек, убили около 1700 человек, из которых большинство было мирных. Ротмистр-подпись. (Донесение начальнику Туркестанского районного охранного отделения от 28 сентября 1916 года № 649—взято из Цуартдела дело № 94 том 11)."

Тот же ротмистр в охранку доносит следующее:

„Кроме 3000 рублей, данных раньше киргизами Джайльмышевской волости за мир казакам станицы Каскленской Андрею Малышеву и др., киргизами той же волости рода „капал" даны еще Андрею Малышеву 1500 рублей деньгами и всем известный скакун киргиза той же волости Кошмадьяра, стоющий более 2000 рублей. Деньги 1500 рублей и бегунца Малышев получил у киргиза Чамалганской волости Мусахана Алпыспаева, принимавшего участие в этом деле. Это было через 3 дня после получения казаками 3000 руб." Дальше в донесении говорится, что в получении этих денег способствовали киргизы Джабы Сулейманов, Алпыспай, Ураз-Али Манкин, Мусахан Алтыспаев, Булдабек Тюлегенов и рассыльный городовой полицмейстера Сайлаубай. 30 августа полицмейстер Поротиков в своем кабинете допрашивал брата чиновника Токаша Бокина-Сесембая Бакина, по делу обвинения последнего в соучастии в бунте.

„В кабинете полицмейстера Поротикова находится нагайка, которой он бьет инородцев при допросе. Таким образом он добивается от свидетелей показаний, чтобы неправильные сведения его агентов сделать правильными. Тоже самое сделано и с другим свидетелем киргизом Джайльмышевской вол. Оспаном".

В Пишпекском уезде более жестокий характер по своим последствиям имели восстания в Курдайско-Кастекском районе и в особенности в Пишпекском уезде. На перечислении второстепенных фактов по этому уезду не будем останавливаться.

Более широкий размер и массовый характер имело восстание кара-киргизского населения в Пржевальском уезде (Иссык-Кульская котловина). Восстание подготовлялось киргизами в связи с смутами, начавшимися до этого еще в Пишпекском уезде. Решение об открытом выступлении киргиз состоялось уже сейчас же после отбития около селения Рыбачьего киргизами Атекинской и Сарыбагишевской волости транспорта оружия. Восстание началось с разгрома конных почтовых станций и русских поселков по северному берегу Иссык-Куля. Нападение произошло на поселки: Николаевский, Теплоключенский, Преображенский, где кирлизы действительно подвергли разгрому эти поселки,

а также забрали с собой много пленных. Во главе одного из отрядов киргиз состоял георгиевский кавалер крестьянин Власенко, который „изменил" русскому правительству, как сообщается в одной из докладных записок. Также подверглась разгрому сельско-хозяйственная школа, и другие поселки, находившиеся в окрестностях города Пржевальска. Нападение киргиз в Пржевальском уезде были неожиданным и поэтому русские поселки потерпели большие поражения. Повстанцы киргизские расправлялись с своими противниками в свою очередь очень жестоко и эта жестокость обоюдная во время восстания в Пржевальском уезде, конечно, имела потом пагубные последствия для населения этого уезда. Из Пржевальска в свое время помощи поселкам администрация не могла дать. Население из поселков стало стекаться в гор. Пржевальск Последний стал укрепляться, горожане были вооружены, устроены баррикады и роздано все имевшееся оружие населению. Но до Пржевальска нападение киргиз не докатилось.

Некоторое успокоение в Пржевальске наступило только с 15 августа, когда прибыл отряд ротмистра Кравченко с Каркалинской ярмарки. С отрядом Кравченко двинулись бывшие на Каркалинской ярмарке торговцы: сарты, дунгане, таранчинцы и татары. Когда отряд подошел к селению Теплоключенскому, и оставив в этом селении всех торговцев из мусульман в числе около 500 человек, двинулся к Пржевальску крестьяне того селения и беженцы из других поселков перебили всех торговцев за исключением десятка татар и 11 человек сартов. В конце августа через горы в пределы Пржевальского уезда из Верного прибыл отряд под командой Бычкова, имевший несколько стычек с киргизами и отбивший у них много скота. За ним прибыл также отряд Гейцинга. Видя, что дело проиграно, киргизы через перевалы двинулись на Сырты к границам Китая (на юго-восток от Пржевальска) и в долину реки Текеса, освободив все занятые ими поселки. По дороге киргизы продолжали жечь мосты и разрушать дома, если они встречались. Были случаи возвращения обратно киргиз отдельными группами с целью помириться, но с ними крестьянское население жестоко расправлялось.

Уходя от преследования русских отрядов, киргизы побросали почти все свое имущество и имущество отобранное у крестьян, оставляли даже юрты и большую часть скота, особенно баранов, которые не могли перенести длинный переход. Это имущество и скот массами попали в карательные отряды. В это время произошло восстание дунган селения Марьинского, которые совместно с китайцами-опиумщиками напали на шедших и ехавших в Пржевальск русских и часть избили. В ответ на это нападение в Пржевальске началось избиение туземцев главным образом купцов-дунган, не принимавших участия в мятеже. Часть туземцев была по приводе на казарменную площадь, где собралось население во главе с начальником уезда полковником Ивановым, по приказу последнего переколота штыками без суда и следствия. Эту резню произвели чины конского запаса. В этом происшествии числятся фамилии генерала Нарбута, прапорщика Русакова, прапорщика Желти-

кова и других. Другая часть туземцев была перебита полицейскими и толпой. Был убит одновременно приведенный для допроса торговец Султан Мурат. Все имущество убитых туземцев по приказанию уездного начальника было конфисковано. В этой конфискации участвовали и частные лица, всего отобрано имущества на несколько сот тысяч рублей. В официальных донесениях говорится, что грабеж этот продолжался с 10 по 25 августа. В городе Пржевальске всего было убито до 700 человек и осталось в живых не больше десятка. Как со стороны русского населения, так и со стороны областной администрации было выражено недоверие полковнику Иванову за нераспорядительность и непринятие своевременно мер предотвращения восстания, в результате чего он потом был смещен с занимаемого поста. Указывается распорядительность в оказании помощи беженцам из поселков заведующего переселенческим подрайоном Шабалина. Во время осады киргизами селения Сазоновки Пржевальского уезда большие успехи оказали русским Сазоновские сарты-торговцы, доставляя оборонившимся порох, свинец, снабжая осужденных жителей хлебом и участвуя непосредственно в обороне селения. Когда держаться в Сазоновке стало невозможно, корнет Покровский, посланный на выручку к Сазоновке, защищавший ее в течение двух недель, решил вывести население через селение Преображенское в город Пржевальск. С ним пошли и бывшие в селении сарты с женами и детьми. В селении Преображенском сарты решили сдать оставшиеся у них товары. Корнет Покровский предлагал им следовать вместе с ним, но они заявили, что должны покончить денежные расчеты, по окончании которых и выступят самостоятельно в город Пржевальск, отстоящий от селения Преображенского верстах в 40. Окончив свои дела, сарты отправились в город Пржевальск, но в 6—7 верстах от селения Преображенского они настигнуты были толпой крестьян и казаков станицы Никольской под предводительством атамана той станицы Бедарива, перебиты и ограблены. Всего убито свыше 90 человек, считая в этом числе женщин и детей.

Такие же избиения произошли на Ак-Су и других местах.

Покровский и Угренев были посланы в Покровское собрать рассеявших и несобранных еще жителей. Поручение было исполнено успешно. Покровский сжег, между прочим, стойбище около 800 юрт. 20 августа из Преображенского телеграфировали о подходе большого скопища киргиз, навстречу которым выступил хорунжий Берг. 28 августа Берг рассеял скопища, уничтожал до 800 отчаянных борцов и отбил огромное количество скота и баранов. Тот же Берг и техник Головин посылались еще в две экспедиции, при чем обе увенчались полным успехом. 27 августа в Пржевальск вступил отряд сотника Волкова, а также отряд войскового старшины Бычкова" (из донесений генерала Фольбаума).

В области северного берега озера Иссык-Куля, направившиеся в Китай, прошли на Текес, а южного—на Сырты. Туда же отошла и часть Пишпекских кара-киргизов. У Тюпа войска сильно наказали пер-

вых. отбив почти весь скот. К половине сентября главные скопища киргиз обозначились еще яснее: одно—на Сномбе, в восточной части Текесской долины. другое—на Сыртах и третье—на Джумгае. близ Сомкуля. Сообразно с этой обстановкой перегруппированы были и карательные отряды.

Часть киргиз. ушедших на Сырты в китайские пределы, одумалась к ноябрю месяцу и стала возвращаться обратно: они были избиваемы крестьянами по дороге. Из остатков покорившихся Пишпекских и части Атабашинских волостей, сформировано было 6 новых волостей, размещенных в Нарынском районе. В знак покорности этими волостями выставлено было 1.400 лошадей. На южном берегу Иссык-Кульского озера войсками подполковника Гейнига в ноябре месяце захвачено было 300 киргиз-повстанцев и отобрано было у них 80 лошадей, 100 голов рогатого скота и 800 баранов. Отряд Бычкова при одном из походов задержал 360 кибиток, которые привел в покорность, отобрав 100 ружей, 639 лошадей, 495 голов рогатого скота, около 9.000 баранов, 108 верблюдов. В Иссык-Кульский район спустилось около 800 кибиток киргиз, которые направлены были потом в Нарынский район. Киргизы были мобилизованы для уборки хлеба у крестьян и полей Мариинских дунган. Около 200 человек роздано было в работники русским крестьянам.

В северных уездах области волнения туземцев не вылились в столь резкую форму, как в южных. У казаков рода „джалаир" призыв рабочих в тыл армии вызвал только глухое брожение, которое скоро успокоилось и джалаиры подчинились. В северной же части этого уезда и в Лепсинском уезде, занятом казаками рода „найман", брожение было более продолжительно. Почти все волости наотрез отказались выставить рабочих и некоторые (Барукская и Эмельская) бежали в Китай, а другие поспешили откочевать в считавшиеся неприступными дебри Джунгарского Ала-тау, или в прибалхашские пески. В сентябре же месяце, когда в других частях области, наступило уже сравнительное успокоение, в Лепсинском уезде небольшая группа преимущественно из призывной молодежи, сделала было попытку открытого восстания, угрожая насильственными действиями против небольшого переселенческого селения Саратовского, но попытка эта была прекращена в самом начале. Спешно выступивший из города Лепсинска под командой штаб-ротмистра Маслова отряд из казаков и пехоты, рассеял угрожавшее селению Саратовскому скопище мятежников, которое в происшедшей стычке потеряло более 200 человек убитыми, а зачинщики и главари схвачены и доставлены в Лепсинск.

Прибытие из Семипалатинска в пределы области достаточного количества войск из 3 родов оружия, убедило казаков в бесцельности сопротивления и заставило их давать рабочих. Бежавшие в китайские пределы Бармыкская и Змельская волости, недружелюбно встреченные китайскими калмыками, ограбившими у них значительную часть скота, имущества и даже женщин, также возвратились в места постоянных своих кочевок.

Когда в конце июля откочевали из Лепсинского уезда 4 волости киргиз в пределы Китая, наперерез этим волостям, по распоряжению Фольбаума послана была казачья сотня из Бахтова, притянув туда же казаков из Чугучака. Консул в Чугучаке писал одну за другой телеграммы о своей боязни быть разгромленным казак-киргизами, но ему посланы были подкрепления, а киргизы проследовали за много южнее от Чугучака по направлению к Барлыку.

В Джаркентском уезде наблюдались одновременно заметные волнения Кульджинских дунган, на которых сильно отразилось известие о кровавых расправах с дунганами в Пржевальском уезде. Бежавшие в Китай казакские волости Джаркентского уезда рода „суван", кочующие на правом берегу Или, 29—30 августа вернулись обратно. Предварительно эти казаки через консула испросили разрешение у Фольбаума, при условии дачи рабочих и выполнении наряда лошадей и скота.

В Нарынском уезде 11—13 августа восстали казак-киргизы по правому берегу Нарына, которыми разгромлено было имущество почтовых станций до пос. Рыбачьего. Против повстанцев выступил карательный отряд Булычева. Саперы с полуротой и двумя пулеметами во главе с капитаном Бурзи перешли Долонский перевал, все время имея перестрелку с киргизами, где в одной из стычек со скопищами киргиз до 700 человек, было убито около 100 человек.

В октябре месяце получились сведения о больших скоплениях казаков вокруг озера Балхаша и выражаемых ими явных недовольвольств. Род „аргын", преимущественно населяющий прибалхашский район, якобы даже был вооружен огнестрельным оружием. По Балхашскому району затребованы были сведения из Семипалатинска, а также посланы для расследования специальные экспедиции.

Положение казак-киргиз, бежавших в Китайские пределы, оказалось самое затруднительное. Те группы, которые направились в Кашгар вследствие рано наступивших холодов, сопровождавшихся снежными буранами и отсутствия поэтому подножного корма, потеряли на Сыртах почти весь свой скот и пришли в Китайские пределы совершенными бедняками. Мятежники, укочевавшие на Текес, прогнали свой скот более благополучно, но и здесь наступившие холода с выпавшим глубоким снегом при отсутствии подножного корма, вызвали большой падеж скота.

Китайские власти отнеслись к беженцам индеферентно, рассматривая их главным образом как источник эксплоатации. Казак-киргизы должны были преподносить в подарок китайским властям или продавать за бесценок, в виду чрезмерной нужды последнее оставшееся имущество, скот и даже жен и детей. С другой стороны кочевые калмыки воспользовались беззащитностью киргиз и также делали нападения, отбирая скот и женщин. Поставленные в безвыходное положение, гонимые со всех сторон беженцы в большинстве вынуждались возвращаться обратно, но и здесь русская администрация и крестьянство встречали их враждебно и пускали их обратно под условием выплаты контрибуции.

В районе Тарбагатая скопилось несколько тысяч казак-киргизских беженцев. По этому поводу в результате переговоров между Фольбаумом и консулом в Чугучаге приняты были меры к расставлению отрядов для воспрепятствования казак-киргизам перекочевки дальше, а также предъявлены требования китайским властям через Тарбагатайского губернатора в Ану-Бу-Даун выселить этих киргиз из пределов Китая, но эти переговоры не увенчались успехом.

Вот как в одной из телеграмм Фольбаум описывает результаты окружения и оттеснения в неблагоприятные районы казак-киргизских мятежников: „Главная цель карательных отрядов отныне будет заключаться в усилении этой разобщенности и постановки кара-киргиз в наиболее невыгодные для мятежа условия. В последнем смысле достигнуто уже много: мятежники северного берега Иссык-Куля и окрестностей Пржевальска принуждены удалиться частью на Текес, частью на Сырты к югу от озера. Мятежники между Пишпеком и Сонкулем частью рассеяны на Кочкорке и Джумголе, частью ушли в те же южные Сырты. Видимым знаком поражения мятежников является скот, отбитый повсюду в огромных количествах. В окрестностях Пржевальска скопилось свыше трехсот тысяч голов, на Кочкорке не поддающееся еще учету количество скота, но около ста тысяч. Более умеренная добыча имеется еще у Токмака. Дальнейшее действие отрядов у Джумгола и долине Алабаш к Востоку от Кочкорки внесут еще больше расстройства в ряды мятежников и несомненно умножат количество скота. Создавшаяся обстановка выдвинула в результате два вопроса: 1) что делать с захваченным скотом, 2) какие цели поставить войскам в ближайшем будущем на юге Семиречья. Скот сдается администрации, но последняя без помощи войска не в силах его ни сдержать, ни охранять, скот может расхищаться и гибнуть от недостатка ухода и корма. Войска же, связанные стадами, теряют подвижность“. Дальше запрашивается о порядке перегона и использования этого скота. „Относительно задач для войска полагал бы продолжать развивать создавшуюся обстановку. Имея ввиду теплый климат и огромное стратегическое значение Кочкарки, как центра всех кочевий Сусамыра, Джумгола и Сыртов, полагал бы необходимым обосновать здесь надолго один из отрядов. Подобный отряд, в связи с Нарыном разделил бы Сырты от Джумгола и Сусамыра и активными действиями держал бы под ударами мятежников, как в Сомкульском районе, так и на Сыртах. Если эта схема в принципе будет одобрена, детали вскоре разработаю в связи с вопросами о ликвидации гуртов скота, 3323. Фольбаум“.

По ходатайству казаков рода Албан, бежавших в пределы Китая, в результате переговоров с китайскими властями, а также через консула в Кульдже, Фольбаум разрешил 17 волостям возвращаться, но с условием доставки 1000 лошадей в Пржевальск для крестьян по уборке урожая. Согласно этих условий, табун должны были пригнать 50 человек, т. е. по три табунщика от каждой волости, также требовалось пригнать немедленно 3000 самых лучших лошадей для действующей армии.

В этом случае мятежникам обещалось помилование, но если чуть опаздают доставкой к сроку или пригонят плохих лошадей, то Фольбаум угрожал отрядами казаков и пушками. Само собой разумелась при этом выдача оружия и главарей мятежников. Указывалось также, что если вместо настоящих главарей пришлют других, то раскаяние не будет принято. В одной из своих телеграмм Фольбаум доносит о действиях войскового старшины Бычкова в долине реки Тон, где разбиты были атекинские мятежники и убито до 1000 человек.

В общем положение казак-киргиз беженцев в Китае было самое отчаянное. Кругом они обирались и без материальных жертв они не могли устроиться где-нибудь.

В октябре месяце совершил поездку в Джетысуйскую область генерал Куропаткин, один из главных героев кровавого подавления повстанческого движения туземцев, особенно в Семиречье. Он поехал посмотреть на „благие“ результаты посланных им карательных отрядов и действий вооруженного им крестьянского населения. Всю дорогу Куропаткина встречали: русские поселки колокольным звоном, молебствием и хлебом с солью, а туземцы с из‘явлением радости и покорности. Куропаткин прибыл в Верный 13 октября. Совершен был обычный осмотр правительственных учреждений и учебных заведений, состоялись парады, собрания администрации и сбор туземных властей, где Куропаткин высказывал „сожаление“ о случившемся. Куропаткин благодарил администрацию, а также выслушал следующую речь протоиерея А. А. Шаврова в кафедральном соборе:

„Ваше высокопревосходительство, высокочтимый наш начальник, Алексей Николаевич! Приветствуя Вас с благополучным прибытием в наш град, мы видим в этом заботливость и попечение об нас—семиреченцах. Нам отрадно видеть Вас лицом к лицу и поведать с горечью, как дикая и буйная киргизская орда, предавая огню и разграблению русские поселения, кощунствовала над святынею и зверской рукой избивала русское население, не щадя ни старцев, ни жен, ни детей. Стон, рыдание и вопль страдальцев—семиреченцев вопиют к небу. Возлагая надежды на победительную десницу божию, мы уверены, что обильное сердце Ваше несет утешение семиреченцам, а мощная рука Ваша утрет слезы страдальцам. Благословение божие да почивает на Вас“—заканчивает протоиерей.

В одном из выступлений Куропаткин по поводу мятежа киргиз высказал следующее:

„ Главарей—волков необходимо переловить, а что касается массы баранов, то их можно и простить... в этом смысле я буду доносить и государю, но, конечно, это не касается Пржевальского уезда и загорной части Пишпекского уезда, где мятежники пролили слишком много русской крови и где поэтому будут наказаны все волости; все побережье Иссык-Куля и долина Кебеня будут навсегда отняты от киргиз и мятежники будут двинуты в горы Нарынского участка. Это суровое наказание—лишение мятежников земли, будет достойным для них возмез-

диев. Но там, где беспорядки были не очень сильны, там не следует увеличивать искусственно размеры бедствия. Горе постигшее Семиречье—большое горе, но увеличивать размеры его, продолжая распри, —не нужно".

Курапаткин в Верном провел ряд мероприятий по скорейшему набору рабочих, о казачьих прирезках, улажении порядка работ администрации, устроения потерпевших крестьян и т. п., а в секретных совещаниях выработал окончательные меры по уничтожению всех остатков повстанческого движения и затем он выехал в Ташкент.

Относительно Куропаткина распространено было кем-то по Семиречью следующее стихотворение, якобы полученное из Ташкента секретным путем:

А. Н. Куропаткину.

Старый друг народного героя,
Ты снова призван в край тебе родной,
Лишенный ныне мира и покоя,
Об'ятый вдруг мятежною волной...

Туши мятеж, пощады не давай
Рази изменников туземцев!
По слов учителя не забывай*)
Ищи и здесь работу немцев.

Вот ряд имен, мотай на ус:
Мартсон, Гиппенер, Папенгут,
Фольбаум, Цурмилен, Гиппиус,
Сам кайзер скажет.

Мы не будем останавливаться на работах военно-полевых судов и расстрелах так называемых главарей, поднявших восстание киргиз, количество которых будет довольно солидно, а остановимся как на сводке итогов жертв со стороны населения, так и убытках в материальном отношении. В сравнении с остальными областями восстание 1916 года имело гораздо более пагубные последствия по своим результатам в Семиреченской области. Восстание 1916 года туземцев в Туркестане явилось преддверием ужасного голода, постигшего последний в период 1916—19 годов. Фактически события 16 года в Семиреченской области и его отголоски в виде кровавой мести со стороны крестьянского населения продолжались в течение 1916—19 годов. Возвратившиеся с фронта казачьи и пехотные части прибывали в Семиречье озлобленные, с одной решимостью—истреблять киргиз и отомстить как следует за все, ими причиненное русскому населению. То, что происходило в момент февральского и октябрьского переворотов, как следствие событий шестнадцатого года, и в чем выразился кровавый национальный антагонизм при первых периодах революции в Семиреченской об-

---

*) Скобелев враг немцев.

ласти, мы поясним в конце. Сейчас необходимо указать на итоговые результаты восстания шестнадцатого года, как потерей людьми, так и отношении материального убытка.

Нападению восставших казак-киргиз подвергалось приблизительно около 94 русских селений, в которых сожжено и разрушено 5.373 двора. В селениях, на полях и по дорогам убито—1.905 душ обоего пола, ранено 684, взято в плен и без вести пропало—1.105, но впоследствии большинство из этих пленных возвратилось. В рядах карательных отрядов, действовавших против повстанцев, потери определились в 171 человек, из коих: убито три офицера и 53 нижних чина, ранено 45 нижних чинов, остальные пропали без вести. На сельском хозяйстве восстание отразилось так же очень заметно. К 1917 году площадь посева убыла всего на 1,5%, но благодаря отсутствию у крестьян рабочих рук, нанимавшихся из киргиз и вследствие этого плохой уборки хлеба фактически собрано было его гораздо меньше, чем в предыдущих годах.

Но неимоверно в большем размере потерпело убытков киргизское население, в сравнении с которыми бледнеют те цифры, которые приведены выше. По Верненскому уезду число кибиток было до восстания 4.347, а к 17 году убыло 1.932. По Джаркентскому уезду было 17.046, убыло—12.718. По Пишпекскому уезду: было—21.831, убыло—9.313. По Пржевальскому уезду: было—34.509, убыло—25.660. По Лепсинскому уезду: было—7.071, убыло—3.442. Всего по области было до восстания 84.854, убыло—53.006.

Общее число кибиток в области по переучету на трехлетие 1916—18 года определено в 182.255, следовательно убыль их составила 29,12%. Состав кибитки по статистическим данным определялся тогда в 5,1 душ обоего пола, поэтому убыль кочевого населения в области вызванная восстанием, к январю 1917 года исчисляется в 276.632 душ обоего пола, а с прибавлением к этой цифре присоединившегося к бунтовщикам населения Мариинской дунганской волости в Пржевальском уезде, бежавшего в Китай в числе 2.590 душ обоего пола, общая убыль туземного населения в области выразится суммой в 273.222 душ обоего пола, что составляет 20,61% всего населения области, зарегистрированного в январе 1915 года.

Наибольшая часть беглецов, направившаяся в Кашгарскую провинцию Китая, прослушав об образовании Нарынского уезда из туземного населения, ввиду совершенно невозможных условий жизни на чужбине, начала возвращаться в пределы области еще зимой, несмотря на снежные заносы в перевалах. Наплыв беженцев из Китая особенно увеличился в 1917 году после февральского переворота. Но прибывающие беженцы подвергались по дороге грабежам со стороны китайских властей, калмыков, а в пределах области тайным и открытым нападениям вооруженных крестьян. Беженцы, совершенно лишенные скота и имущества, возвращались совершенно голыми бедняками. На родине их зимовки, усадьбы и стойбища всякого рода были до основания разрушены.

Немногим лучше было положение и тех участвовавших в восстании волостей, которые, опасаясь преследования войск, укрылись в горах Атабашинского участка. Брошенные посевы и зимовки погибли, увезенное с собой имущество и угнанный скот частью сохранены, но отсутствие корма для скота и в связи с весенней засухой, вызвавшей гибель подножного корма и недостаток продовольствия, поставил их в весьма тяжкое положение.

• Степень разоренности восставших киргизских масс рисуют данные переписи 1916 года. По этим данным и донесениям уездной администрации, например в части волостей Верненского, Лепсинского, Джаркентского уездов, возвратившиеся кибитковладельцы могли собрать урожай не более как с четвертой части своих посевов. Во всех же остальных частях этих уездов и в Пржевальском, не исключая Атабашинского его участка все посевы киргиз погибли, так как были стравлены и потоптаны скотом, уничтожены проходившими воинскими командами, а местами сожжены самими же восставшими. Уцелевшие поля были засыпаны рано выпавшим снегом. В некоторых местах хлеб жали зимой, в других только весной, когда сошел снег. Но эти поля не могут быть принимаемы в расчет. Здесь, а также в волостях Бурукчинской, Букенекской, Джува-Арыкской, Иссенгуловской, Нарынской, Ниязбековской, Саяковской, Чоринской, Чириковской, Шатеновской и Мунакельдинской Атабашинского участка, Пржевальского уезда уцелело не свыше 1/3 всего бывшего до восстания скота. Во всех же остальных волостах, принимавших участие в мятеже, которые расчитывали уберечь свои стада угоном в китайские пределы, скот весь погиб.

Скотоводческому хозяйству и вообще экономическому положению киргиз нанесен был огромный ущерб, наложивший свой отпечаток на многие годы в последующей судьбе киргизского населения. Так, например, по Пржевальскому уезду от всего имевшегося скота до восстания к 17 году оставалось только 1/3 (по оффициальным данным). В общем убыль скота и потеря урожая в киргизских хозяйствах по отношению ко всем вообще хозяйствам в охваченных восстанием уездах в процентном отношении приблизительно определялись такими цифрами, взятыми из оффициальных источников.

УЕЗДЫ.	КОЛИЧЕСТВО СКОТА.					Площадь посевов.
	Лошадей.	Круп. рог. ск.	Верблюдов.	Овец и коз.	Общее число голов.	
Верненский	10,21	7,81	10,8	9,14	9,33	2,02
Джаркентский	78,59	63,98	89,19	81,55	79,09	22,28
Пишпекский	42,18	34,04	81,81	52,43	43,94	35,93
Пржевальский	75,61	63,27	81,71	81,15	77,91	61,19
Лепсинский	7,92	7,43	7,1	15,03	10,77	5,24

Эти приблизительно итоговые данные относятся к началу 1917 г. Но в продолжение 1917-18-19 г. продолжалось мщение вооруженных

крестьян беззащитным киргизам. Начиная с 16 года все эти годы являются трагедией целого народа, ограбленного со всех сторон, подорванного окончательно экономически и разрозненного, когда он был об'ят в последующих годах небывалым в Туркестане голодом, унесшим массу жертв людьми и совершенно обессилившем киргизский народ. В таком состоянии застала киргизское население Октябрьская революция и эти предпосылки недавно разыгравшихся событий 16 года и его последствия, являются той отправной точкой, с которой, изучая социально-экономическое и политическое положение казак-киргизского общества, можно строить среди него Советскую власть.

5. Закаспийская и Аму-Дарьинская области.

Об'явление о наборе туземных рабочих на тыловые работы фронта по Закаспийской (Туркменской) области, было встречено не одинаково во всех ее районах.

Многие туркменские общества стали посылать ходатайства о замене натуральной повинности денежной и выказывать недовольство тем, что они должны будут нести черную работу в тылу фронта с кетменями и киркой в руках. Они выражали желание давать сыновей на фронт в качестве солдат, которые должны быть вооружены теперь же. Об этом, например, хлопотали туркмены Мервского уезда перед Петроградом и Туркестанским генерал-губернатором.

Требования отдельных племен об отмене набора рабочих и замене его денежной формой или, в крайнем случае, вооружении набираемых—угрожали в дальнейшем вылиться в открытое неповиновение. Администрация приняла меры к успокоению населения и об'яснила туркменам, что их люди будут вооружены и нести сторожевую и охранную службу на фронтах. Большинство туркменских племен (текинцы Ахали и Мерва) уездов: Асхабадского, Тедженского и Мервского, из которых на фронте к тому времени находился набранный один Текинский полк, подчинялись требованиям власти и стали давать людей.

Восстание, в настоящем смысле этого слова, началось в пограничных с Персией местностях Красноводского уезда, населенных кочевниками из племени Йомудов. Последние после об'явления о мобилизации туземных рабочих, быстро откочевали в пределы Персии. Проявляя сперва глухое недовольство, не получив надлежащих об'яснений от администрации на свои требования, это племя восстало потом открыто.

Отличие туркмен от киргиз или узбеков в восстании 1916 года заключалось в том, что туркмены, особенно кочевники-йомуды, были хорошо вооружены и могли довольно серьезно угрожать безопасности царской администрации в Закаспийской области. Восстание же йомудов в Красноводском уезде, живших то в пределах Персии, то в пределах Закаспийской области в качестве „двухданников: русского и персидского правительства, имели вызвать недоразумения с Персией и послужить на руку турецким и германским агентам.

Как бы там ни было, но пограничные племена туркмен в Красноводском уезде восстали. Первое проявление беспорядков возникло в районе реки Атрека в середине августа. Туркмены оказали вооруженное сопротивление Чикишлярскому приставу, прибывшему в район поста Купбаназак для составления списков рабочих. Они обстреляли патруль и раз'езды воинской команды, сопровождавшие пристава, при чем оказалось двое убитых и трое раненых из числа солдат. Одновременно с этим в окрестностях укрепления Чатлы появились многочисленные скопища йомудов, прорвавшие телеграфное сообщение с Чикишлярами.

Во второй половине августа большие скопища йомудов начали переходить из русских пределов в Персидские степи. Это переселение продолжалось и в сентябре. Из Красноводского уезда перешло, например, в Персию более 2.000 кибиток йомудов, привлекших на свою сторону также весьма значительную часть племен джафарбайцев, итабайцев и ак-атабайцев.

В 20 числах сентября в русских поселках по Гюргенью стали появляться случаи угона скота туркменами, а возле Астрабада, вооруженные берданками и трехлинейными винтовками, туркмены два раза обстреляли казачий раз'езд, ранили двух казаков и заняли укрепление Ак-Кала, откуда открыли сильный огонь по посланному из Астрабада отряду, будто бы стреляя даже разрывными пулями. После двухчасовой бомбардировки Ак-Кала была очищена туркменами. Последние понесли огромные потери людьми, а также имуществом и бежали к морю.

С 25 по 28 сентября из укр. Чатлы в Гумьет-хаум шел отряд, силой в 100 штыков и 150 сабель, с тремя пулеметами и двумя орудиями, сопровождавший обоз и продовольственный транспорт, во время пути два раза подвергался нападению больших скопищ мятежников, вооруженных скорострельными винтовками. В ночь на 1 октября были убиты ротмистр Пожарский и два солдата и ранены два солдата. В течение октября повстанцы йомудов производили часто весьма дерзкие нападения на транспорты и посты. Ими было убито 8 и ранено 2 нижних чинов — в этих стычках туркмены понесли с своей стороны большой урон.

Из русских поселков в долине Гюргеня особенно настойчивым нападениям подвергались поселки Донской и Саратовский, но каждый раз отбивались посельчанами.

В конце октября мятежные скопища появились и в окрестностях Ходжа-Нефеса, склоняя против администрации доселе мирных туркмен приморского района. В то же время они осадили Молоканский поселок в устьях реки Кара-Су и угнали из его окрестностей крестьянский скот.

События, происходившие в районах Атрека и Гюргеня, отразились в октябре и в других местностях Закаспийской области, прилегающих к Персии, вызвав открытое нападение на железнодорожные сооружения и станции и попытки порчи полотна железной дороги, мостов и телеграфа в районе станции Теджен. Произведенная 6 октября попытка вне-

зашного нападения на г. Теджен, своевременно была предупреждена и отбита. Во время перестрелок в рядах правительственных отрядов было убито 3 нижних чинов и тяжело ранен мостовой сторож.

Близ города Серахса при формировании партии поставленных населением рабочих, произведено было нападение с целью отбить эту партию, но нападавшие с жертвами были рассеяны и мобилизованные рабочие проследовали потом в Теджен.

В ноябре месяце мятежная деятельность йомудов в Астрабадской провинции выразилась в тех же формах, что и в октябре. но замечалось скопление их в более крупные отряды, руководимые главарями: Баба-Клычем, Шахи-Ханом Диверджи и Эссен-Ханом.

В первую половину ноября главные силы йомудов находились в западной части Астрабадского района, на побережьи Каспийского моря, где к ним присоединилось большинство приморских джафарбайцев. В этом районе с 4 по 11 ноября йомуды несколько раз пытались учинить разгром рыбных промыслов Лианозовых между поселками Гюмиш-Тепе и Карасу, но были отбиты при участии огня артиллерии и десанта судов Ашур-Динской морской станции.

В середине же ноября большие мятежные группы вновь появились в долине реки Гюргеня, образовав три главные группы: одну—в районе Ак-Кала, другую—близ горы Морава-Тепе и третью—в районе Чатлы. Последней группой 2 ноября был обстрелян шедший из Каракалы в Гумбет-Хаус отряд в составе трех рот и батареи с транспортом из 300 верблюдов и 40 арб.

Мятежники, понеся большой урон, были рассеяны. В этом же районе 25 ноября сопровождавшие обоз из 400 верблюдов и 160 вьючных лошадей 2 роты 2-го Сибирского полка и сотня пограничников по дороге из поста Кизил-Имам на пост Чат были обстреляны йомудами. Был убит один и ранено 18 нижних чинов. Стесненный большим транспортом, отряд отступил в Кара-Кала. Принимая во внимание серьезный оборот восстания туркмен в Астрабадской провинции и в Красноводском уезде, могущий осложнить положение русской власти в северной Персии, а с другой стороны—поднять против правительства и остальную часть Закаспийской области, генерал Куропаткин в начале ноября приказал Сыр-Дарьинскому военному губернатору генерал-лейтенанту Мадридову, составить отряд для решительного подавления туркменского мятежа. Указанный отряд, мощный и значительный в азиатском масштабе, по точному приказу Куропаткина был составлен из 6 батальонов, 15 сотен, 18 орудий и 17 пулеметов, общей силой около 8.000 человек.

Эта, так называемая Гюргенская экспедиция, в составе указанного количества войск и оружия под командой Мадридова была распределена на три отряда: Чикишлярский—под руководством подполковника Дерфельдина, Астрабадский—полковника Габаева и Гюргенский—полковника Стржалковского. Кроме того 2-го ноября отдано было распоряжение об отправлении двух рот при 90 конных разведчиках для охраны аулов Гюмыш-Тепе, Ходжа-Нефес и Кара-Су, отряд должен был высадиться в

Кара-Су и подчиняться полковнику Габаеву. Высадка должна была происходить 9-10 ноября. Сосредоточение всех войск в Чикишляре, Гумбет-Кайбузе и Астрабаде предполагалось закончить к 15 ноября. Руководивший до этого действиями перечисленных отрядов, генерал-майор Волковников назначен был к Мадридову в качестве помощника. Отрядным интендантом был подполковник Мельников, уже находившийся в Чикишлярах. Генералу Мадридову предоставлялось право самому сформировать состав штаба.

Обеспечение отрядов так же было предусмотрено. Распоряжением окружного интенданта для обеспечения всех 3-х отрядов продовольственными припасами и фуражем образовались сверх текущего довольствия запасы в Чикишляре для Чикишлярского отряда, считая в нем и отправляемые один маршевый батальон, 7 Оренбургский казачий полк и легкую батарею на два месяца и для Гюргенского отряда на—1 месяц, в Астрабаде для Астрабадского на один месяц. Сбор этих запасов должен был закончиться к 15 ноября. В Чикишлярском магазине имелось 100 реквизированных юрт с печами.

Артиллерийское снабжение состояло из 400 патронов на винтовку, снарядов по 150 на орудие, ручных гранат образца 1914 года в Астрабадском отряде 320 и в Гюргенском 260 и предполагалась досылка до 500 гранат на каждый из 3 отрядов, т. е. всего до 2080 гранат. В отношении перевозочных средств из Кара-кала в Гумбет первого ноября отправлено было 300 верблюдов и из Кизыл-Арбата отправлялось 500 верблюдов. Из Красноводска и Казанджика приказано было пригнать в Нишляр 600 верблюдов, всего—1400 верблюдов, реквизированных в большинстве у туркмен же для военных действий. Пехотные части были обеспечены вьючным обозом на лошадях. Генералу Мадридову подчинен был находящийся в Гумбете пограничный комиссар полковник Михайлов, при котором ввиде конвоя состояла полсотня второго Семиреченского казачьего полка.

Сосредотачивая эти вооруженные силы в руках генерала Мадридова, приказывая ему самым энергичным образом подавить восстание туркмен, генерал Куропаткин на счет целей карательной экспедиции и порядка ее действия преподал ему следующую инструкцию:

„Цели для действий: а) захватить всех главарей, если они не будут убиты в боевых действиях, б) отобрать все оружие огнестрельное и холодное, в) отобрать всех лошадей, г) отобрать половину всего скота, д) отобрать половину кибиток и е) выставить определенное приказом число рабочих. Общий план действий экспедиции: одновременное движение отрядов с трех сторон с целью окружить ядро их стойбищ между реками Атреком и Гюргенем на севере и юге и дорогой Чикишляр-Астрабад и высотами Кара-Кыр на западе и востоке. Надо сломить самым энергичным образом всякое сопротивление и привести восставших к полной покорности.

Главнейшие основания действий: а) не дробиться на мелкие части, б) доверять действию конных стрелков более в пешем строю, чем

в конном, в) не высылать мелких конных частей, г) после первых разгромов, конным частям, казачьим и стрелковым, открыть широкое поле для действий; казачьим частям придавать конных стрелков для действий в пешем строю и пулеметы, д) йомуды будут беречь своих лошадей от нашего огня и станут обрушиваться большими партиями на обозы и прикрытия их, особенно на мелкие команды, будут обходить наши войска, чтобы ударить на них с тыла, поэтому с движением вперед „база" наших отрядов, дней на 7, должна быть при себе, е) днем и каждую ночь каждый отряд должен ждать нападения со всех сторон: особая бдительность требуется ночью, памятуя нападение йомудов в 1877 году на отряд генерала Головачева под Шангыром, ж) если противник займет „Калы" (глинобитные укрепления), то это для нас благоприятно, но надо штурм подготовлять заботливо, чтобы бреши были достаточны: принимать меры отрезать наступление, иначе йомуды уйдут и з) жестокостей не допускать, строго карая виновных, воевать с мужчинами, а не с женщинами и детьми; не позволять ни под каким предлогом жечь имущество, особенно копны и кибитки.

Порядок сдачи отбитых лошадей, скота и кибиток определить по соглашению с начальником Закаспийской области. Особенно заботливо беречь йомудских лошадей, для чего заранее для них заготовить фураж и приготовить пастухов из киргиз.

Взятых рабочих отправлять не для сторожевой или охранной службы, но на тяжелые работы. Партии организовать как арестантов, пока не заслужат доверие. На каждых 10 человек назначать одного десятского из казаков, а на 100—сотского из урядников; во главе всего эшелона должны быть два офицера; переводчики, писцы, муллы и резник по приказу № 220; чтобы заранее ознакомиться с войсками и местностью и выработать план действий, предлагаю Вам выехать в недельный срок по получении сего предписания. Подписал: генерал-ад'ютант Куропаткин. Скрепил: начальник штаба, генерал-майор Сиверс".

Вся эта инструкция генерала Куропаткина, преподанная Мадридову была выполнена полностью даже с избытком. Дело в том, что цель снаряжения такой мощной военной экспедиции заключалась не только в решительном подавлении Туркменского мятежа, использования имеющегося у этого населения скота и имущества, а заключалась главным образом, в стремлении достигнуть давнишних мечтаний русского правительства окончательнозахватить всю Астрабадскую провинцию, находившуюся частью в пользовании Персии и частью туркмен-йомудов и представлявшую весьма плодородный район.

Еще в начале восстания отряды по Гюргеню и Атреку по мере отступления йомудов с большими жертвами занимали одно за другим места их стойбищ и постройки, где туркмены, наскоро отступая, оставляли не только имущество, но даже частенько свои семьи. Все это разгромлялось. Пункт в приказе Куропаткина о соблюдении осторожности и недопущении жестокостей имел здесь такое же ничтожное значение, как и в Семиречье.

6-го декабря главные силы отряда Мадридова, направленные со стороны Астрабада и Чикишляра, заняли оставленное бежавшими йомудами укрепление Ак-Кала, а затем направились к Гумбет-Хаузу. При приближении правительственных отрядов, мятежные йомуды искали спасения в бегстве, подвергались ожесточенному огню артиллерии и пулеметов и всегда оставляли на поле огромное количество жертв.

Очистив от мятежников всю западную часть Астрабадской провинции, захватив ряд главарей и отобрав при этом до 1000 винтовок, жестоко разгромляя оставшееся имущество туркмен-мятежников, генерал Мадридов направился вслед за бежавшими мятежниками к Морават-Тепе. В то-же время к Морава-Тепе направлен был с севера из Кара-Кала отряд силой в 2 роты и 1 сотню, который преодолевая упорное сопротивление йомудов, потеряв убитыми 8 и ранеными 11 нижних чинов, занял перевал через трудно доступный по крутизне хребет Сенгерин-Дах. Отошедшие йомуды закрепились на следующем хребте Кара-Баир-Дах. Однако приближение главных сил генерала Мадридова к Морава-Тепе с юга заставило йомудов отойти и с последнего хребта, очистив путь каракалинскому отряду.

Стиснутая отрядами Мадридова с севера и юга, главная масса мятежников бросилась на запад, но здесь, настигнутая преследовавшими их карательными войсками, в боях 28-31 декабря, в районе восточной линии Чат-Яглы-Олум, была разгромлена, положив тысячи людей. Главные вожаки мятежных племен были захвачены, а оставшиеся сами явились с повинной, прося о пощаде.

За время экспедиции генерала Мадридова в течение декабря потери его отрядов выразились следующими цифрами: убито было 2 офицера и 30 нижних чинов, ранено 28 нижних чинов и без вести пропало 2 нижних чина. Всего, по свидетельству Куропаткина, за время йомудского мятежа убито 2 офицера и 59 нижних чинов, ранено тоже 2 офицера и 59 чинов и без вести пропало 3 нижних чина. Сверх того убит один телеграфный чиновник.

Потери среди русских поселенцев по указанию того же Куропаткина были ничтожны. Материальный ущерб в его отчете определяется приблизительно в 300.000 рублей.

Но зато туркмены-кочевники, поднявшие мятеж, неся большие жертвы при своем отступлении, оставляя на полное разгромление, то что не успевали захватить, в конце концов стиснутые со всех сторон в районе линии Чат-Яглы-Олум были совершенно разгромлены. Таким образом все то, что указывалось в инструкции генерала Куропаткина, было приведено в исполнение.

Еще в первом своем донесении после некоторой энергичной чистки в Астрабадской провинций генерал Мадридов доносил, что было отобрано у мятежников: винтовок—3.200 шт., лошадей—780, верблюдов 4.800, баранов—75.000, рогатого скота—2.500, юрт—500.

Карательным отрядам пришлось действовать на большей части территории Персидской Астрабадской провинции, в части занятой в целях

охранения пограничных местностей и представляющей нейтральную зону между зимовыми кочевьями туркмен и оседлым персидским населением. Здесь персидской власти совершенно не чувствовалось. На этом основании эта полоса занята была русскими частями.

Вся занятая карательными отрядами территория в Астрабадской провинции в большинстве находилась в пользовании туркмен йомудов и отчасти гокланов. Только в западной ее части, в предгорьях Эльбурского хребта, имелись персидские селения с оседлым населением, тоже нуждавшиеся в охране от туркмен. Всего занятая территория составляла около 20 тыс. кв. верст.

Мы в начале указывали на глубокую цель, преследовавшуюся царским правительством при подавлении восстания йомудов и продвижении такой большой военной силы в Астрабадскую провинцию,—на желание царской администрации воспользоваться усмирением повстанцев для колонизации полностью Астрабадской провинции и в первую очередь с целью отобрать все удобные земли у туркмен. По этому поводу в одной из своих инструкций Мадридову генерал Куропаткин писал следующее:

„Ввиду полной неопределенности земельных прав в этой местности, многие русские предприниматели, в том числе и должностные лица, заключили с разными туземцами сделки, частью фиктивные на продажу или аренду значительных участков земли и начали привлекать на эти земли во вред русским интересам персидских рабочих. С этим видом землевладения необходимо бороться. 35-ти летний опыт оставления русско-подданных туркмен йомудов двухданниками, при условии пребывания их часть года на персидской территории, не дал надежных результатов. Пользуясь территорией двух государств туркмены йомуды являлись ненадежным элементом, всегда готовым к смуте. Поэтому необходимо, чтобы вся территория, которою они владеют издавна, тоже стала русской. Великая Россия не может терпеть, чтобы безнаказанно нападали и грабили русские населения, брали в плен, убивали, уродовали русских воинов и нападали на русские пограничные посты. Поэтому, при слабости персидского правительства занятие нашими войсками указанной выше территории, неизбежно получит постоянный характер.

В государственных интересах,—читаем мы дальше,—важно использовать богатейшие земли бассейна реки Гюрген и северных скатов Эльбурского хребта в целях заселения их русскими людьми, особенно нижними чинами, отличившимися на войне.

Куропаткин был также противником образования крупных частновладельческих хозяйств на указанной территории, преследовавших исключительно свои личные интересы: и он предпочитал планомерную колонизацию крестьянами-переселенцами с подчинением интересов поселенцев целям и требованиям царского империализма в отношении Персии. Подробно о колонизационных работах в Астрабадских провинциях и по Гюргеню, Атреку, в части Красноводского уезда, мы поговорим особо.

Кроме Красноводско-Астрабадских туркмен подняли волнения и недовольство туркмены йомуды в пределах Хивинского ханства. Куропаткин склонил хивинского хана согласиться на назначение специального комиссара при последнем и принятие более радикальных мер в отношении неспокойных йомудов в хивинском ханстве.

По Аму-Дарьинской области.

Некоторые волнения наблюдались в Чимбайском районе, где население отказалось давать рабочих и даже наблюдали признаки желания населения выступить открыто против администрации. Последняя приняла меры по раз'яснению и агитации для улажения недоразумения. Потом командирован был из Ташкента специальный военный отряд и туземцы, ввиду присутствия военной силы, а также слыша о неудачах восстания в других районах Туркестана, успокоились и выразили согласие давать рабочих. Если бы администрация не подошла более умело к населению и не раз'яснила перед населением в более положительном виде цели набора рабочих, то и здесь имели бы место, несомненно, довольно крупные беспорядки.

ЧАСТЬ II.

VI. Основные экономические и политические причины восстания туземцев Средней Азии в 1916 году.

Если с точки зрения ознакомления с революционным движением среди туземного населения Туркестана события 1916 года представляют сами по себе большой интерес, то изучение основных побудительных причин указанного восстания должно больше занимать наше внимание. Поэтому, при изложении этих основных причин, нам придется остановиться на них подробнее, чтобы во всем об'еме ясно представить себе основания недовольства туземных народных масс, поднявших восстание.

Так как в 1916 году исполнилось почти полустолетие владычества царизма в Туркестане, то излагаемые нами основные причины должны полностью охватить именно итоги деятельности за указанный период царской власти в Туркестане.

Набор на тыловые работы фронта туземных рабочих, как мы указывали в начале, послужил лишь поводом к восстанию туземцев Туркестана в 1916 году, а не основной причиной указанного восстания.

Самый факт мобилизации туземных рабочих из бывших инородцев, и при том без надлежащей к тому подготовки, являлся просто на просто одним из эпизодов в обычной провокационно-угнетательской деятельности царизма на окраинах. Один этот случай не мог еще вызвать, сам по себе, такое серьезное, по своему политическому значению, восстание населения.

Главнейшие же причины, толкнувшие туземное население Туркестана на это восстание против царской колониальной деспотии, конечно, имели гораздо более серьезные основания. Последние заключались именно в тех **глубоких, экономического и политического характера, противоречиях, которые создались в результате безудержной колониальной эксплоатации царизмом Туркестана в течении 50 лет своего владычества, когда туземное население, доведенное до крайности к тому времени, не имело другого выхода как массовое выступление против администрации и нестерпимого гнета.**

На ускорение восстания туземного населения так-же не могло не оказать влияния и общее неустойчивое состояние самой России, возникшее с мировой империалистической войной. Восстание туземцев Туркестана в 1916 году произошло на третий год после начала этой мировой империалистической войны, когда уже начали проявляться признаки ос-

лабления экономической и политической мощи России, а внутри ее чувствовались признаки грядущей революции. На фоне быстро менявшихся соотношений классовых сил и нарастания революционной бури, так же происходили уже большие изменения в соотношениях между метрополией и подчиненными ей окраинами. В народных массах „инородцев“ глухо постепенно нарождалась надежда, воспользовавшись благоприятной ситуацией после мировой войны, наконец, скинуть гнет царской колониальной власти. Ввиду увода, например, из Туркестана большей части колониальных войск на театре военных действий, эта возможность становилась более достижимой.

Как бы там ни было, но в общем тогдашнее неустойчивое состояние в положении самой России оказало заметное влияние в смысле ускорения развязки тех исторических событий, которые разыгрались в жизни туземного населения Туркестана в 1916 году.

В составе бывшей Российской Империи—этой „тюрьмы народов“ Туркестан является той окраиной, которая больше, чем остальные, оказалась отсталой в культурном отношении и запечатлела на себе отпечаток специфических признаков колониальной зависимости. В захватническом движении царской России „за Урал“ Туркестан привлекал больше внимания царской администрации, прежде всего, как военно-стратегическая база, утвердившись на которой твердой ногой, можно было бы соперничать с Англией на Востоке и исполнить заветную мечту русских царей еще со времен Петра Великого о „завладении“ богатейшей Индией, а с другой стороны—сам по себе, Туркестан представлял довольно обширный об'ект эксплоатации, рынок сбыта продуктов и источник сырья, а также и для земельной колонизации. В промышленном отношении колонизируемые окраины представляли тогда для России **источник легкой наживы для развивавшегося отечественного капитализма, а в земельно-колонизационном отношении—возможность переселения из районов крестьянских волнений переселенцев для умерения у себя все более увеличивавшихся аграрных беспорядков.**

Еще в 1910 году на заседании Государственной Думы (16-17 марта) после доклада главноуправляющего Землеустройством и Земледелием статс-секретаря Кривошеина, выступал член Государственной Думы Трегубов (правый октябрист Киев. губ.), высказавший довольно ясно смысл переселения и колонизации за Урал. Вот что он сказал:

„По моему мнению, переселением преследуется три цели. Первая цель—это дать возможность нашим крестьянам, не имеющим возможности укрепиться благодаря земельной тесноте в центральной России, осесть на богатых и свободных землях в Сибири. Что касается взглядов на переселение, как на средство разряжения населения, то этот взгляд справедлив лишь отчасти: можно ли говорить о разряжении населения, если годовой прирост населения в России равен 2.500.000 человек, а максимальная цифра переселения равняется 700—800 тысяч человек... Другая цель—это эксплоатация громадных богатых земель, принадлежащих государству и находящихся в Сибири. Третья и самая важная

цель—это укрепление за Россией наших богатых окраин. Движение народов с Востока на Запад считалось явлением естественным и неизбежным. Тем чаще повторялось оно, чем меньше на своем пути оно встречало препятствий. И вот, мне кажется, что всякий, кому важны интересы государства, должен стремиться к тому, чтобы на нашем Ближнем и Дальнем Востоке создать ту стену, которая являлась бы преградой для движения наших желтолицых соседей. И вот такую-то миссию и исполняют наши крестьяне. Если движение народа с Востока на Запад называется явлением естественным, то я смею сказать, что и обратное движение русского народа с Запада на Восток считается таким же естественным явлением. Не оказывается ли в этом движении тот великий гений русского народа, который подсказывает ему итти туда, где грозит опасность для государства, и все те, повторяю, кому дороги интересы государства, должны всемерно способствовать не уменьшению населения, а созданию крепких хозяйств на Дальнем и Ближнем нашем Востоке" (голоса справа: браво!) *).

Мало того, на том же заседании Госуд. Думы, не ограничивались одними задачами колонизации, а связывали эти задачи с другими целями, вроде миссионерства, захвата в руки школ инородцев и т. д. Так, например, тот же Трегубов на том же заседании Гос. Думы совершенно ясно высказал по этому поводу следующее:

„Укажу хотя на такой возмутительный факт: благодаря непонятным стараниям одного их высших администраторов, пятимиллионный киргизский народ был присоединен или обращен в мусульманство, и для утверждения среди киргиз мусульманства были посылаемы туда муллы из татар. Явление в высшей степени прискорбное: в русском государстве, в русском православном государстве (голоса справа: браво!) русский чиновник является проповедником мусульманских идей, и в один день благодаря неразумному его деянию, мусульманский мир получает пять мил. людей (голоса справа: браво!). Кроме сказанного есть и другие в высшей степени прискорбные явления: есть у нас.... (голос слева: о свободе совести). Тут свобода совести не при чем: здесь было насилие над свободой совести, потому, что люди, не принадлежавшие к магометанству, силой чиновника были обращены в мусульманство (справа рукоплескания и голоса: браво!), и их заставили принести присягу на коране".

В одном из отчетов Переселенческого Управления **) мысли о движении на Восток формулированы были следующим образом:

„Освобождение крестьян, неурожаи начала 90-х годов, сооружение Великого Сибирского рельсового пути, открытие для переселения земель Кабинета Его Величества на Алтае, политические события на Дальнем Востоке, начавшиеся Китайским походом и завершившиеся Японской войной, аграрные волнения последних дней, развитие земле-

*) „Вопрос колонизации" стр. 487.
**) там же стр. 230, № 10.

устроительных работ в европейской России, решительное проведение в жизнь начал единоличной земельной собственности—все это в той или иной степени влияло на движение русского народа на Восток. Во время кризисов, движение русского люда на Восток, по выражению одного из исследователей переселения в Сибирь „предотвращало бедствие и катастрофы, открывая во время клапан жизни“.

-Ездивший в 1912 году в Туркестанский край главноуправляющий землеустройством и земледелием в своем отчете о поездке, в дополнение к вышесказанным мыслям, так определил полезные стороны Туркестана для России:

„Предприняв в марте—апреле текущего года поездку в Туркестан, в виду краткости бывшего в моем распоряжении времени, заранее и намеренно ограничил задачу этой поездки одной целью: лично, на месте присмотреться к условиям возможного расширения Туркестанского хлопководства. Вопрос этот является для края; по вынесенному теперь мною твердому убеждению, действительно центральным, и в нем ни одна, а три основных грани. Если на одной из этих граней, ярче всего теперь освещенной перед русским общественным мнением, стоит надпись „хлопок“, то на другой начертано: „орошение“, а на третьей, пока еще затаенной, но быть может важнейшей—„русское заселение“. Внутренняя неразрывная связь этих вопросов вполне выяснилась для меня на месте. Только я и ограничиваю изложение настоящей записки“.

Вот свидетельство виднейших представителей царской администрации о задачах и целях, которые преследовались колонизационной деятельностью царизма на Востоке. В этом отношении замечательно метко определял сущность статьи по аграрному вопросу кадетской и других партий, а так же точку зрения Кауфмана. Вот что писал Ленин тогда:

„Но эти верные рассуждения либерального г-на Кауфмана заключают в себе тем не менее одну крайнюю существенную ошибку“. Г. Кауфман рассуждает так: „При данном подборе переселенцев, при данной степени их благосостояния, при данном их культурном уровне (назв. соч. стр. 129) земель для удовлетворения нужд русских крестьян переселением безусловно не достаточно. Следовательно,—заключает он защиту кадетской аграрной программы,—необходимо принудительное отчуждение частно-владельческих земель европейской России“.

„Это обычное либеральное и либерально-народническое рассуждение наших экономистов. Строится оно так, что из него, получается вывод: будь достаточное количество пригодных для переселения земель можно бы было и не трогать крепостнических латифундий. У г. г. кадетов и им подобных политиков, насквозь проникнутых точкой зрения благожелательного чиновника, есть претензии стать над классами, подняться выше классовой борьбы. Не потому надо уничтожить крепостнические латифундии, что они означают крепостническую эксплоатацию миллионов местного населения, кабалу его и задержку в развитии производительных сил, а потому, что нельзя сейчас сплавить миллионы семей куда-нибудь в Сибирь или Туркестан. Не на крепостнически-клас-

совый характер русских латифундий переносится центр тяжести, а на возможность примирения классов, удовлетворение мужика без обиды помещика, одним словом, на возможность пресловутого „социального мира“.

... Эти многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России „ожидают“ не только орошения и всякого рода мелиорации: они „ожидают“ также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве. („Аграрный вопрос“. Соб. соч. том XIX В. Ленин).

Далее Владимир Ильич критиковал также в статье „Класс и партии по прениям во второй Думе об аграрном вопросе“, выступавших тогда в Думе „националов“, указывая, на непонимание ими сущности русского аграрного вопроса, а также одностороннюю и национально-буржуазную подкладку их требований.

Но тем не менее, за полустолетие своего господства в Туркестане царская власть почти достигла поставленных перед собой целей.

В смысле беспощадной эксплоатации Туркестана царская Россия не отступала от других колониальных великих держав, но разница заключалась в том, что эта эксплоатация царской власти носила гораздо более грубый и неприкрытый характер. За это полустолетие владычества в Туркестане царская Россия не сумела даже развить сколько-нибудь заметно местной промышленности, за исключением постройки Средне-Азиатской и Ташкентской железных дорог да некоторой промышленности по обработке продуктов хлопководства и по горному делу. В культурном же отношении проводилась система всемерного поддержания народов Туркестана в первобытном состоянии и всяческого упрочнения позиции феодально-патриархальных элементов.

В данном случае, не задаваясь целью подробного освещения всего того, что проделала царская власть с самого начала своего завоевания в Туркестане, мы осветим главным образом итоги деятельности царизма к моменту восстания туземного населения Туркестана в 1916 году.

Угнетательская деятельность царизма в Туркестане в его кочевых и оседлых районах, а также в Туркменской (Закаспийской) области имели довольно разный характер. Поэтому эти итоги необходимо осветить именно в отдельности по этим основным категориям населения.

А. В кочевых и полукочевых районах.

В кочевых и полукочевых районах Туркестана (Семиреченская и Сыр-Дарьинская области, части Ферганской и Туркменской) заселенных, главным образом, киргизским населением, царизм проявил свою деятельность, как мы выше упоминали, **по линии земельной колонизации.**

Начало крестьянской колонизации Туркестана относится к 1874 году, когда по пути в Семиречье впервые осели переселенцы и обра-

зовьям поселки (Аулие-Атинский, Чимкентский и другие уезды). В последующие годы волна организованного и неорганизованного (самовольного) переселенчества быстро возрастала.

Общее число образованных за 21 год (с 1874 года, когда возникло первое русское селение, до 1906 года) стараниями туркестанской администрации русских число поселков достигло 65. Наибольшее количество их оказалось в Сыр-Дарьинской области, куда, как изложено выше, направлялись главные массы переселенцев, за указанный период образовалось поселков: в Чимкентском уезде 18, Аулие-Атинском 25. Перовском 4, Ташкентском 11. Водворилось в этих поселках около 3.500 семей. В Ферганской области устроено 7 поселков, по одному в Скобелевском и Наманганском уезде, 2 в Ошском и 3 в Андижанском. Поселилось в них до 650 семей. Наконец, в Самаркандской области администрация создала 2 поселка: один на 180 дворов в Ходженском уезде и один на 100 дворов в Катта-Курганском уезде (см. „Переселенческое дело в Туркестанском крае" стр. 12). Кроме того в Голодной степи тогда было около 9 поселков с 680 дворами. Таким образом **всего к 1906 году в Туркестане было 74 русских селений, в которых устроилось до 4800 семей.**

Теперь, прежде чем перейти к определению итогов колонизационной деятельности переселенческого управления в 1916 году, необходимо предварительно очертить самую характеристику земель вообще в Туркестане по его хозяйственной ценности и его распределение среди населения.

Вся территория Туркестана без Хивы и Бухары равняется 1.460.700 кв. верст или 152,3 мил. десятин. Из этого числа десятин занимают пески 50% или 76,15 мил. дес., глинистая почва 35% или 52,31 мил. десятин.

По хозяйственной ценности указанные 152.300.000 десятин распределяются так:

1. Обрабатываемой земли	3.286.331 д.	—2,35%
2. Пастбища (горные и степи)	64.000.000 д.	—42,4%
3. Леса	6.000.000 д.	—3,85%
4. Негодная площадь	79. 000.000 д.	—51,4%

Отсюда ясно, что из всей площади земли пригодной для хозяйственных целей и эксплоатации приходится лишь только 48,6 проц.

На этих 48,6% площади края, на которой можно обитать, жило по довоенным данным приблизительно 7½ мил. чел., какое количество населения после гражданской войны и революции несколько сократилось. В составе всей обрабатываемой для сельско-хозяйственных целей площади земель к 1915 году, в 3,3 мил. десятин на искусственно орошаемую приходилось 2.335.389 или 78%. Отсюда видно, что 3,4 всей экономики Туркестана зависит от воды. Количество выпадаемых осадков не достаточно и меньше в 2,9 раз, чем испаряется. Поэтому этот недостаток осадков пополняется издавна искусственным орошением, которое и обусловило хозяйство Туркестана как поливное, где от водного вопроса за-

висит и скотоводческое хозяйство. Отсюда можно сделать тот важный вывод, что экономически крепче господствуют там свои населения, которые обладают орошаемой, почти единственной годной к земледельческой культуре, площадью земель.

И вот, рассматривая характер распределения земель среди населения Туркестана, приходится вынести заключение, что к 1916 году русское переселенческое крестьянство обладало большей частью поливной землей и поэтому господствовало среди коренного населения. Вышеуказанное положение подтверждается следующими фактическими данными

К 1916 году в распоряжении русских поселков и станиц количеством до 941 селений в Туркестане числилось 1.900.000 десятин или 57,6 проц. обрабатываемой площади. Говоря другими словами на каждого живущего в Туркестане русского приходилось 3,17 десятин обрабатываемой земли, а на каждого коренного жителя (узбека, киргиза, таджика и туркмена) только 0,21 дес., т. е. в 15 раз меньше по сравнению с русскими. Таким образом при остром безземелии вообще, 94 проц. коренного населения владели только 42,4 проц. всей обрабатываемой площади, а остальные 57,6 проц. приходилось на русских переселенцев.

По 5 областям в отдельности мы имеем следующие данные о колонизации русскими переселенцами Туркестана в 1915 году.

Джетысуйская область.

Число поселков и станиц . .	600.
Занято под посевы крестьян и казаков	1.200.000 дес.

Сыр-Дарьинская область.

Число поселков	260.
Занято ими .	607.000 дес.

Ферганская область.

Число поселков	50.
Занято ими	75.000 дес.

Самаркандская область.

Число поселков .	3.
Занято ими земель	3.500 дес.

Туркменская область.

Число поселков . .	28.
Занято ими земель . .	7.000 дес.

Сильнее колонизированной оказалась Джетысуйская (Семиреченская область), где изъято было из ведения кочевого населения 4.193.520 дес. Из них находилось во владении:

Казачьих станиц .	667.000 дес.
Рус. сторожил. поселк.	232.000
Рус. новоселов. . . .	1.277.000
Казен. земли (леса, дачи и проч.).	1.750.000
Городских земель	37.000

Вот то количество земель, которое из'ято было переселенческим управлением по Туркестанскому краю в 1915 году и передано казачьему и переселенческому крестьянству, а также в государственный фонд. Конечно, царская власть вовсе не думала ограничиться размером, из'ятых уже удобных земель из пользования коренного населения Туркестана, а имело предположение продолжать дальше эту деятельность, совершенно не интересуясь тем, чем в конце концов, после из'ятия основной базы существования — земли у туземного населения, последнее будет существовать. К этому грозному вопросу царская администрация относилась совершенно безразлично, а внутренне желала, наоборот, поставить туземное население постепенно в такие рамки экономического и политического развития, чтобы свести его на нет и по возможности истребить. В докладной записке того же Главного Управляющего Землеустройством и Земледелием по поездке в Туркестан в 1912 году мы имеем такой вывод относительно возможности из'ятия еще излишков из ведения туземного населения Туркестана помимо того количества земель, которое уже из'ято было до 1912 года. Он писал по этому поводу следующее:

„По предварительным подсчетам будущий земельний запас в районах кочевого населения может быть весьма значительным: в обследованных уже уездах — семь миллионов десятин, а по всему краю, примерно, — до двадцати шести миллионов десятин. Окончательно этот запас определится только после завершения подробного статистического обследования туземных хозяйств. При том сюда входят земли, могущие быть орошаемыми, да „ватные земли", в Самаркандской области и предгорья Ферганы, где обеспечено богарное хозяйство: в одном Андижанском уезде освободится не менее 400.000 дес., найдутся и другие ценные земли".

Что же касается самих качеств земель, отводимых в наделы переселенцам, то имелось ввиду отведение первым долгом земель орошаемых. В начальный период колонизации богарные посевы, т. е. посевы, расчитанные на атмосферную влагу, были еще мало распространены и к ним переселенцы относились скептически, поэтому они в рамках законного надела старались захватить главным образом, поливные земли. В 1869 году, по утвержденному Туркестанским генерал-губернатором руководству, душевой надел крестьянам-переселенцам определялся в 30 дес. земли, землепользование устанавливалось общинное, при чем переселенцы на 15 лет освобождались от всех податей и повинностей в том числе и от рекрутского набора: кроме того им предпологалось выдавать ссуды на обзаведение. Впоследствии, когда многие переселенцы уже устроились на основе вышеуказанного положения, эти первоначальные льготы были урезаны с ограничением душевых наделов до 10 дес.

В данном случае не безинтересно будет, привести характеристику экономического состояния переселенцев и киргиз, нормы землепользования и характер построения самих переселенческих хозяйств. Для этого придется пользоваться данными за разные периоды.

По Сыр-Дарьинской области в „Материалах по обследованию переселенческого хозяйства Турк. края—II. Русские селения в Чимкент. уезде, Сыр-Дарьинской области Т. А. Скрыплева“ по 18 поселкам обследованным в 1906 году на одно хозяйство приходилось десятин: усадьбы 1,35, пашни—8,39, в том числе поливной—7,76, покосы—1,90, в том числе поливного—0,12, всей удобной—47,96, в том числе поливной—9,40.

Помимо этого количества земель на случай появления саранчи и всяких бедствий были из'яты из пользования киргиз богарные земли, близко находящиеся от селений Петропавловского и Георгиевского и также отданы в пользование крестьянам. С прибавлением этой земли по всем указанным поселкам на одно хозяйство приходилось уже 43,13 удобной земли. Из 1176 наличных хозяйств в русских селениях Чимкентского уезда прибегало к аренде земель 768 хозяйств, т. е. 65,3 проц. общего числа. При чем из всей этой аренды на долю аренды у киргиз приходится 87,4 проц. всей пашни и 73,9 проц. всего покоса (тоже по материалам Т. А. Скрыплева).

Крестьянские поселки Чимкентского уезда прибегали к аренде главным образом не потому, что в них ощущался недостаток в земельной площади, а потому, что арендовать за бесценок земли у киргиз было выгоднее, при том земли целинные, тогда как на своих землях требовалась более тщательная обработка. Поэтому крестьяне, не интересуясь улучшением обработки своей земли, искали каждый год путем аренды и т. д. целинные земли, что показывает хищническую постановку крестьянского хозяйства. С другой стороны в аренду киргизы сдавали иногда вынуждаемые недостатком средств и отсутствием земледельческих орудий. При чем имеющие элементы киргиз частенько сдавали земли за счет киргизской бедноты в целях наживы, ибо киргизский бедняк не всегда мог найти защиту перед судом или администрацией и (киргизской и русской).

По числу скота (рабочего и племенного) по тем же поселкам Чимкентского уезда на один двор приходится 26,42 всего количества в среднем. В переводе на единицу крупного скота на один двор приходится 11,5 голов скота. Меньше всего скота держат крестьяне в Петропавловском поселке (7,4 голов на двор) и больше всего в Дорофеевке (16,5 голов на двор).

Что же касается занятия промыслами, то в отчете по обследованию поселков Чимкентского уезда тот же Т. А. Скрыплев (стр. 93) пишет следующее: „Можно даже сказать, что поливное хозяйство переселенцев настолько значительно, что в семье не хватает своих рабочих рук, и крестьяне в широких довольно размерах прибегают к наему батраков и к приобретению сельско-хозяйственных машин“.

А вот перед нами „Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Турк. крае—I. Опыт определения нормы надела переселенцев по данным исследованиям селений Черняевского, Кауфманского и Константиновского Ташкентского уезда“ агронома В. И. Юферова. Последний также относительно характера заселявшихся переселенцами земель

пишет следующее (стр. 4): „При отводе земель обращалось главное внимание на поливные земли, так как предполагалось, что только они и будут пригодны для возделывания на них хлебов; неполивные же ценились лишь как пастбище для скота, поэтому только орошенные площади нарезались в определенном количестве, неполивная же степь, как угодье считавшееся близким к неудобным землям, отводилась так, как это допускал земельный простор. По этой причине встречается такая, например, разница в размерах наделов: в п. Духовском и Голодной Степи земельный надел равняется 10 десятинам на двор, в русских поселках Чимкентского уезда он колеблется около 20-ти десятин, а в Ташкентском—в п. Константиновском—38,1 десят. и Черняевском достигает даже 60,0 десят.“.

Потому же В. П. Юферову в каждом из обследованных селений на один надел приходится следующее количество удобной площади: в пос. Константиновском 38,1 дес., в Черняевском 60,0 дес., Кауфманском 31,0 дес. „Отведенные поселком земли были прежде в пользовании киргиз: и часть площади перешла к крестьянам уже орошенной“. Из этой же таблички можно видеть, что некоторые крупные хозяйства одновременно с арендой чужих сдают часть своих земель. Об'ясняется это повидимому, тем обстоятельством: находят выгодным заниматься посевами хлебов на богарных землях, а не на поливных отведенных им в надел, за которыми нужен все таки некоторый уход (по Юферову). Вот некоторые характерные данные по землепользованию и хозяйству вообще переселенческого крестьянства Сыр-Дарьинской области.

Колонизационная деятельность царской России, развилась как мы уже видели из перечисленных в начале цифровых итогов распределения земель в 1915 году, больше всего по Джетысуйской (Семиреченской) области. Эта область, по своим сравнительно умеренным климатическим условиям и некоторой сходственности качеств почвенного покрова территории ее с губерниями южной части России, а также заселенности переселенческим казачеством (игравшим роль военно-охранной силы царской администрации), естественно, привлекала внимание переселенцев-крестьян в первую очередь. С другой стороны, указанная область, как заселенная преимущественно киргизами, являлась типичной киргизской областью, где рельефнее всего выражены особенности жизни киргизского населения, его хозяйственный уклад и быт. Ожесточенность характера колонизации киргиз в Джетысуйской области, ее резкая подверженность колонизации и ее типичность, как чисто киргизской области—делает особенно интересным изучение восстания в этой области и его причин.

В цифровом отношении мы указали, сколько было изъято земли у киргиз в Джутысуйской области и как эта земля распределена, но в данном случае необходимо привести ряд характерных данных, анализирующих внутреннее взаимоотношение отдельных социальных экономических групп, как в среде крестьянского, казачьего, так и киргизского населения области.

По данным статистики 1901 года в области из всего количества населения 84,4% приходилось на киргиз—аборигенов страны; после киргиз вторыми по численности идут казачьи и крестьянские переселенцы и третье место занимают оседлые туземцы, главным образом таранчинцы и дунганы, прибывшие из пределов Китая в виду притеснения китайских властей еще в 80 года. Первыми переселенцами Джетысуйской области были главным образом казаки из Сибирского казачьего войска, водворенные в области еще в 1847 году и частью из перечисленных в казаки из крестьян-переселенцев. Крестьяне-переселенцы начали водворяться в области с 1868 года по инициативе первого губернатора области Г. А. Колпаковского, ставившего цель открыто (как он выражался) „обрусения области и развития в ней хозяйства". Казаки, как ранее заселенные и долженствующие играть роль военной охраны наделены были лучшей землей и в большем размере, эксплоатацию которых они вели чисто хищническим путем. Об этом вынуждены даже открыто свидетельствовать видные чины самой царской власти. Вот что читаем мы в этом отношении у В. П. Семенова-Тяньшанского „том 19 Туркестанский край" (стр. 321):

„Казачьему населению, принудительно населенному в крае и состоявшему к тому же, из худших элементов, выделенных сибирским войском, были отведены, нередко даже орошаемые, киргизские земли, без достаточного внимания к правам и нуждам киргизов и даже без составления в пользовании последних скотопрогонных дорог. Условия эти не могли не привести к постоянным столкновениям между казаками и киргизами и к систематическим притеснениям последних, что не могло не отражаться самым вредным образом на развитии края и его производительности. Обширные земельные наделы, полученные казаками, скоро были запущены, и хозяйство их в большинстве случаев сводилось не к занятию личным трудом земледелия, а к эксплоатации в той или иной форме киргизского населения... К неблагоприятным последствиям казачьей колонизации Семиречья следует отнести также и истребление лесной растительности во всех более или менее доступных местностях: предгорье и долины, прилегающие к станицам, были в короткий срок вследствии неразумного хозяйничания казаков, оголены от леса настолько, что уже в конце 60-х годов лес приходилось добывать из труднодоступных ущелий".

Из отчета же О. А. Шкапского по командировке осенью 1904 года в Семиреченскую область „Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области" (стр. 22), видно, что „более всего земли отведено казакам—в среднем по области 30,5 десятины всего и 21,1 дес. удобной на мужскую душу (по исчислению) за 1902 год, при колебаниях в 17,9 десятины всей земли и 16,1 дес. удобной (в Верненском уезде) и 57,8 дес. всей земли и 30,2 дес. удобной земли на душу (в Лепсинском уезде)". Этот размер надела, конечно, является наивысшим в Семиреченской области и его сравнить с наделами киргиз и даже переселенцев крестьян не приходится. Относительно наделов таранчей и дунган

О. А. Шкапский пишет следующее (стр. 28): „В то время, как казаки имеют на двор 87,6 десятины земли, крестьяне—32,4 дес., таранчи и дунганы получили лишь по 12,8 десятин, при чем минимальный размер имеют таранчи и дунгане в Верненском и Джаркентском уездах и Ильинской долине т. е., те, которые переселились в область после возвращения Кульджи Китаю".

Деятели переселенческого управления времен начала усиленной крестьянской колонизации Семиречья в общем и целом придерживались той точки зрения, что более устойчивыми и прогрессивными по своему хозяйственному укладу и способностям являются переселенцы-крестьяне, а не казаки: поэтому старались больше освещать вредность „разбалования" казаков и необходимость усиленной крестьянской колонизации.

Член Государственной Думы А. Т. Тригубов (тот самый, выдержку из речи которого в Гос. Думе приводили мы раньше) в отчете по своей поездке летом 1909 года в Семиречье „Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях" (стр. 70) указывает, что казаки Семиреченской области количеством 17.000 душ обладали богатейшими и плодороднейшими наделами земли размером в 585.000 десятин, из которой одной удобной насчитывается свыше 409.000 десятин. Далее говорится, что казачество для окончательного землеустройства претендует еще на прирезку им 250.000 дес. В то же время „Туркестанский генерал-губернатор препятствует образованию переселенческих участков вблизи казачьих наделов в предвидении могущих понадобиться казакам прирезок. Опять русские крестьяне и интересы колонизации края отодвигаются и только для того, чтобы в Семиречье,—этом золотом дне для хлебопашества дать казакам наделы по 30 дес. на мужскую душу, да еще 10 дес. в запас, как будто здесь какие-то особо трудные условия жизни, как на Дальнем Востоке" Конечно, впоследствии, точка зрения Переселенческого Управления взяла верх и в дальнейшем максимум внимания уделялось, главным образом, крестьянской колонизации Семиречья. В среднем, по исчислению О. А. Шкапского в крестьянском хозяйстве приходилось на мужскую душу 7,7 дес., земли и 6,8 дес. удобной. Более всего обеспечены были землей крестьяне в Пржевальском уезде, имея 9,2 дес. всей земли и 8,4 дес. удобной на душу, а менее всего имели земли крестьяне Пишпекского уезда: 6,7 дес. всей земли и 5,9 дес. удобной на мужскую душу. Но, как мы видели из характеристики ведения хозяйства (хищнического) казаками, что определять мощность хозяйства только по размерам землевладения не приходится, а нужно привести характеристику размера запашек. Размер запашек у отдельных групп населения складывается следующим образом (по О. А. Шкапскому): у казаков на один двор приходится запашек 6,1 дес., у крестьян на один двор 9,9 дес., у таранчей и дунган—3,8 дес., у киргиз—1,4 дес. По скоту на один двор получается: у казаков—8,8, у крестьян 17,9, у таранчей и дунган—4,1 и у киргиз 12,4. Это исчисляется из расчета за голову крупного скота 10 голов мелкого (по отчету К. П. Кауфмана и относящимся к 70 годам).

С этого момента к 1902 году уже О. А. Шкапский установил уменьшение количества скота на одну кибитку в киргизском хозяйстве по Семиреченской области на 35,9% в среднем. А увеличение площади посевов у киргиз, несмотря на систематическое отнятие у них земель переселенческими управлениями, одновременно прогрессировало. Так по данным обзора Семиреченской области киргизами в 1882 году было произведено посевов 65.459 четвертей, а в 1902 году цифра эта выросла до 233.514.

Сравнивая размеры наделов переселенцев в Сыр-Дарьинской области и переселенцев в Семиреченской области Шкапский в своем отчете (стр. 54-55) приходит к заключению, что в Семиреченской области на один двор в среднем приходилось ко времени его обследования земли удобной 29,7 дес., запашки 10,5 дес. и скота (с переводом мелкого на крупный в расчете 5 голов за голову крупного)—18,3. А в Сыр-Дарьинской области приходилось на один двор в среднем земель орошаемых и богарных, конечно, меньше. как об этом мы уже по Сыр-Дарьинской области указывали. Приводя эти данные, Шкапский пишет: „Если при наличности таких условий А. А. Кауфман признает положение русских поселков Ташкентского Аулие-Атинского района „весьма удовлетворительным, если не сказать не блестяще“, то положение Семиреченских крестьян должно быть названо выше блестящего.

В Джетысуйской области характерным моментом в колонизационном вопросе являются вопросы об арендах земель и о самовольных захватах земель переселенцами-самовольцами. Помимо надельной земли крестьяне еще занимались арендой земель у киргиз, опять таки по тем соображениям и на основе той же причины, которую мы указали по Сыр-Дарьинской области. Вот некоторые данные: по трем уездам Джетысу арендованной площади посевов в среднем на двор приходилось 3,3 десятины, а казаки арендовали так же не меньше. Между прочим Шкапский дает об'яснение, почему крестьяне и казаки прибегают к аренде. Он говорит „крестьяне, ведя экстенсивное хозяйство, выпахали свои надельные земли, которые заростают овсюком, осотом и другими травами. Благодаря этому и существует значительный спрос на землю, который и удовлетворяется арендой земель у киргиз и казаков“.

Согласно статьи 126 степного положения киргизам предоставлялось право сдавать в аренды принадлежащие им земли лицам русского происхождения, но право это было ограничено: право давалось с'ездом волостных выборных по приговорам которых, утвержденным Областным Правлением и могли сдаваться в аренду земли из числа зимовых стойбищ сроком до 30 лет, при чем в приговорах должны были указываться общественные надобности, на удовлетворение которых поступает арендная плата. Но это законоположение сплошь и рядом потом нарушалось, даже при умышленном поощрении самой местной администрации. Хотя в аренду сдавали отдельные лица или группа людей, но, тем не менее, киргизская администрация состоящая главным образом из имущих элементов (баи, манапы, волостные бии, старшины и другие), известные

среди киргиз под именем „аткаменеров", прекрасно использовали вышеуказанное положение для того, чтобы от имени фиктивных с'ездов и мнения общества сдавать земли в аренды, вручая арендную сумму для личных надобностей, и меньшую долю уделяя непосредственно лицам, которым сданная в аренду земля относится. Часть расходов, оставлявшаяся у влиятельных людей, без содействия которых редко сдается в аренду земля, называлась „темным расходом".

В данном случае интересно привести случай заселения переселенцами-самовольцами самозахватом земель Багишевской волости около селения Беловодского Пишпекского уезда. Из этих, поселившихся самовольцев образовано было впоследствии селение Петровское. Ввиду того, что самовольцы-петровцы не только заняли лучшие земли киргиз Багишевской волости, но сели в заголовки оросительных каналов и стеснили поливы сторожильческого поселка Беловодского и киргиз Багишевской волости, то со стороны последней и крестьян Беловодска поступили жалобы на самовольцев. Уездная администрация принимала меры поселить самовольцев на другом месте: присоединилось к этому областное управление, а так же степное генерал-губернаторство, но впоследствии с переходом Семиречья в состав Туркестана туркестанский генерал-губернатор распорядился оставить на месте самовольцев. Эта борьба длилась ровно 10 лет, и в конце концов самовольцы одержали победу, оттеснив киргиз на неудобные земли.

Этот прецендент послужил примером для других самовольческих поселков и вновь поселяющихся крестьян. Подобные захваты продолжались и дальше. При этом необходимо подчеркнуть роль киргизских баев и манапов и чинов киргизской администрации, как мы указали выше всегда старались „заработать" за счет бедноты при арендах земель. Арендная плата была невелика. Мало того, есть много случаев, когда продавались земли киргизами переселенцам за рубль и меньше десятину. Например, в Лепсинском уезде киргиз Конур из рода Султаноза сдал большое количество земель под участки: Басканский, Андреевский, Никольский и Надеждинский, а киргизы-бедняки, занимавшие эти земли, терпев с одной стороны гнет биев и волостных, а с другой стороны — постепенную убыль земли, обращались неоднократно с ходатайствами в переселенческое управление о наделении их также землей. Конечно, эта просьба не была удовлетворена. Имея в хозяйстве одну лошадь и пять баранов им приходится, кроме казенного кибиточного налога в 4 рубля, платить на различные потребности и на манапов еще рублей 20, что им совершенно непосильно. Фактически владельцами земель являются богачи, эксплоатирующие эту бедноту. Но тут характерно то, что верхушка киргизских эксплоататорских слоев находит самый тесный союз и „тамырство" (дружество) с русской администрацией и переселенческим кулачеством, на предмет совместного ограбления киргизской бедноты.

Вот общая картина распределения земель и взаимоотношение переселенцев с киргизским населением в Семиречье. Конечно, пересе-

ленцы во всем Туркестанском крае лучше всего устроились в Джетысуйской области. А. Л. Трегубов, о котором мы уже говорили, пишет следующее: „так переселенцы, водворяемые в настоящее время в поселках Успенском и Надеждинском, в Лепсинском уезде, отслушав 3-го июля вместе с заведывающим водворением переселенцев в Лепсинском подрайоне, Андреевском, молебен, отслуженный мною и, „питая чувства глубочайшей благодарности и преданности нашему монарху за наделение нас прекрасной землей".—как сказано в приговоре их по этому поводу от 3-го июля с.-г., — постановили: „повергнуть эти чувства к стопам Его Императорского Величества, Государя Императора, самодержца Всероссийского, Николая Александровича". И тут было, конечно, за что благодарить.

Во всей колонизационной политике царизма в Семиречьи обогащались русские администраторы, переселенческие кулаки и их прихвостни—киргизские волостные старшины и бии. Тут, если принять во внимание, что от 23—50 проц. в среднем (максимум до 98 проц.) всех переселенческих хозяйств пользовалось наемным трудом, а казаки держали постоянно 1-3 батрака и сезонно от 3-15 батраков, крестьяне немного меньше, что казак-киргизские баи и манапы также прибегали к наемному труду, а нанимавшимися являлись, главным образом казак-киргизская беднота, постепенно лишавшаяся земли не имевшая почти скота, то приходится придти к заключению, что безземельно-киргизско-батрацкой армии насчитывалось огромное количество.

Заканчивая этот общий обзор и характеристику результатов колонизационной политики царизма в кочевых и полукочевых районах Туркестана, нам необходимо попутно рассмотреть причины и другого характера помимо земельной политики. Тут прежде всего стоит водный вопрос. Большинство земель в Сыр-Дарьинской и Джетысуйской областях, особенно в первой, считается удобным к обработке в своей искусственно орошаемой части. Поэтому, как мы указывали в самом начале, командующее положение будут занимать в экономике данного района те группы населения, которые не только захватили большинство удобных земель, но и захватили главные оросительные системы.

В Сыр-Дарьинской области в местностях, где расположены переселенческие поселки, там, несомненно, командующую роль в распределении воды и пользовании ею играют поселки. Приводить для этого отдельные факты не будем. Так же обстоят вопросы водопользования и в Семиреченской области. Вода служила, как и земля, орудием эксплоатации одних категорий населения другими. Из примеров деяний царской администрации по одному водному вопросу накопилось в этом отношении масса фактов. В указанных двух областях, хотя и не существовало установленных государственных законов по водному пользованию, но тем не менее в каждой местности имелись свои порядки распределения воды, имелась специальная водная администрация в лице „арык-аксакалов" (водных старшин) и „мирабов". Последние назначались администрацией и всегда служили интересам баев и кулачества.

Арык-аксакалы и мирабы являлись одним из звеньев царской администрации, лучше всех изощрявшиеся своим „обирательством“. Кто давал „взятку“ или „подарок“, тому принадлежала вода.

Мало того русские переселенцы при самовольных захватах земель или „даже законных“ отводах всегда старались обосновываться в заголовках оросительных каналов или в местах удобных по захвату воды. Так, например, захватнический поселок Байтык-Павловск в Пишпекском уезде обосновался в заголовке горной речки, из которой внизу питалось десятка два киргизских волостей, судьбы поселков которых частенько зависели от того, поделают или не поделают байтык-павловцы „отпустить“ воду или нет.

Другим орудием угнетения беднейших кочевников являлся самовольный захват и кошение лугов и даже клеверников переселенцами или потрава скотом последних или самовольное вспахивание целинных земель у киргиз под мотивом, что последние „все равно не смогут их вспахать и использовать“. Соседними поселками захватывались скотопрогонные дороги и проходы, которые обращались или в пашни или служили для целей взимания от каждой головы прогоняемого киргизами скота самовольного скотопрогонного налога. Много было и других случаев и путей угнетения и наживы за счет слабых кочевников.

Из них можно указать на некоторые. Так, например, мы говорили, что на киргизское население накладывались громадные налоги. Сюда входили 4 рубля кибиточного сбора, налоги со скота, сборы на разные административные нужды, разные „принудительные пожертвования“, в роде сборов деньгами и скотом в пользу „русской армии“, боровшейся за отечество на фронтах, при каждом сборе делались „надбавки“ к этим сборам киргизской волостной аульной администрацией в свою пользу; в тех или других случаях необходимо было „ублажание“ баранами или деньгами отдельных приезжающих чинов администрации или „аткаминеров“, все это вырастало, конечно, в огромную сумму, которую, фактически киргизский бедняк не в состоянии был выплачивать ежегодно, а если выплачивал, то ему приходилось распродавать свое имущество.

Ничего в степи не делалось без „взятки“. Так, например, чиновники переселенческого управления, не ограничиваясь тем, что отнимали земли у киргиз, грабили их, показывая всякие расходы по работе переселенческого управления с тех же киргиз. Искать „правду“ киргизским беднякам и вообще рядовым туземцам было негде. Киргизская администрация: баи, бии, волостные старшины—работали в контакте с приставами и уездными начальниками.

Вследствии этой упорной колонизаторской политики царизма и экономического стеснения мы видим постепенную убыль туземного населения. За период 1902—13 годов из общей массы киргизского населения сокращение произошло приблизительно на 8—9%; произошло также уменьшение таранчинцев и дунган, но зато переселенцы количественно возрасли на 10% с лишним. Вот благие результаты царской де-

ятельности в кочевых и полукочевых районах к моменту восстания туземного населения Туркестана 1916 года.

Кроме этих общих причин восстания, в каждом районе, нужно сказать, были так же особые местные причины.

Так, например, в старом городе Ташкенте выступление Сибзарского и Кукчинского кварталов, населенных главным образом, рабочим элементов, об'яснялось не только общим гнетом царской администрации в виде невыносимых налогов, административных жестокостей, но также гнетом своих туземных „хозяйчиков" (предпринимателей, посредников, ростовщиков, торговцев и даже туземных полицейских), которые туземными рабочими и бедняками в старом городе Ташкенте рассматривались как союзники царской администрации.

Шейхантаурская часть старого города, например, как более зажиточная и торговая, более связанная с русской администрацией, выступила против Кукчинской и Сибирской части.

Например в Ташкентском уезде в Той-Тюбинской и Китай-Тюбинской волостях, восстание туземцев обуславливалось теми причинами, на которые мы указываем ниже в отношении оседлых районов Туркестана. В остальных уездах Сыр-Дарьинской области, особенно в Аулие-Атинском уезде, где резче всего проявились действия повстанцев, выступление туземцев было вызвано именно земельной колонизацией, административными поборами и другими видами угнетения, которые мы привели для кочевых и полукочевых районов.

Все сказанное о причинах восстания в кочевых и полукочевых районах Туркестана еще более относится к Джетысуйской области, которая была охвачена почти сплошь восстанием, при чем по размерам восстания и жестокости подавления Джетысуйская область, в сравнении с остальными областями стоит на первом месте, она и представляла основной очаг всего восстания туземцев в Туркестане в 1916 году. В Джетысуйской же области тяжелее всего отразились результаты поражения этого восстания в последующие годы.

Б. В оседлых районах Туркестана.

Победоносное движение царского империализма в Туркестане завершилось на ряду с успехами по линии „колонизации", также внедрением российского капитала и, в первую очередь, торгового, непосредственно в хозяйственную жизнь Туркестана.

До завоевания Туркестана в оседлых его районах существовала система ханской власти, в жизни туземного населения господствовали патриархально-феодальные распорядки. Хозяйство Туркестана, преимущественно натурального характера приспособлено было в своем производстве к нуждам лишь внутренних потребностей.

За отсутствием путей сообщения, благодаря своей замкнутости Туркестан не мог вступить в более или менее серьезную экономическую связь с внешними странами.

Однако, еще до прихода русской власти, в оседлых районах Туркестана натуральное хозяйство было уже накануне кризиса прежде всего в виду перенаселенности территории. Так, например, по Ферганской области по переписи 1897 года было 15722 тыс. душ населения в распоряжении которого находилось около 860.000 дес. богарной. На душу населения. таким образом, около 0,55 дес. поливной земли и 0,17 дес. богарной. Около третьей части поливных земель и половины богарных оставалось под паром, что обычно практикуется в натуральном хозяйстве с посевами зерновых хлебов. Хозяйство в Фергане на душу могло получить не более 20 пудов хлеба, которым нужно было удовлетворить потребительские и производительные нужды. В этих условиях население долго существовать не могло, и какой то выход должен был найтись. Этим выходом явилась культура хлопчатника.

Патриархально-феодальный уклад жизни с соответствующей системой феодального управления, совершенная неразвитость крупных предприятий в городах, носивших в свою очередь полуземледельческий характер, чисто аграрный уклад вообще всего хозяйства с неразвитой монетной системой, средневековым цеховым ремесленничеством и натурально-меновой торговлей с соседями—должен был в корне измениться с приходом русской власти и внедрением российского капитала в хозяйственную жизнь оседлых районов Туркестана.

В этом смысле основную роль сыграла прежде всего постройка железных дорог: Средне-Азиатской (1881—1899 г. г.), явившейся первым звеном, соединяющим Туркестан с русским Кавказским рынком, Оренбурго-Ташкентской (1906 г.), связавшей Туркестан кратчайшим путем с средне-Волжской и Оренбургско-Тургайскими хлебными районами, открывших доступ на туркестанский рынок западно-сибирскому хлебу.

Приток дешевых предметов фабрично-заводского производства из России нанес сокрушительный удар по кустарному хозяйству туземного населения Туркестана. Огромная масса малоимущих и пролетарских элементов, в виду земельной тесноты, находившая возможность существования в кустарном производстве, сразу попадает в бедственное положение, не выдерживая конкуренции фабричных продуктов, разоряются и выбрасываются за борт жизни, увеличивая собою армию безработных. Дотоле спокойная жизнь населения была к тому же нарушена вздорожанием продуктов потребления. Рост цен характеризирует, например, такие данные:

В 1885 году стоило . .	пшеница 40 к.	а в 1911 г.	1 р. 60 к.
„	ячмень 20 „	а в „	1 „ 20 „
„ „ „	люцерна 16 „	а в „ „	1 „ 60 „

в 1915 году, например, средняя годовая цена на пшеничную муку исчислялась в Ферганской области в 2 р. 51 к. в Самаркандской 1 р. 79 к. в Закаспийской 1 р. 72 коп. и в Сыр-Дарьинской 1 р. 47 коп. Заработная же плата за это время, хотя увеличилась, но не могла угнаться за вздорожанием жизни.

В связи с усилением торговых сношений с метрополией и потребностями ее рынка в Туркестане быстро начало развиваться промышленное сельское хозяйство, перешедшее преимущественно на хлопководство. Развитие денежно-торгового капитала дает большой толчок к прогрессивному росту городов, тогда, как сельское население начинает определенно отставать или даже уменьшаться.

Основой капиталистического развития и вообще всей хозяйственной жизни в дальнейшем в оседлых районах становится хлопководство. В условиях земельной тесноты, неимоверного вздорожания продуктов потребления, хлопок, как более интенсивная и более трудоемкая культура, сразу приковывает к себе в дальнейшем интересы дехканина земледельца.

Площадь хлопка растет со сказочной быстротой за счет зерновых культур. Вот ряд характерных цифр увеличения посевов хлопка.

Площадь посевов хлопка с 1907 года по 1915 год по всему Туркестану увеличилась на 59%, а с 1888 по 1913 год это увеличение выражалось:

по Ферганской области с 24.670 дес. до 274.900 дес.—700%
по Самаркандской области с 7.980 дес. до 31.860 дес.—298%
по Сыр-Дарьинск. области с 25.841 дес. до 62.690 дес.—139%

В 1915 году в большинстве волостей Ферганской области посевы хлопка занимали 95% всей площади поливной культуры, а в 1916 году в этой области из всей поливной площади в 878.000 дес.—43%, таким образом в Ферганской области хлопок превращался почти в монопольную культуру.

Одновременно с ростом хлопка развивается и обрабатывающая хлопковая промышленность. В довоенное время в Туркестане уже насчитывалось около 233 хлопкоочистительных (водяных и паровых) заводов, распределявшихся следующим образом: в Ферганской области - 141, в Сыр-Дарьинской—45, в Самаркандской—28, в Закаспийской—14, Бухаре—2, и в Хиве—3, на которых работали свыше 700 джинов (представляющих ящик с вращающимися круглыми пилами для захвата волокна отделения семян) с более чем 40 пилами около 200 гидравлических винтовых прессов. Эти заводы имели до 8.000 рабочих с производительностью около 30½ мил. рублей.

Наибольший размер площади посева хлопка достиг в 1916 году, когда эта площадь равнялась 533.661 дес. из 1.870.018 всей посевной площади края.

На ряду с постройкой железных дорог и увеличением ввоза хлеба, искусственному росту посевов хлопка способствовал также российский протекционизм хлопководству. Вначале российская текстильная промышленность зависела всецело в отношении хлопка от заграницы, и в первую очередь—от американского хлопка. Но тогда же еще было стремление освободиться от этой зависимости и развить свое отечественное хлопководство. Еще в 1894 году, после возвращения из поездки в Туркестанский край бывший министр земледелия и государственных

имуществ Ермолов, в своем докладе государю, говорил о значении культуры хлопка, „в наших средне-азиатских владениях“ и возможности для туркестанского хлопка не только соперничать на внутренних рынках с американским, но, „со временем совершенно его вытеснить из употребления“. Последние слова министра были подчеркнуты „государем императором“ и вызвали „высочайшую“ отметку: „весьма желательно этого достигнуть“.

Америка производила тогда почти 87% мирового хлопка, мировое потребление хлопка в среднем для каждой из 1906—8 годов выражалось почти в 200 мил. пудов, из которых Америка давала 174,8 мил. пудов. Вывоз из-за границы к тому времени (1908 году) равнялся 11 мил. пудам. К этому же году вывоз из Туркестана уже равнялся 9 мил. (кругло) пудам на сумму до 100 мил. рублей, т. е. немного меньше заграничного. В 900-х годах, когда была введена рублевая надбавка, пошлина на американский хлопок равнялась 40% стоимости хлопка (хлопок стоил около 10 руб., а пошлина 4 руб. 10 коп.).

Протекционизм, развивая хлопководство к выгоде российского капитализма, вынуждал туркестанское сельское хозяйство развиваться односторонне и поставил его в исключительную зависимость от потребностей российского рынка ввозного хлеба, и продуктов фабрично-заводского производства.

С первых же дней развития хлопководства появились представители, комиссионеры и поставщики российских хлопчато-бумажных фирм Как грибы начинают расти закупочные конторы московских купцов. устанавливается самая тесная связь с туземными баями, ростовщиками. предпринимателями и всякими лавочниками и совместно с последними московские купцы начинают распоряжаться хозяйственной жизнью края Происходит быстрая диференция классов в туземном обществе под воздействием российского торгового капитала, образовывается определенный туземный торговый класс (буржуазия в лице баев, торговцев), предпринимателей и даже элементов духовенства, которые сразу же начинают пред'являть „свои национальные“ права на угнетение туземных трудящихся масс и вступают по этому пути в тесный союз с агентами российского торгового капитала.

Не ограничиваясь посредничеством туземных эксплоататорских элементов, российские фирмы, через своих пронырливых агентов-комиссионеров быстро проникают непосредственно в кишлаки (деревни) и начинают захватывать в свои цепкие руки дехканские хозяйства. Перед этим внедрением в обиход жизни агентов российского торгово-промышленного и растовщического капитала их владычества над судьбой земледельца-дехканина бледнеют уже фигуры прежних администраторов полновластных героев первого периода завоевания Туркестана: уездных начальников, приставов и других, не проникавших так глубоко в хозяйственную жизнь населения.

Торговцы, баи и комиссионеры все глубже проникают в гущу туземного дехканства и беспощадно его эксплоатируют, наживая огромные

богатства. Эта эксплоатация особенно развивается по линии кредита дехканских хозяйств разными фирмами и баями-ростовщиками. Отличительная черта хлопкового хозяйства заключалась в том, что она требовала огромной затраты человеческого труда, а продукты его производства исключительно были приспособлены к сбыту на рынки. Дехканин ранее 8 месяцев не мог выручать денег за урожай, который можно было реализировать и должен был прибегать к кредиту все в большей и в большей мере. Об этом пишет определенно и совещание инспекторов мелкого кредита в своем отчете „Мелкий кредит в Туркестане (стр. 111-112):

„Казалось бы, что в виду ценности хлопка и его обеспеченного сбыта хозяйственное положение рядового дехканина должно было бы улучшиться, а на самом же деле чаще приходится видеть и слышать лишь отрицательные стороны его. Так, например, в волостях Кувинской, Шариханской и Асакинской (Скобелевского уезда), Курган-Тепинской, Аимской и Хакентской (Андижанского уезда), где культура американского хлопчатника особенно развита, рядовые земледельцы в настоящее время владеют от одной до 12 танапов искуственно орошаемой земли, чего для ведения нормального хозяйства далеко не достаточно. Причиной такого малоземелья является, конечно, не культура американского хлопчатника, а тот хищнический способ выдачи задатков, под его урожай комиссионерами чистачами и т. д., способ, который давал трудящийся класс до крайней задолженности и обеднения. Не учитывая будущих событий, трудящийся класс обратно брал деньги под хлопок и расширял его посевную площадь и сокращал под продукты первой необходимости, цены на которые не замедлили подняться, конечно, искусственно и теми же лицами, кои снабжали население деньгами под хлопок. Таким образом, получая прибыль на первом, население в то же время переплачивало на втором, увеличивая каждогодно свою задолженность".

Вот свидетельство совещания инспекторов мелкого кредита, этих живых свидетелей деяния царской власти относительно формы и путей закабаления туземной бедноты. Дача задатков и вообще кредитование дехкан обставлено было довольно сложно и искусно. Фирма и их представители, прежде, чем давать задатки под хлопок завоевывали расположение к себе дехкан, для чего устанавливали тесную связь с волостными и „влиятельными" лицами, делая разные подарки и затем через их посредство раздавали кредиты будущим бессменным должникам.

Армия комиссионеров и посредников, стараясь осветить хлопкового хозяина—кредитора с хорошей стороны, раздавала задатки и получала за это соответствующие комиссионные. Они на этом богатели настолько, что сами превращались через некоторое время в скупщиков хлопка и самостоятельной его чистки, получая название „чисточа". Последний уже неразрывно тесно связывался и с жизнью хлопкороба-дехканина. Этот дехканин настолько зависел от „чисточа", что без него не мог обходиться даже в своей обыденной жизни. От одобрения „чисточа" зависела женитьба, купля лошади, инвентаря и другие шаги дехканина.

Кредиты выдавались обыкновенно частями с обусловленной неустойкой в 200-300 рублей, на случай несдачи урожая. Проценты доходившие, например, за 9 месяцев до 12, высчитывались по векселю сейчас же при выдаче сумм. Вот ряд фактов относительно наживательства разных фирм и ростовщиков за счет дехканина.

У С. Г. Понятовского мы находим такое указание: „как только стает весенний снежок, плантаторы отправляются к разным благодетелям за ссудой под будущий урожай, скупщики, надо им отдать справедливость, артистически умеют использовать безвыходное положение просителя, заставить его согласиться на всевозможные или, вернее сказать, самые невозможные условия. Кончается обыкновенно тем, что плантатор получает ссуду за проценты, частью наличными деньгами, частью ситцем. При чем предупредительно ему об'ясняют, что ситец у него может купить такой то, допустим Муминбай,—действительно Муминбай покупает этот ситец, но ровно за пол-цены, и надо сказать, что Муминбай тоже хлопковых дел мастер и в свою очередь этим же ситцем снабжает своих клиентов и направляет для продажи его к первоисточнику. И в результате после нескольких „оборотов капитала“ ситец остается дома, а барыша получено в несколько раз более стоимости самого ситца. Кроме того, они же практикуют и выдачу пшеницы, с надбавкой не меньше 25% против базарной цены“. Приводя эту выдержку, А. П. Демидов в своем труде „Эконом. очерк хлопководства, хлоп. торговли и хлоп. промышленности Туркестана“ пишет: „эта картина списана как бы буквальное с деятельности весьма крупной фирмы в Фергане, где, как известно лично автору, отец выдавал мануфактуру, а сын, через улицу, покупал ее у должника. К кредитору дехкане шли не только ради одного желания сеять хлопок, но и в силу неумолимо тяжелых обстоятельств, которые гнали к „благодетелям“.

Относительно „выручек“ фирм и их посредников, а также концентрации и скупки земель у обедневших дехкан свидетельствуют следующие факты приводимые в трудах того же Демидова (стр. 136—7).

„По анкетам В. В. Заорской и К. А. Александрова в 1913 году в 47 случаях было выдано фирмами задатков на 9.888.000 рублей, обеспечивающих 7.723.000 пудов хлопка-сырца, что в среднем на один пуд сырца составляет 1 руб. 28 коп. На 10 заводах были зарегистрированы выдачи задатков мукой пшеницей, хлопковыми семенами, мануфактурой. Как велики должны быть прибыли, если в сезон 1913—16 годов общая стоимость хлопка, сырца равнялась 132.695.558 руб., из которых на долю самих фирм выпало 85.412.881, а чисточам—47.283.677 руб. В том же сезоне задатка было роздано свыше 30. мил рублей, средняя стоимость сырца была 4 рубля 3 коп. И так, только в четверти рыночной цены хлопок обеспечивался задатком. Это было вполне достаточно, чтобы весь хлопок попал в руки кредиторов по цене, не связанной с законами спроса и предложения, а в случае простого юридического акта.

Не менее интересна картина задолженности отдельных видов хозяйства, которую можно видеть из цифр В. П. Юферова. В четырех обследованных кишлаках задолженность хлопковым фирмам равнялась 98,896, 5 руб., что составляет на один наличный двор 124.71 руб. Стоимость орошенной земли в данном районе 500 рублей, а средняя величина задолженности выпадающей на одну десятину, равна 86,76 руб. Откуда В. П. Юферов делает выводы, что 1/6 орошенных земель не принадлежит владельцам.

„Мысль В. И. Юферова имеет под собой весьма большое основание. По степени задолженности можно судить о степени перехода земель в распоряжение кредиторов. Насколько тому благоприятствовали условия, видно из того факта, что местная администрация принуждена была запретить переход земель за долги хлопковым фирмам. Этот запрет предохранил массовый переход земель в руки кредиторов. Но туземные хлопковые дельцы однако сумели сконцентрировать в своих руках очень большие участки земли. Так, например, крупнейший чистач Ферганской области, Мир-Камиль-Бай, погибший в 1917 году, владел многими лучшими хлопковыми землями Андижанского уезда. Проезжая по селам этого уезда на 10 заданных вопросов: „чья-земля?" можно было в 5 случаев получить ответ: „земля Мир-Камиль-Бая".

В другом месте Демидов относительно фальсификации и наживательства на документах и темноте дехкан пишет следующее:

„Долговые обязательства, которые выдавались дехканами, были поразительными человеческими документами. Например, бралась ссуда в 100 рублей, а вексель выдавался на 500 рублей. В этих операциях пользовались весьма дозволенными и недозволенными приемами, чтобы закабалить дехкана. Дехкан не только неграмотен, больше того он часто не знал русского языка. При исполнении долговых обязательств за дехкана, обыкновенно, на векселе расписывалось постороннее лицо. При выдаче ссуд удерживались проценты. При покупке и доставке хлопка сама фирма производила расчеты по векселю. Хлопкоробы не только не знали сколько они должны, а сплошь и рядом платили по несколько раз одному и тому же лицу. Сделка совершалась облегченным способом у туземного казия, где оперировали также мусульманскими купчими крепостями (по мусульмански „васпзи") .Незнание счета свыше 100, неумение перевести свои месяца на русские, все то, с чем связано понятие невежества, служили великолепными средствами для обделывания, обсчитывания и даже для буквального ограбления дехканина среди белого дня".

И тут дехканину мусульманину, естественно, оставалось утешать себя словами песни, распространенной среди рабочих:

„Шат боят зинстан
„На шад бояд зинстан
(Весело живется— надо жить,
- припев таджикской рабочей песни).

Фирмы и хлопковые предприниматели всегда старались иметь дело с более или менее устойчивыми дехканами, но если последний утрачивал эту устойчивость, то терялся смысл дальнейшей связи с ним. Разрыв с окончательно запутавшимся в долгах дехканином происходил не просто, он опутывался до тех пор, пока можно было забрать в руки все его имущество. Опять обратимся к свидетельству того же Демидова:

„Обессиленный непомерными процентами, многократно обманутый и обсчитанный дехканин еле влачит свое существование. С наступлением момента ликвидации долгов он подвергался самым тяжелым условиям воздействия и даже насилия, когда не в силах был уплатить долг иногда уже несколько раз до этого уплоченный. Взыскание долгов распространялось не только на имущество дехканина. Иногда применялись приемы, которые в Европе теперь уже сделались достоянием истории. Некоторые фирмы позволяли себе самовольно брать скот, выводили его с помощью своих агентов на базар, там продавали и полученную сумму приходовали по кассе. Солидарность хлопковых фирм с администрацией позволяла творить неслыханные насилия. Иногда забирали должника, бросали его в собственный сарай, как в тюрьму и дожидались выкупа или уплаты долгов каким-нибудь богатым родственником. Телесные наказания, даже расправы с должниками—факты неоднократные и известны в каждом хлопковом сезоне. Пользуясь собственническим мировоззрением мусульман на женщину и жену, которую было можно всегда купить за ту или иную сумму, местные дельцы иногда доходили до того, что продавали жен неоплатных должников. И, наконец, безнадежные должники предавались в руки адвокатов. Все поездки и расходы последних насчитывались на дехканина, так как векселя находились в руках хлопковых фирм".

Вот ряд ярких фактов, характеризующих условия закабаления дехканских масс русско-туземным торгово-ростовщическим капиталом. Размер закабаленной дехканской земледельческой массы можно видеть хотя бы по тем колоссальным задолженностям, которые накоплялись из года в год за хлопкоробами.

Из отчета по поездке в Туркестанский край Главноуправ. Землеустр. и Земледелия в 1912 году видно, что, например, на 400.000 дес. хлопкового посева, из расчета по 80 руб. ссуды на каждую, потребность в кредите, ежегодно выражалась в сумме не менее 32 мил. руб. Проценты, начиная с 8-9%, по мере приближения к населению через ряд посредников, все возрастая, доходили до 40-50, нередко и более. И между тем на первое января 1910 года во всех уездных ссудных кассах значилось всего немного более 1 м. в то время, когда в одном Коканде имелось 10 крупных банков с годовыми оборотами свыше 800 милл. руб. Из ссудной потребности в 32 милл. руб. капиталы ссудных касс могли удовлетворить едва 3% этой потребности. Мелкокредитные товарищества тогда только разростались и могли удовлетворить тоже незначительный процент. Так что остальное приходилось на долю разных фирм частных предпринимателей и ростовщиков.

Все большее обезземеление дехкан и сосредоточение земельной собственности в руках отдельных фирм и кулаков-ростовщиков выработало особый метод применения и эксплоатации труда безземельных дехкан хлопковыми предпринимателями. Одним из самых широких видов эксплоатации труда дехкан является система издольщины, чейрикерство, чарымчи, ортачество и другие. Отличительная черта чейрикерства заключается в том, что работающие на плантации хлопковых предпринимателей дехкане, представляя из себя особый вид рабочих, получают вознаграждение за труд (зарплату) натурой в виде известной доли (конечно гораздо меньшей, чем затрачен труд) от урожая. Натуральная оплата чейрикера менее выгодна, чем оплата труда в денежной форме, ибо работающий не может изменить обусловленный вначале размер доли от урожая, тогда как зарплату в денежной форме можно было бы изменить в соответствии с состоянием рынка. Помимо этого чейрикер много теряет при реализации в натуре полученной за труд ценности. Не лишенные совершенно земель или числящиеся номинальными владельцами маленьких участков, запутанные окончательно в сетях ростовщиков, чейрикеры находились в полной власти этих эксплоататоров и составляли основу их благосостояния.

Выше мы указывали на сильную перенаселенность территории оседлых районов Туркестана, в частности особенно, Ферганы, в силу чего, разведение хлопка давало одновременно некоторый выход из этого хозяйственного тупика. Поэтому необходимо нам теперь кратко охарактеризовать формы землепользования и группировки дехканского хозяйства, чтобы яснее себе выяснить основание существования системы чейрикерства, вынужденного развития хлопководства и парцелярность (раздробленность) самих дехканских хозяйств.

Следующие цифры характеризуют размер надела отдельных хозяйств по Ферганской области. Из обследования одного из районов Ферганы В. И. Юферовым видно, что на долю владеющих в пределах от 0.5 дес. до 1,3 дес. (2.86 танапа до 8.15 танапов) приходится больше половины (52.8%) всех хозяйств. Владеющих более 3,3 дес. насчитывалось около 14%. По В. П. Наливкину исчислялось по Фергане на одну душу 0,5 дес., а в частности по Наманганскому уезду меньше чем 0,5 д. на один двор. В 1897 году в Самаркандской обл. (по Наливкину) приходилось 501.924 дес. на 857.847 душ или по 0,58 дес. на одного человека. По той же области имелось 171.569 семей, из них бездомных, т. е. не имеющих своих участков и саклей 43,485 семейств. В малоземельных уездах—Ташкентском Сыр-Дарьинской обл. и Андижанском Ферганской обл. безземельных исчислялось до 40—50% всего населения.

Еще по данным переписи 1917 года в Наманганском уезде 40,1% хозяйств в уезде имели до полдесятины, свыше половины 58,2 владели участком до 1 десятины, остальные свыше 2 десятин. По Закаспийской области имелось в 1917 году 52.217 хозяйств, владевших 103,904 дес.

По количеству скота в хозяйстве мы имеем такую характеристику. По данным 1914 года в Фергане, например, на одно хозяйство приходи-

лось одна голова скота в среднем. По В. Н. Юферову свыше 40% хозяйств не имело целой головы скота и только начиная с владельцев одной дес. и выше появляются целые головы скота. Поэтому в мелких хозяйствах часто прибегают к ручной коллективной обработке земли, а часто прибегают к найму скота у баев, которые эту возможность так же используовывают, чтобы эксплоатировать бедноту.

Нередки, например, хозяйства с наделом 0,75 танапов (т. е. около 300 кв. саж.), где не может быть речи в хозяйстве о расходах по части производственных целей. Такие хозяйства (владельцы их) влачат жалкое существование, расход их на одну душу в год равен 40—21 руб. и растительной и животной пищи, стоющей 32,11 руб. в год. Ввиду приобретения ими продуктов питания на рынке, расход на питание на душу у бедняков обходится гораздой дороже, чем у более зажиточных хозяйств, ибо бедняки должны почти исключительно покупать на рынке и в маленьких размерах, ничего почти не прибавляя из своего хозяйства натурально.

Такие и даже средние хозяйства в большинстве под воздействием систематической эксплоатации торгово-ростовщического капитала мельчали и раззорялись в конец. Малоземелье выбрасывало на рынок труда сотни тысяч рабочих рук, покидавших насиженные места, в разные стороны по обширной территории Туркестана в поисках работ.

В хлопковых районах, как известно, по статистике, количество безземельных доходило до 40%, а бездомных до 25%. Следующие цифры показывают, насколько при остром безземелье могут иметь значение подсобные промыслы. По данным 1917 года, например, по Кокандскому уезду из 127.226 хозяйств, занимающихся промыслами было 41.411 хозяйств, из которых не земледельческих и не скотоводческих приходилось 17.272 хозяйств. Промысловые хозяйства имели 59.680 своих трудящихся обоего пола и 10.488 наемных. Эти цифры приблизительно характерны и по остальным уездам.

Как мы указывали уже при разборе результатов колонизационной политики царизма, площадь всей обрабатываемой земли в Туркестане исчислялась в 3,3 мил. дес. Из них 57,6% приходилось на долю занятых переселенцами крестьянами и казаками, а в руках торгового-ростовщического капитала в одних только хлопковых районах сосредоточено было 20,7% земли. Таким образом, из всей обрабатываемой земли в крае 78,3% земли и 15% их всего населения края абсолютно лишенных всякой земли и скота были той, основой, на которой зиждилось благополучие торгового капитала и переселенческих хозяйств. Эти же цифры показывают степень концентрации земельной собственности.

Правда, в хлопковых районах, собственно говоря, больших латифундий почти не было, но своеобразная концентрация земельной собственности имела место. Здесь крупные землевладельцы и фирмы свои земли распределяли между более бедными земледельцами—издольщиками (чейрикерами, джарымчами и т. д.). Иногда бедный земледелец считался

номинально хозяином своего участка, но фактически владельцем его участка являлся крупный бай или ростовщик.

„Бай" в глазах туземного дехканина отожествлялся почти с „ростовщиком", ибо отличительной чертой бая было прежде всего обладание деньгами. Одновременно бай отожествлялся и с администрацией, ибо волостные управители казии, и другие чины администрации вербовались, главным образом, из этих баев. Не только уездный начальник и пристав считали своей обязанностью работать в контакте и через этих баев, но потом этот же метод использовали агенты российских фирм. Таким образом фигура „бая" являлась весьма внушительной. Бай мог „ссужать" деньги, от него зависела связь с хлопковыми предпринимателями, через него можно было иметь доступ к администрации и т. д.

В связи с развитием хлопковой промышленности обезземелением дехкан, и раззорением кустарей количество армии туземных рабочих росло. Во всех промышленных заведениях Туркестана, как-то: хлопковой, горной, кустарной, земельных плантациях и даже на жел. дорогах имелось огромное количество туземных рабочих. Последние больше занимали положение чернорабочих, а европейские рабочие, как более квалифицированные, занимали привилегированное положение. Это различие строго проводилось и в оплате труда.

Например, по данным 1913 года, состав фабрично-заводского пролетариата в Туркестане был следующий: русских было—22,8%, сартов-(узбеков) 60,7%, киргиз—4.5%, таджиков—5,5%, кашгарцев, таранчинцев и дунган—1,4%, других пришлых 5,1%. 22,8%—это русская рабочая аристократия. На жел. дор., обслуживаемой более квалифицированными профессиями, состав рабочих и служащих распределяется так: русские—80,7%, мусульмане 14,6%, поляки—2,6%, немцы 0,8%, армяне—0,7%, евреи—0,2%. („Кол. Рев." Сафарова, стр. 41).

Из цифровых данных по землепользованию можно вынести заключение, что в одних хлопковых районах до 200 хозяйств (не менее) составляли массы малоземельных дехкан, чейрикеров, мардекеров и т. п., сидевших в цепких лапах эксплоатации торгово-ростовщического капитала. Если сюда прибавить с такой же приблизительно (хотя несколько мягче) системой построения зернового хозяйства, садоводства, шелководства и виноградничества, с таким же порядком кредитования частным ростовщическим капиталом, эксплоатации наемного труда, бесчеловечную эксплоатацию кустарей, если прибавить дальше туземных рабочих в фабрично-заводской промышленности то основы благополучия российского и туземного торгово-промышленного и ростовщического капитала станут совершенно ясны.

Но эта же масса безземельного дехканства, рабочих и кустарей составляла основу того недовольного слоя в составе туземного населения, из которого можно было ожидать всяких беспорядков и революционных выступлений. Так, например, памятно восстание туземцев, так называемое, восстание ишанов в Андижанском уезде в 80-х годах, когда масса бедноты составляла основу повстанцев во главе с духовенством,

но торговая буржуазия почти не принимала участия. Примеры таких восстаний мы видим не один раз в истории Туркестана при царском строе.

Вот, в общем, та основная экономическая подкладка развития царской деятельности в оседлых районах Туркестана и быстрого роста торгово-ростовщической буржуазии и наметившаяся определенно резко классовая диференциация среди туземного населения к моменту восстания последнего в 1916 году.

Угнетательская деятельность царизма и туземных имущих классов, основавшаяся, главным образом, на хлопковом хозяйстве и ростовщической системе, однако на этом не ограничивалась, а захватывала собою и другие стороны жизни народных масс. По линии экономической, как и в кочевых районах, и здесь огромное значение имели вопросы водопользования, от которых зависило непосредственно само земледелие и государственные повинности.

В оседлых районах водный вопрос имел еще более острый характер, чем в кочевых районах. На вопросы порядка водопользования, содержания оросительных систем, распределение воды между категориями населения, в содержании целой армии водной администрации (арык-аксакалов, мирабов) и их комплектовании—опять таки выигрывали баи и русские торгово-промышленные предприниматели. По одной ирригации, например, в Ферганской области в 1908 году на ремонтные и строительные работы ирригационных каналов потребовалось 310.217 рабочих, на сумму 227.967 рублей, а также на приобретение материалов и разных повинностей натурой еще большая сумма. При этом на содержание низшей водной администрации произведено было сборов 269.472 рубля. В общей сложности расходы на ирригацию у населения, включая сюда и незаконные поборы, вырастали в огромную сумму.

Не менее выгодной статьей являлась система взыскивания податей и всяких государственных повинностей. Как мы указывали, кочевое население обложено было покибиточной податью в размере 4 рубля с кибитки или заменяющего ее помещения. Исчисление кибиток производилось через каждое трех-летие. Кроме этого взималось по 1 р. 50 к. с кибитки (в Семир. и Сыр-Дар. областях) и 2 руб. (Закасп. обл.), земского сбора, а также особых сборов, на содержание волостей и сельской администрации, образования продовольственных капиталов, содержание в исправности трактов и т. п. При этом туземная и русская администрация на местах фактически прикладывала еще свои „добавления" к налогам в свою пользу. А момент сбора налогов всегда прекрасно использовывался скотопромышленниками, посредниками и торговцами, чтобы за безценок, натурой, скупить у населения скот и продукты скотоводства и сельского хозяйства.

То же самое можно сказать и в отношении оседлого населения (узбеков, таджиков и др.).

Оседлое туземное население уплачивало поземельный налог в размере 10% валовой доходности орошенных земель. Оклады исчислялись

на каждое 6-тилетие. Кроме этого взимались особые налоги с богарных земель и земские сборы. Кроме этого облагались налогами даже „необрабатываемые“, по неудобству земельной площади, заголовки арыков, оброчные казенные статьи, леса (не принадлежащие населению), которые ради обложения населения зачислялись за ними.

Еще в 90-х годах зачисленные особыми комиссиями за населением площади поливных, богарных земель продолжались числиться за населением, как об‘ект обложения и спустя 20 лет, независимо от того, изменилось ли количество хозяйств за это время, находящихся на данной единице площади. Например, бывали случаи, что из 3 тыс. дес. выгона и 1 тыс. богары засевавшихся 20 лет тому назад, теперь население засевало только 700 дес., но несмотря на это все же облагалось по старой памяти размер всей площади. Для примера можно привести один случай характерный по отчету Турк. С.-Хозяйственного общества за 1912 год по кишлаку Тилялускому. В этом кишлаке на окружающей территории прежде работали „старчи“ (издельщики). Тогда взыскивали налог за „богару“. Но „старчи“ давным-давно ушли. Тем не менее через два десятка лет пред‘являли окладные листы сельскому обществу указанного кишлака, несмотря на то, что эта „пустующая“ территория ему вовсе не принадлежала.

С составлением самих окладных листов также происходила путаница. Так, например, в окладных листах не обозначались частенько подразделения категорий земель и их разновидных обложений, а ограничивались указанием общего количества.

Перечислять остальные виды повинностей и способы эксплоатации более мелкого характера не будем. Только здесь нужно указать еще на деятельность лесных об‘езчиков и злоупотребление администрации при отпусках леса местному населению, но об этом подробнее можно остановиться при характеристике деятельности административного характера чинов самой царской и туземной власти.

Царская администрация (уездные начальники, пристава и т. д.), туземная (волостные старшины, казии, полицейские переводчики и другие), торгово-промышленный класс (русский и туземный) деревенский бай—ростовщик, духовенство (ишаны, муллы, ходжи и т. д.) и подобные, присосавшиеся к администрации элементы—все они по своему эксплоатировали и облагали „добровольно“ и „принудительно“ трудящихся оседлых и кочевых.

Касаясь причин восстания туземцев в 1916 году в отношении районов оседлой части Туркестана приходиться сказать, что, во-первых, эти восстания произошли в тех уездах и волостях, где резче всего проявились выше обрисованные нами виды экономического и политического гнета трудящихся. В частности, по Ферганской и Самаркандской обл. особенно с Ходженского и Катта-Курганского уезд., причины восстания лежали в системе хлопкового хозяйства и эксплоатации торгово-ростовщического капитала. В Катта-Курганском уезде еще в 1870 году, когда был неурожай и голод, дехканы буквально попали в кабалу к своим

баям и ростовщикам (в составе последних около 50 человек насчитывалось индусов-ростовщиков). Масса рабочего люда за горсточку муки и лепешку продавали все. За несколько чашек муки продавались дочери и мальчики. Пшеница за пуд дошла до 3-х руб. Каждый рубль у ростовщика через десять месяцев превращался в 2 руб. Этот год памятен в Катта-Курганском уезде. Но это было давно, а к 1916 г. ростовщичество и байство, конечно, гораздо более усилилось.

В уездах Джизакском и части Катта-Курганского, где восстание захватило в большинстве киргизские волости, беспорядки были вызваны колонизаторской политикой и кулацко-байской эксплоатацией.

В предисловии к „материалам по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной Степи и прилегающих местностей Ходженского и Джизакского уезда Самарк. обл.", собранным статистической партией переселенческого управления, Н. Рылов приводит следующее:

„Огромная территория обследованной местности носит пустынный характер по преимуществу. Только узкая долина Сыр-Дарьи с близкими, подпочвенными водами, местами заливаемая при разливах реки, обуславливает развитие довольно обильной растительности. Здесь находятся зимовки и наиболее ценные угодья кочевников: сенокосы, пашни и зимние пастбища... природные условия обследованного района, свойственные пустыням обусловили здесь и тип хозяйства местного населения"

Обследованные в указанных уездах хозяйства кочевников по отдельным уездам распределялись так: из всего числа обследованных наличных хозяйств (7524) к Джизакскому уезду относится 6.280 хозяйств (82,8%), к Ходженскому—930 хозяйств (12,4%) и к Ташкентскому 366 хоз. (4,8%). По национальному составу население обследованного района распределялось так: киргиз—43.021, кара-калпаков—1997, узбеков—2.207, а всего 47.225.

По землепользованию из статистики видно, что на одно хозяйство в среднем приходилось посевов 0,26 дес., покоса 0,88 дес., а всего 1,14 дес. Из всего количества хозяйств 14,8% имеют посевы, а остальные же 85,2% не имеют совершенно запашек. Незначительная часть хозяйства прибегает к аренде земель у русских селян и у казны от 5—10 руб. за дес.

По всей обследованной местности безлошадные хозяйства составляют 29,7%, а с 1-3 лошадьми—63,3%, так что на долю хозяйств, имеющих 4 и более лошадей, остается всего лишь—7%.

Всего в описанном районе было зарегистрировано 4.545 хозяйств, прибегающих к различным промыслам, что составляет 61,7% всех обследованных хозяйств. Из них занимается сельско-хозяйственным наймом в рабочие—30,84, на втором месте стоит углежжение 20,99%, на третьем месте пастушество—17,41%. В Кызыл-Кумском районе 38,71% занимается углежжением. Бюджет хозяйств кочевников, указанных районов, немного превышает голодную норму.

Несмотря на это исключительно бедственное состояние населения обследованных районов, которое еще до этого прибегало частью к „аренде“ земель и услугам „ростовщиков“, у него отнято было по данным того же переселенческого управления „излишков“, 830.337 дес. земли удобной, а кочевникам эта площадь (единственная культурная) „компенсировалась за счет Кызыл-Кумских степей в $2^1/_2$ мил. дес.“, где пространство состоит из третичных и меловых пород, на громадной площади покрытых бугристыми и бархашными красно-желтыми песками. Встречающиеся летучие пески являются результатом деятельности человека уничтожение кустарниковой растительности, пастьбами кочевниками скота, которое взрывает и вытаптывает травяную растительность,— вызывают процессы раздувания песка (см. стр. 14 того же отчета Пересел. Упр.).

Тут этим кочевникам было отчего „почувствовать притеснение“ со стороны „культурных“ людей и с другой стороны — притеснение со стороны природы, т. е. песков пустынной степи „Кызыл-Кума“. В этих тисках гнета обиженные даже самой природой, кочевники конечно, рано или поздно должны были поднять возмущение.

Леса в Туркестане занимают площадь 17.755.058 дес. Эти леса больше предназначены в условиях Средней Азии для охраны вод и от движения из сухих степей бархан и песков. Эти леса хищнически эксплоатировались царской администрацией. Население не имело права пользоваться ими, а если нужно было, то приходилось покупать дорого, что на руку было богачам. Лесничество было бичем населения, обиравшим его беспощадно. Чины лесничества накладывали разные „штрафы“, за пастьбу скота на не относящихся к лесному пространству в полынных и сухих степях.

В. Среди туркменского населения.

В Туркменской (Закаспийской) области деятельность царизма проявлялась одновременно в двух направлениях: насаждении хлопководства и по колонизации области русскими переселенцами. Имели большое значение и изменения, происходившие в связи с этим, в формах водо-землепользования. До прихода русской власти область представляла совершенно иную картину хозяйственного уклада и размещения населения. Ввиду обостренных отношений с соседями туркмены селились, преимущественно, к северу от той линии, по которой сейчас проходит железная дорога.

Большинство населения туркменской области занималось скотоводством и нападениями на богатых соседей (по персидско-авганской границе и на Бухару и Хиву). Земледелием занималось незначительное количество населения. Приход русской власти в область совершенно изменил внутренний хозяйственный уклад и внешние взаимоотношения туркменского населения. Вот как описывает эту перемену в хозяйственной жизни туркмен, один из обследовавших Туркменскую область

В. В. Руснков в своем труде „Водоземельные отношения и общины туркмен“ (см. стр. 12).

„Русское влияние сказалось более сильно, нежели в области ирригации, в сфере техники полеводства и системы земледельческого хозяйства туземцев. Это влияние шло, главным образом, ввиду того обстоятельства, что с приходом в Закаспий русских земледельческое хозяйство туркмен приобщилось железнодорожным путем к европейской экономической жизни и стало испытывать на себе изменения экономической кон'юнктуры. Та эволюция, которую проделало туркменское земледелие за последние 20-30 лет одним культурным влиянием русской администрации не об'яснишь; гораздо больше значения, как действующая причина, имеет конечно, второй элемент—появление в Закаспийской области железной дороги, сделавшей туркмена земледельца поставщиком хлопка для прядильных и ткацких фабрик Московско-Владимирского района. Со сказочной быстротой растущая площадь хлопковых посевов меняет в корне не только систему хозяйства и полеводства, но несет с собою и большие изменения правового и социально-бытового характера у туземцев. Ниже мы увидим, что вместе с ростом хлопковой площади, раньше только передельные земли начинают превращаться в мюльки. Параллельно этому растет ценность земель, появляется стремление закрепить ее за собою и родовой обычай „адат“ дает под напором развития экономики трещину—появляется институт купли-продажи земель, по адату недопустимый. Растет прогрессивно цена на хлопок, увеличивается площадь посева на хлопок, растут и денежные обороты кочевников-туркмен и их хозяйство начинает все более и более превращаться из натурального хозяйства кочевника земледельца в денежное хозяйство промышленника-хлопковода. Нечего и говорить, что этот процесс, как по мановению волшебного жезла, превратил аламанщика-кочевника в мирного земледельца“.

Эта, более или менее правильно описанная, эволюция хозяйственных форм и разрушение прежнего родового быта у туркмен под воздействием торгово-ростовщического капитала и вынужденного перехода к оседлому состоянию ввиду стеснения жизненных условий, быстро происходили в жизни вчерашних кочевников-туркмен. Эта перемена развивалась параллельно с развитием хлопководства.

Площадь хлопковых посевов, начавшихся сеяться в туркменской области еще с 80-х годов, начинает быстро возрастать в своем количестве, в 1888 году было засеяно 160 дес., а к 1916 году уже площадь посевов хлопка возрасла до 60.362 дес., в 1915 году под хлопчатником было—57.466 дес., а на все остальные культуры (преимущественно зерновые) приходилось 106.31 дес.

Из всего количества хозяйств по Туркменской области кочующих к 1906-14 годам насчитывалось 3.5591 (77,7%), к 1917 году—1866 (3,3%).

Из всех хозяйств без всякого скота в 1917 году было 36%. В среднем на одно хозяйство приходилось десятин посева: у русских—6,7 дес., оседлых туземцев 2.3 дес., и кочевых—1,6 дес.

Развитие хлопководства, под которым занято было к 1917 году уже почти одна треть всей орошаемой площади Туркменской области, вызвало те же тенденции торгово-ростовщического капитала, какие мы указывали в отношении оседлых районов края, только с той разницей, что в Туркменской области развитие хлопководства заставило туркмен быстро перейти к оседлости в условиях разрушения родовых общин, тогда как у оседлых узбеков и таджиков этот процесс совершался еще до прихода русской власти в Туркестан.

Переселенцами в Туркменскую область явились, главным образом, выходцы сектанты из Кавказа и потом отчасти из коренной России. Поселились они в пограничной части с Персией (Гермабу и другие), которая была освобождена персами. Этой культурной территории сперва домогались туркмены, но царская администрация не удовлетворила просьбу последних и колонизовала ее русскими переселенцами. Помимо этого, переселенцы образовали поселки по Астрабадской линии, Гюргеню, а также по линии Теджена и Мургаба с Кушкой и с образованием „государева имения“ в Байрам-Али.

За 25 лет от начала колонизации области к 1916 году образовалось 17 поселков в пограничной полосе (по горным долинам), кроме того, по низменности и на взморье—11, а всего—28 поселков. На почве водо-землепользования тогда еще начались столкновения между переселенцами и туркменами. Один из правительственных чиновников так характеризует переселенцев:

„Здесь я считаю уместным сказать несколько слов относительно плохой репутации, установившейся за русским крестьянским населением. Главное обвинение сводится к тому, что там живут помещики, а православные еще и пьяницы. Относительно последнего утверждения спорить нельзя—действительно в пос. Скобелевке, Михайловке и других, частью и сектантских, замечается сильное пьянство. Происходит это от неумения культурно использовать свой достаток; бороться с пьянством и леностью приказами, значит просто обнаруживать беспомощность власти“. Далее тот же пишущий, указывая на привычку переселенцев жаловаться на свое плохое положение и всячески выманивать от администрации помощи, указывает следующее:

„Получается странное противоречие - на словах люди пропадают, в чужой стране, а на деле пьянство, лень, сдача земли и воды в аренду, что формулируют обычно выражением „живут помещиками“... Во многих местах в качестве работников и арендаторов у поселенцев работают туземцы“.

Особенно переселенческие поселки злоупотребляли излишками воды. Так, например, в поселке Скобелевке воды отведено столько (150 лит. для полей и 30 лит. для усадеб), что ее хватает на 8-9 дес. ежегодного полива, а земли всего 12 дес. на двор (300 дес. на 25 дворов). Туземцы же гораздо меньше обеспечены водой и вынуждены покупать воду у переселенцев в указанных районах.

Хотя главная масса туркмен текинцы в восстании 1916 года не участвовали, но тем не менее, среди них также господствовало большое недовольство, прежде всего, из-за ограничения ия в пользовании водой. Реки Мургаб и Теджен в летнее время несут мало воды, разбираются по пути, и населению, расположенному ниже, не хватает воды. Мургабское „государево имение" занимало площадь в 104 тыс. дес. на правом берегу Мургаба и поглощало очень много воды, так что остаток после орошения указанного имения уже использовывался населением, и на этой почве бывало много трений. К тому же водные бассейны, собирающие весеннюю воду, заплывали и становились бездействующими.

Восстание подняли в Туркменской области туркмены-йомуды, расположенные в районе реки Атрека и Гюргеня, частью входящей в Туркменскую область, а частью в Астрабадскую провинцию Персии. В этих районах туркмены вели, главным образом, земледельческое скотоводческое хозяйство, частью уходя в летнее время на летовки в Персию за Атрек. Более или менее удобные земельные площади и орошаемые местности были захвачены переселенцами. Сами кочевники, за отсутствием воды, пользовались дождевой водой, в частности, например, сохраняющиеся в западинах Ат-Акыра, куда относится и „озеро" Ших и Шаяр-ды. По побережью Каспийского моря развита была рыбопромышленность, являвшаяся источником пропитания многих туркмен. Но впоследствии эти рыбные промысла стали захватываться разными промышленниками (Леанозовы и другие), в ущерб интересам, находившим там пропитание, туркменов.

Основные причины восстания туркменских племен йомудов в Астрабадской провинции и Красноводском уезде Закаспийской области, таким образом, заключались в колонизации удобных для обработки земельных участков русскими переселенцами.

Юго-восточное побережье Каспийского моря своим плодородием и богатством привлекало внимание России еще при Петре Великом, когда по договору с Персией в 1723 г. весь этот район считался находящимся в составе Российской Империи. Астрабадская провинция в свои административные границы включала Персидский Туркменистан, а в северной части Русский Туркменистан, обнимая собою всю низменность к юго-востоку от Каспийского моря и к северу от Эльбурского хребта.

Низменность эта орошается реками Гюргень, Кара-Су и Атрек. Вся Персидская Туркмения орошается рекою Гюргень и отличается обилием своих рек, речек и ручьев и красотой своей природы. Чрезвычайно обильные рыбные промыслы по побережью Каспийского моря, по контракту персидского правительства с Леанозовым, до 1-го октября 1920 года находились в распоряжении последнего.

По всему этому пространству, главным образом, по берегам рек Гюргеня и Атрека, к северу от хребта Копет-Дага и в пределе Закаспийской области проживали туркмены. Вся земля, находившаяся в сфере их кочевания, туркменами считалась принадлежащею им, и в этом отношении никаких домогательств персидского правительства и его са

мого не признавали. На этой почве существовала между туркменами и персами исконная вражда. Туркмены-йомуды разделялись по численности на две главные ветви: Шериф, в составе которой главенствуют роды Джафарбаева и Чони во главе с родами Атабаев и Ак-Атабаев. 85 % йомудов перестали к тому времени уже кочевать и аулы их носили постоянный характер. Кочевая часть („чорва") проводит на Гюргене только 4-5 месяцев, а на остальное время уходила в пределы Закаспийской области. Земля у туркмен из общинного владения в большинстве уже перешла в мюльк (частную собственность).

Первыми поселенцами на туркменских землях явились русские „арбабы"—помещики из русских генералов, офицеров, чиновников, армян, немцев и казаков, имеющие деревни из „крепостных" персидских крестьян и приобретавшие земли при содействии персидских чиновников на выгодных условиях. Крестьянское заселение Астрабадской провинции начинается с 1907 года. К 1915 году насчитывалось переселенцев в количестве 451 орошенных хозяйств, с частновладельческими хозяйствами до 650 и 660 семей. Средняя величина надела в разных поселках была не одинакова. Так, например, в Лавровке на одно наличное хозяйство приходилось 63 дес. удобной земли, в Покровском—15,1 дес. и в Константин-Ивановском—53,4 дес. Некоторые поселки одновременно в большей части своего хозяйства занимались скотоводством. Так, например, в молоканском Кара-Су в среднем на хозяйство приходилось 22,5 голов. *)

Переселенческие чиновники еще в 1915 году считали возможным переселение в Астрабадскую провинцию еще 30000 душ обоего пола.

На почве изъятия удобных земель у туркменского населения, из-за водопользования, всяких недоразумений на почве потрав и захвата лугов и т. д.—между переселенцами и туркменами происходили бесконечные недоразумения. Еще в 1916 году, как раз перед восстанием езливший для обследования Астрабадской провинции начальник переселенческого управления Г. Ф. Чиркин в заключении своего отчета писал следующее:

„Если воссоединение всего русского племени под одной сенью Великой Русской Державы в полной мере ответит психологически русским стремлениям, если Босфор и Дарданеллы составляют „ключи нашего Дома" то упрочение России в Астрабаде и Мазандеране в значительной мере искупит наши затраты на военное дело и сильно увеличит наше богатство. В политическом же отношении мы восстановим наследие Петра Великого, оценившего уже 200 лет тому назад своим гением южное побережье Каспия и утвердившего Россию у Эльбурса".

Это великодержавное стремление Российского империализма недешево стоило кочевникам-туркменам, которых обрекали на вечное кочевание по просторам безводных песчан и пустынь. Инстинкт самосохранения и борьбы за существование поэтому заставили туркмен поднять знамя восстания в 1916 году.

*) Сахаров—Русская колонизация Астрабадской провинции, стр. 28.

Что же касается экономических и социальных группировок среди самих туркменских родовых общин, то нужно сказать, что здесь тоже уже наметились определенные группы эксплоататоров и эксплоатируемых. Туркменское землепользование прежде всего основывалось на наделении водой каналов и арыков и на основе общинно-родовых правил. В распределении воды и земли заложено было первое условие неравенства. Одни роды пользовались большим количеством воды, а, следовательно, и землей, а другие роды—гораздо меньшим количеством. Так, например, в Мервском оазисе род Тохтамыш более многочислен, чем род Отамыша, вода делилась между ними почти поровну; внутри этих родов между отдельными общинами распределение производилось еще более нерационально и несправедливо. Например, общество Берсен, имеющее почти 1000 хозяев, получает воды столько же, сколько соседнее общество, насчитывающее сотни две—три. „Су" как земельный надел, состоял из двух наделов земли: мюлькового и санашикового. Первый считался лучше орошенным и находившимся в отдельном пользовании отдельных хозяев, а вторые наделы (санашиковые) являются общинными в одном или разных местах. Несмотря на запрет родовых правил „адата" продажа и купля земли, в связи с оседанием туркмен и с распространении хлопковых посевов происходили почти повсеместно.

Социальное неравенство в туркменском обществе создавалось, помимо причин неравномерного земле-водопользования, также неравномерным распределением количества скота, обладанием денежными ценностями, причастностью к администрации и т. д. В восстании туркмен 1916 года, хотя непосредственных расправ с должностными лицами туркменскими не было, но тем не менее, ненависть к известным слоям администрации, включая и туркменский элемент, а также вражда между имущими и мало имущими племенами и общинами существовала.

Таким образом причины восстания туркмен в Туркменской области в 1916 году заключались, с одной стороны, в крестьянской колонизации кочевых районов в Туркмении и, с другой стороны, во внедрении торгового капитала и в связи с этим в усилении вмешательства царской администрации в туркменское хозяйство и быт.

На других причинах недовольства туркмен чисто административного, межплеменного и т. п. характера останавливаться не будем. Правда, туркмены—йомуды, как элемент свободолюбивый, подвергались до некоторой степени и со стороны персидской администрации тем не менее основные причины их недовольства, конечно заключались в вопросах водо и землепользования и политических притеснений.

По Аму-Дарьинской области. волнения были в 1916 году в Чимбайском районе.

Из 5-ти естественно-экономических районов указанной области Чимбайский район занимает среднюю часть дельты реки Аму-Дарьи и представляет район почти чисто земледельческий.

По всей Аму-Дарьинской области из всего количества 33.509 хозяйств почти половина (45,5%) приходилось на долю кара-калпаков, 24,6% на долю киргиз, 21,6% на долю узбеков, 6,4% — туркмен, остальные же 649 хозяйств (1.9%) распределялись между персами, каджами, арабами, таджиками, русскими и т. д. („Материал по обсл. коч. и осед. туз. хоз. и землепольз. в Аму-Дарьинской обл." стр. 129)

На Чимбайский район приходилось почти половина населения области. Основу занятий населения, как мы указывали, составляло земледелие. У туркмен и узбеков 9/10 всех хозяйств имели посевы, а у киргиз 3/4, но посевы незначительные по размерам. Около половины всех хозяйств засевало в среднем до 3 десятин, 17% совсем не сеющих, 27,4% сеют от 3 до 5 дес. и лишь около 5% хозяйств засевают более 5 десятин.

Безлошадных хозяйств было 39%, с одной лошадью 45%, с 2-3 лошадьми—10,2% а выше остальные. В среднем вообще скота на одно хозяйство приходилось от 3—5 до 4—5 голов, а у киргиз до 4—6 голов.

В этих районах, хотя и преобладала зерновая культура, но в последующем постепенно быстро росла площадь хлопковых посевов. К последним больше тяготения имели беднейшие слои населения. Ввиду отдаленности Аму-Дарьинской области чрезмерной отсталости ее населения, здесь больше проявился произвол царской и туземной администрации и торгового класса.

Г. Деятельность царизма по линии администрации. суда и просвещения.

Как в капиталистических странах аппарата власти (администрация, суд, школа и т. д.) служат непосредственным орудием угнетения трудящихся классов капиталистами, так и в Туркестане колониальная власть, состоящая из русских и туземных чиновников, служила орудием угнетения в руках русского и туземного торгово-ростовщического капитала. переселенческого кулачества и зараждавшейся бае-манапской родовой буржуазии.

Вся российская колониальная административно-полицейская надслойка, начиная от генерал-губернатора и кончая уездными начальниками и участковыми приставами, опиралась на местах непосредственно на туземную администрацию в лице волостных управителей. старшин, казиев и баев, вербовавшихся, главным образом. из имущих слоев местного населения. Под видом сохранения в неприкосновенности местных обычаев и самоуправления туземцев, зиждившихся на основах „шариата" и „адата" (обычного права) царская власть умело использовала весь этот паразитический туземный элемент в своих интересах. приноравливая к последним правила того же „шариата" и „адата", служивших до того орудием в руках туземных имущих классов. Для сочетания этой взаимной заинтересованности и создано было соответствующее положение об управлении Туркестанским краем.

Указанное положение об управлении краем являлось лучшим доказательством того, как царская власть поняла выгодность и необходимость сочетания своих фискальных интересов с интересами эксплоататорской верхушки туземного населения для совместного и более умелого грабежа трудящихся.

Как выше мы указывали, администрация играла огромную роль в колонизации переселенцами Туркестана, разрешения земельных споров между киргизами и крестьянами, проводя земельную политику в интересах кулаков и баев, стараясь всячески в этих случаях поживиться за счет бедноты. В докладной записке одного из очевидцев восстания в 1916 году киргиз в Джетысуйской области о деяниях администрации подлинно сообщается следующее (хотя длинно, но приведем эту выдержку):

„Образованное в 1903 году в области переселенческое управление, несколько сдерживавшееся генералом Поповым, усилило свою деятельность с 1909 года, когда вступил в управление областью генерал Фольбаум, который, сойдясь с бывшим заведывающим переселенческим делом Велецким, приступил к беспощадному отбиранию киргизских земель с готовыми оросительными каналами, с садами и клеверниками. В результате, через 6-7 лет у киргиз не то, что все лучшие, не более или менее сносные земли были отобраны и киргизы согнаны на пески и др. безводные места. Жалоб и каких либо протестов не полагалось. Единичные смельчаки преследовались под разными соусами, как политические преступники.

Временные комиссии, через которые проходили проэкты земельных изъятий, составлялись из людей искренно преданных политике переселенческого ведомства и генерала Фольбаума. Киргизские доверенные участвовали в таковых лишь для соблюдения формальности: во многих случаях протесты их заносились в протоколы комиссии в искаженном виде. Некоторые переселенческие чины (Юдин и другие) доходили даже до того, что, обещая устроить на лучших землях, уговаривали киргизских доверенных подписывать незаполненные текстом листы бумаги, которые затем использовывали для целей изъятия. Многие чины переселенческого управления попутно с работами по изъятию земель, просто занимались грабежом и обиранием киргиз.

Почти никто из переселенческих чинов не платил за выставлявшиеся для них юрты, за баранов, за лошадей, а иногда и рабочих. Фольбаум после своего прибытия в город Верный об'явил казакам и крестьянам, что де он считает недопустимым, чтобы киргизский скот травил крестьянские поля и приказал киргизским волостным управителям платить за всякую утерявшуюся у русского населения скотину и за каждую мало мальскую потраву. Распоряжение это на столько понравилось казакам и крестьянам, что некоторые стали искать за потраву и скот чуть ли не с основания области“.

Далее, указывая на разные курьезы по взысканию за фиктивные кражи, потраву, пишущий выше указанный доклад перечисляет ближайших сотрудников Фольбаума следующим образом:

1) Бывший Верненский уездный начальник—известный карьерист и каратель, герой Джизакских событий полковник Павел Иванов (бывший потом военным министром Колчаковского правительства), сыгравший очень важную роль в перемене условий жизни Семиречья в первые годы губернаторствования Фольбаума.

2) Бывшие заведующие переселенческим делом в области г. г. Велецкий и Шлегель.

3) Пржевальский уездный начальник полковник Валерьян Иванов, любимец Фольбаума, доведший Пржевальский уезд до полного разгрома.

4) Полицмейстер города Верного Поротиков, самый интимно близкий человек Фольбаума, составивший за короткий срок службы хорошее состояние, развивший сеть особой системы сыска в области и захвативший благодаря этой системе и интимности отношений с Фольбаумом—всю почти административную власть области в свои руки. Этот Поротиков сыграл громадную роль и в возникновении киргизских беспорядков.

5) Начальник Атбашинского участка Хахалев, бывшие жандармские офицеры Астраханцев и Соколов, сделавшие совместно с Поротиковым для области много зла, при них особенно, Поротиков, очень сильно проявил свою злую и провокаторскую деятельность: развил в громадном размере агентуры, поставив во главе некоего сарта Закирбая Исабаева, сделавшегося из картежника-кумаргаза богачем. Агенты Поротикова всюду были в большом почете, раз'езжали по степи на переменных лошадях и открыто обирали народ. Жаловаться было некому и очень рискованно. Вот один из многих фактов, рисуемый в докладе человека, лично видевшего такие деяния царской администрации.

Вопросы налогов и повинностей, ирригации и лесоводства и т. п. —являлись хорошими лазейками для указанного беспощадного грабежа. Всякие малейшие споры по вышеуказанным вопросам использовывались для того, чтобы или наложить „штраф" или сейчас же „изъять" землю в пользу казны. Царская администрация старалась сохранить старые феодальные отношения в туземном обществе и завербовать на свою сторону не только туземную буржуазию, но и духовенство.

В качественном отношении в аппаратах власти сидели отбросы российского чиновничества, ибо в Туркестан, в большинстве попадали всякие искатели легкой наживы, действительно через короткий срок наживавшие большие капиталы. У туземцев даже выработался соответствующий взгляд на способности чиновников: так в глазах населения, если волостной управитель, после своего назначения не богател сразу, то такого волостного считали малоспособным администратором.

Уездные начальники и пристава прекрасно знали, „безбожное" обирательство туземной администрацией населения, но делали вид, что не замечают, ибо это было в их интересах. Переводчики, писаря и джигиты (туземные полицейские из туземного населения) являлись посредническим связывающим звеном с туземной администрацией и грабили население через них. Минуя переводчиков или делопроизводителя ст. с

не давши на чай) трудно было добраться до самого пристава или уездного начальника. Бай и кулак грабили беднейшее население беспощадно. Обращения последних с жалобой к высшей администрации всегда почти кончались неудачей, ибо право было за тем, кто обладал средствами.

Вот что пишут об этот грабеже туземного населения администрацией даже видные чины самой царской администрации.

Куропаткин в своем „всеподданнейшем" докладе на имя царя о причинах восстания, сознаваясь в стеснении киргиз в земле и грабеже дехкан торгово-ростовщическим капиталом, в отношении деятельности администрации пишет следующее:

„Штат (администрация) определили малочисленный и плохо материально обеспеченный. Этими мерами передали фактическую власть над населением в руки туземной администрации: волостных, казиев и биев. Эти туземные власти заслонили население от администрации и приобрели огромную силу. В большинстве они служат по многу лет и не по выбору, а по назначению. Они по проявленному ими произволу как бы вернули времена до завоевания края русскими (власть беков). Народный суд стал неправый и неравный и вызвал, кроме Закаспийской области недовольство населения„. Дальше Куропаткин ссылается на грабежи лесных сторожей и другие деяния администрации. В отношении туркменского населения Куропаткин в одном месте пишет так:

„К сожалению, с 1912 года среди туркмен, особенно Мервского уезда возникла между отдельными лицами и отдельными партиями острая рознь из-за неумелой, а в отдельных случаях и преступной деятельности низших агентов охранного отделения. Неосторожное набирание охранных агентов даже среди невежественных туркмен, дало этим избранным вредную и опасную власть. Начались сводиться личные счеты на почве политической неблагонадежности, взимались взятки, а непающих заключали в тюрьму по доносам политической неблагонадежности. Командированый по моей просьбе военным министром судебного ведомства генерал-лейтенант Игнатович подробно выяснил виновность отдельных лиц. кои, прикрывшись целью политического сыска, преследовали только личные цели".

Что же касается непосредственно туземной администрации (волостных, старшин, биев, казиев, ак-сакалов и др.), то она на основе положения об управлении Туркестанским краем, действительно полновластно грабила население. Чины туземной администрации не ограничивались только грабежом от имени царских высших администраторов в соучастии с ними, но грабили также непосредственно от себя. У кочевников толкование родовых обычаев „адата" можно было использовать всячески, и туземные администраторы и баи использовывали его в своих интересах.

„Ак-паша" (белый царь) „жарым-паша" (генерал-губернатор) для туземного населения были где то далекими властями, но свои непосредственные „паши" и „жарым-паши" (в лице волостных и биев) были гораздо страшнее и ненавистнее. Беднейшие кочевники и дехкане еще

у русского уездного начальника или пристава и мирового судьи имели надежду найти „справедливость" но зато никакой надежды не питали на своих туземных „чинов". Тут уже никакой правды нельзя было найти.

Мы не будем останавливаться подробно на характеристике деятельности волостных и старшин, через своих джигитов грабивших население, а остановимся, в частности на характеристике деятельности туземных народных судов „биев" и „казиев". Таковыми судьями могли быть только имущие элементы. Решение судьи всегда основывалось на том, кто больше „даст". Туземные судьи грабили обе тяжущиеся стороны, но и выигрывал тот, который больше сумеет уплатить. Конечно, при такой системе выигрывали баи и манапы.

Бии и казии имели большую власть, могли приговаривать к тюремному заключению до 18 месяцев или оштрафовывать официально до 300 руб., а неофициально больше, без аппеляции в русский суд, в том случае, если тяжущиеся стороны одни киргизы или одни узбеки. Тут бедняку было от чего заставлять себя „молчать", подчиняться своей участи, не обращаться к русской администрации.

Не лучше обстояло дело с чрезвычайными с'ездами биев и казиев нескольких волостей или уездов, куда иногда обжаловались решения отдельных судей. Прежние решения, или отменялись или оставлялись в силе в зависимости от того, кто давал большую взятку.

Среди оседлого населения, помимо вышеуказанного, истолкователи „шариата" при казиях давали заключения, перевертывая шариат в таком смысле, что бедняк оказывался всегда виноватым, и так на основе „шариата" „раз'ясняли" ему, что он действительно в конце концов уверялся, что он виноват.

В области культурного развития туземного населения Туркестана интересы царизма направлены были к поддержанию всемерно первобытного состояния и невежества среди населения, ибо темный народ можно было гораздо лучше держать в подчинении, чем просвещенный. Если делались какие либо попытки насаждения школ и просвещения, то они были направлены по линии обрусения и миссионерства. Мало того, обещая населению открывать городские училища и гимназии, деньги, собранные администрацией с населения для указанной цели, администрация употребляла в своих интересах или, если открывались соответствующие учебные заведения, то туда принимали почти исключительно детей русской чиновничьей бюрократии, отказывая в этом туземцам со ссылкой на неподготовленность.

В крае (по Масальскому) еще в 1906 году всех русских школьных заведений было 413 с 30.326 учащимися, из которых около 20% приходилось на туземцев. Туземцы больше всего учились в русско-туземных школах (числом до 90) и учительской семинарии, преследовавших миссионерско-обрусительные цели. Туземных учебных заведений старого типа: медресе, мектебе и др. имелось в крае до 6.300 с 75.000 учащихся. В этих учебных заведениях преподавание имело характер

более религиозный и схоластический, с господствующим влиянием духовенства. Зараждавшиеся новометодные (реформаторские) школы „джадидов“ еще были малочисленны.

Как к русско-туземным училищам относились туземцы свидетельствуют сами видные представители колониального русского чиновничества. Вот что писал В. Т. Наливкин: „Осенью 1885 года были открыты 2 школы в селениях Ташкентского уезда. Сельское население отказывалось отдавать своих детей в новые русские школы. Не хотели отдавать их сюда и чины туземной администрации и „почетные влиятельные“ туземцы. Часть детей (было приказано доставить их в определенном количестве) была насильственно взята у разной мелкоты, находившейся в личной зависимости от волостных управителей и сельских старшин; другую часть наняли у беднейшего населения. В Пискенте открытие школы состоялось в присутствии губернатора. Рано утром собрали по праздничному одетых детей. У некоторых губы от страха побелели и дрожали. Но вскоре мальчики обошлись. У ворот и дверей стояли джигиты волостного управителя, опасавшегося, что в критический момент дети разбегутся. На плоских крышах домов, соседних с помещением школы, сидело несколько сот туземных женщин. Приехал губернатор. Его тотчас же окружила живая стена приспешников. Не успели последние разинуть рты, дабы начать свои обычные уверения в преданности населения, в его неизреченной благодарности и т. д., как на крышах поднялся невероятный вой: сартянки, матери, сестры, бабушки и знакомые будущих знатоков русского языка голосили, причитывая о них как о покойниках. Губернатор был смущен, но джигиты быстро разогнали баб и порядок был восстановлен“.

Дальше указывается о сборе волостными управителями с населения денег, для найма учеников в русско-туземные школы, когда волостные управители не зевая в этом случае „поживились“.

Эти данные показывают, как в культурном отношении угнетали трудящиеся массы русские культуртрегеры: администраторы и купцы, а также туземная буржуазия. Русская администрация в религиозно-культурных притеснениях доходила до того, что пыталась даже официально повесить колокола в мечетях, а некоторые уездные начальники пробовали заходить с собаками во время молитвы в мечети.

Останавливаться на фактах недовольства и волнений среди туземного населения еще до восстания последнего в 1916 году, всяческих гонениях администрации, на зачатки политической организации туземного населения, туземной печати и т. д. не будем.

Агенты российских фирм, и их союзница—туземная торговая буржуазия, переселенческое кулачество и его союзники—киргизские баи и манапы, вкупе со всей царской колониальной русской туземной администрацией—в глазах туземных трудящихся представлялись без всякого подразделения на „своих“ и „не своих“ одним и тем же враждебным классом, со стороны которого шли всякие бедствия и напасть на бедноту и были все одинаково ненавистны.

И против этой административно-паразитической надслойки, служившей прикрытием и орудием в руках русско-туземного торгово-ростовщического капитала и кулачества должны были рано или поздно выступить решительно туземные трудящиеся.

VII. Общая характеристика социального состава повстанцев 1916 года.

Подводя итоги результатам и причинам восстания туземцев Туркестана в 1916 году, остановимся еще на выяснении социального состава основной массы повстанцев и роли в этом восстании духовенства, интеллигенции, отдельных слоев европейского населения и политических партий. Тем более это интересно, что восстание 1916 года происходило как раз накануне приближавшихся величайших революционых событий февраля и октября в России.

Восстание 1916 года было восстанием, можно сказать, всенародным и революционным по всей сущности. Восстание массы обрушилось со всей своей накопившейся десятилетиями ненавистью на своих и пришлых эксплоататоров, не делая в данном случае различия по национальным признакам, а рассматривая их, как своих общих классовых врагов. События 1916 года были исключительным явлением в дотоле относительно мирной жизни Туркестана и первым всеобщим массовым выступлением против царской администрации после ее 50-летнего владычества над порабощенным ею туземным населением.

Мировая империалистическая бойня, исход которой для России уже определился к 1916 году, всеобщее возбуждение и нарастание революционной бури в России, оживление политической мысли и политического возбуждения в окраинах, а в Туркестане восстание народных масс в 1916 году—должны были заставить задуматься политические партии Средней Азии, определить их отношения между собой и к отдельным классам туземного населения.

Восстание туземцев в 1916 году было настолько грандиозным по размерам и настолько в то же время неожиданным, вызвавшим всеобщее возбуждение и охватившим миллионы вчерашних покорных туземцев, что действительно чувствовалось порой, что административно-колониальная надслойка царизма и туземные эксплоататорские верхушки будут разбиты в недалеком будущем. Малочисленность тогда на территории Туркестана царских колониальных войск, невозможность быстро перекинуть из России подкрепления, тревожное состояние царского правительства в связи с германским наступлением и возбуждением на Востоке, создавало неуверенность в завтрашнем дне у царской колониальной буржуазии в Туркестане: она всерьез опасалась за свое положение, настраиваясь даже панически, когда начались беспорядки туземцев одновременно в разных концах края и стало доноситься о ряде разгромов администрации и укрепленных пунктов.

Все существование колониальной русской буржуазии зиждилось на эксплоатации туземного населения и восстание последнего не только создавало опасность непосредственного разгрома поднявшими знамя „священной войны“, но и потерять навсегда имущественное свое благосостояние. Это паническое настроение европейского населения особенно заметно было в первой половине восстания, когда еще неизвестно было во что оно выльется. Европейское население пригородных районов и сел переезжало быстро с имуществом в ближайшие городские местности, где имелись военные силы для самозащиты, по возможности самовооружались, создавали в некоторых местах добровольные дружины (пример: Верный, Пржевальск и поселки).

Этим чувством паники охвачена была не только руская буржуазия, но и туземный торговый класс и байский элемент, существовавший на эксплоатации туземных трудящихся и незаинтересованный в восстании 1916 года, ибо режим царизма во многих отношениях был для них выгоден. Но об отношениях туземных эксплоататорских классов к восстанию мы скажем дальше. Сейчас необходимо определить социальную физиономию самих повстанцев.

Как мы видели, в кочевых и полукочевых районах недовольствие местного населения в основном накапливалось по линии земельно-крестьянской колонизации и на почве отбирания у населения всех удобных земель и отодвигании его в менее плодородную степь, вынуждая заниматься только скотоводством-неустойчивой формой хозяйства, всегда зависевшей от климатических условий и земледельческого населения. В процессе земельной колонизации, как мы видели при изложении основных экономических причин восстания, при отчуждении или прямо из'ятии у целых аульных обществ земельных площадей, всегда огромную роль играла туземная местная администрация и имущие байско-манапские элементы. Чины переселенческой администрации всегда, прежде чем начать свою работу в каком либо из районов, сговаривались с этими эксплоататорскими верхушками, т. е. так называемыми „влиятельными людьми“, при помощи которых можно было легко провести свои цели по из'ятию земель.

Киргизские баи и администраторы видели в работах Переселенческого Управления возможность наживы и меньше всего опасались экономического стеснения в отношении себя. Ни одна „аренда“ земель по рублю и меньше (как в большинстве практиковалось) у киргиз переселенцами или городскими мещанами не обходилась без посредничества этих „влиятельных лиц“. Последние получали, так называемые, „темные“ сборы в свою пользу и таким образом общественные земли, принадлежавшие целым родовым общинам, оказывались запроданными за бесценок переселенцам. Во всех спорах о воде и лугопользовании, о пастбищах и т. д. киргиз с переселенцами опять-таки наживались эти байские элементы, за счет бедноты. Вся туземная администрация была, по положению об управлении Туркестанским краем, приспособлена к эксплоатации туземного населения. Подати и повинности, всякого рода

поборы, взыскания с обществ тех или других штрафов,—все это ложилось на плечи бедноты и средних слоев. Во всех этих случаях туземные администраторы ак-сакалы и баи, старались с себя свалить вину на русскую администрацию и переселенцев-крестьян, указывая, что именно по их принуждению и для их надобности они производят те или другие „поборы".

Таким же эксплоататорским элементом в глазах киргизских масс являлись все туземные чины, пристроившиеся при русской администрации в лице переводчиков, писарей и даже „джигитов" (туземных полицейских). Ненавистны были для них разные торговцы, всегда расселявшиеся по поселкам и городским пунктам в лице разных пришлых сартов, армян, татар и т. д., дававшие кочевникам ситец и всякие другие товары по дорогой цене „в рассрочку" на „проценты" под „осенний урожай".

Ко времени восстания против царизма среди самого казак-киргизского населения появился уже свой класс ростовщиков (хотя немногочисленный), ссужавших под огромные проценты деньгами и скот бедноте.

Суды, администрация (выборные волостных, старшин, биев и т. д.) компании, всякие междуродовые и племенные споры, барымта, тяжбы на почве купли-продажи женщин, споры между самими киргизскими общинами по вопросам земли водо-лугопользования и т. д.—все эти моменты являлись выгодными для эксплоатации и фальсифицирования обычаев „адата" администраторами ак-сакалами и биями. Киргизские баи и манапы основывали свое господство над беднейшей частью киргизского населения на обладание большим и лучшим стадом скота, лучшей частью общинно-родовых земель, пастбищами, связью с киргизской администрацией (волостные старшины и бии), состоящей из-тех же баев и служившей посредницей в эксплоатации русской администрацией киргизских масс.

Беднейшие средние слои носили общее наименование „кара-пухара" (чернь или подданные); сюда входили сельско-хозяйственные батраки, (серик или уртакчил кошчи) беднейший земледелец, чарва (кочевой бедняк), джилкиши этикчи и другие более многочисленные середняцкие элементы.

Если принять во внимание число батраков, малаев, кошчи и т. д., занятых в казачьих, крестьянских и байских хозяйствах в кочевых и полукочевых районах и прибавить сюда огромный слой середняцких элементов киргиз, то „кара-пухара" составит почти ¾ всего киргизского населения, представляющего собою об'ект эксплоатации и слой вечно недовольный.

Среди оседлого населения: узбеков, таджиков и других, как мы видели, классовая диференциация проявилась более резко, чем среди киргиз. На почве разрушения основ феодально-патриархальных отношений и проникновением капиталистических начал в хозяйство оседлого населения, в связи с развитием хлопководства здесь сформировалась определенно байско-торговая буржуазия в лице городского туземного торгового класса, хлопковых посредников, предпринимателей и приказчиков,

кишлачных кулачков, ростовщиков, туземной царской администрации, состоящей в большинстве из вышеуказанных элементов и т. д.

На ряду с этим мы видим огромное количество беднейшего дехканства (безземельных и малоземельных): чейрикеров, уртачей и рабочих торгово-промышленных предприятий, кустарей и мардекеров (чернорабочих), а также огромное количество середняцкого земледельческого элемента оседлого населения. Среди туркменского населения категории социально-экономических групп распределяются, примерно, почти так же как и среди киргиз.

Начиная со Старого города Ташкента, по уездам Сыр-Дарьинской области и уездам: Джизакскому, Ходженскому и Катты-Курганскому Самаркандской области, по уездам: Андижанскому, Кокандскому и Скобелевскому Ферганской области и по всем остальным областям: Джетысуйской, Туркменской и Аму-Дарьинской основной элемент повстанцев **составил выше определенный нами слой беднейших и середняцких элементов туземного населения.** Выступление повстанцев имело активный характер в тех районах, где беднейшие и середняцкие слои населения больше всего подверглись эксплоатации царизма и туземной буржуазии.

Среди оседлого туземного населения почти вся туземная буржуазия отнеслась отрицательно к восстанию масс 1916 года, ибо в этом восстании она усмотрела поход черни и против себя и против своих имущественных интересов. Туземная буржуазия, хотя и была недовольна царской колониальной властью, но согласна была скинуть эту власть и устранить ее конкуренцию в том случае, если она сама в результате этого могла бы непосредственно господствовать над трудящимися массами. Она стремилась к этому, но хотела этого добиться не революционным путем, как поступили массы в 1916 году. Зная враждебное настроение к себе беднейших слоев населения, будучи почти незатронутой мобилизацией рабочих (ибо последние были набраны больше из бедняков) заинтересованная в торгово-промышленных и административных предприятиях царизма, туземная буржуазия поэтому не поддержала восставшие массы, о чем свидетельствовали в своих докладах из отдельных областей сами областные губернаторы (Гиппиус, например, расхваливал „патриотическое“ поведение туземной имущей верхушки в Фергане), а в Старом городе Ташкенте, например, как мы видели, многие торговцы и баи во время беспорядков поспешно выезжали в загородные дачи.

Во второй половине периода восстания туземцев, когда администрация взялась за усиленную агитацию на ряду с военными действиями туземная буржуазия приняла активное участие в этой агитации, всячески стараясь доказать перед администрацией свою преданность разными добровольными „пожертвованиями“ в пользу армии (хотя эти пожертвования собирались опять таки с того же „пухара“), манифестациями с патриотическим лозунгом, пышными приемами администрации с угощением „пловом“, „резанием баранов“ и т. д., тоже в большинстве за счет бедноты.

В начале восстания несколько растерявшаяся туземная буржуазия и туземные администраторы, после нанесения сильных ударов повстанцам, поспешили изъявить свою покорность и верность приказам „белого царя“ и готовность итти в огонь и воду во имя последнего. Многие туземные администраторы (волостные, ак-сакалы, бии, казии, переводчики), даже старались в этот момент чем-нибудь „выслужиться“ перед администрацией, чтобы укрепить свой авторитет в глазах начальства. Это отношение туземной эксплоататорской верхушки проявлялось в той или другой степени повсеместно среди коренных национальностей Туркестана.

Поэтому естественен был разгром во многих местах повстанцами прежде всего туземных чинов администрации и их канцелярий, где хранились всякие налоговые списки, списки мобилизуемых рабочих и т. д. Резче всего нападение на туземную администрацию наблюдалось среди оседлого туземного населения. Правда, отчасти среди того же оседлого населения, главным образом, среди киргизского и туркменского, были случаи, когда родовые руководители и даже волостные (например, сыновья Шабдана Джантаева во главе повстанцев Пишпекского и Пржевальского уездов и другие) оказались в рядах и во главе повстанцев, но причину этого нужно усмотреть в том, что в этих случаях, в виду широкого размера восстания масс данного района, родовые старшины не могли оторваться от масс или рода, ибо в противном случае последние разгромили бы их, как изменников, а переход открыто на сторону царской администрации все равно не спас.

Переходя к роли туземного духовенства, нужно сказать, что последнее пользовалось влиянием, главным образом, среди оседлого туземного населения. Среди киргиз и туркмен оно имело меньше всего влияния. Духовенство в лице мулл, ишанов и т. д., являлось выразителем отживающих феодально-патриархальных отношений и было в корне недовольно всяким европейским новшеством и прогрессом.

Во всех реформах царской власти, в развитии торгово-ростовщического капитала, разрушения основ феодальных отношений и т. п. — духовенство видело прямое нарушение своих интересов и подрыв почвы под ним. Духовенство ненавидело новую зарождавшуюся более гибкую и прогрессивную туземную буржуазию и национальную „джадидскую“ реформаторскую интеллигенцию, также покушавшуюся на старый уклад жизни и стремившуюся произвести реформы в ней. Поэтому социальное недовольство беднейших масс против своих эксплоататоров и борьба духовенства против них же за сохранение старых устоев жизни, находили иногда общую линию, на совершенную противоположность и туземное духовенство, как только где-нибудь возникали волнения масс в Туркестане, принимало в большинстве случаев в них участие.

Так, например, Андижанским восстанием руководили ишаны. В оседлых районах в 1916 году многие муллы оказались в рядах и даже во главе повстанцев. Тут необходимо вспомнить поведение духовенства во время февральской, особенно октябрьской революции в Туркестане,

когда оно также разошлось в своих взглядах с туземной буржуазией и „джадидской“ интеллигенцией по политическим вопросам, как например, духовенство высказалось против „Кокандской автономии“, об‘явленной туземной буржуазно-националистической интеллигенцией.

Что же касается учащихся медресе и мектебец, то тут были сторонники духовенства, но были, конечно, и действительные выходы из низовых слоев населения, социально сочувствующие восстанию масс. Многие учащиеся этих туземных школ приняли активное участие в восстании. Среди киргиз и туркмен, как мы указали, родовые старшины и ак-сакалы, с одной стороны, не хотели терять своего авторитета среди населения, с другой стороны, они также были недовольны всякими новшествами, разрушавшими чистый родовой патриархальный уклад жизни и обычаи кочевников, и поэтому оказались сторонниками восстания. При этом нужно указать, что родовые начальники и ак-сакалы (старшие) не всегда совмещали в своем лице администрацию, ибо таковыми бывали иногда просто люди старые, с большим житейским опытом, чем остальные, и к ним молодое поколение относилось с уважением.

В восстаниях киргиз и туркмен именно такие элементы играли в большинстве главенствующую роль, а не волостные и старшины. Весь причастный к царизму административный слой туземцев, более гибкий и приспособившийся к новым условиям (так сказать родовая кочевая буржуазия) или поддерживал царскую администрацию и был против восстания или просто пассивно относился к этому восстанию. Что же касается всяких ростовщиков, торговцев, скотопромышленников, джальданов и предпринимателей в большинстве из сартов, татар, армян и т. п. внедрявшихся среди киргиз, то большинство их оказалось прямым союзником царской администраций, переселенческого кулачества и принимали по мере возможности даже участие в карательных отрядах администрации, желая из этого предприятия извлечь пользу.

Тут особенно интересна роль в восстании 1916 года национальной туземной интеллигенции. Интеллигенция, нельзя сказать, что она не имела направления и организации, она таковые имела, но выявляла их своеобразно. Также своеобразно было ее отношение к восстанию туземцев 1916 года.

В киргизской части населения Туркестана и Киргизии буржуазно-националистическая либеральная интеллигенция в лице своих более передовых и просвещенных слоев об‘единялась тогда вокруг издававшихся ряда газетных и журнальных органов, вроде „Айкапа“ или „Казак“ и других, руководимых Алиханом Букейхановым, Х. Дулатовым, Ах. Байтурсуновым, Мустафа Чокаевым и друг. В начале руководители этой высшей интеллигенции примыкали к конституционно-демократической (кадетской) партии. Потом в среде киргиз во время февральской революции эта национальная интеллигенция оформилась в национальную политическую организацию „Аллаш“, преследовавшую цель национально-политического развития киргиз и пробуждения их сознательного национального чувства.

Эта национально-либеральная интеллигенция киргиз являлась выразительницей идеологии и стремлений по существу киргизских имущих классов и занимала часто большие должности в царской администрации. Эта кадетствующая интеллигенция отнюдь не была недовольна своим личным положением и вовсе не имела намерения порывать с русской буржуазией. Она была, как и кадеты, против существовавшего тогда строя и администрации царизма на местах в киргизских районах, была против земельной царской политики, но работала дружно с российскими буржуазно-демократическими партиями. Эта интеллигенция на страницах своей печати охарактеризовала восстание киргиз, как преждевременное, ненужное, указывая, что все недоразумения можно было бы уладить мирным путем. Она призывала мобилизованных идти на фронт, защищать общие интересы, убеждая, что по успешном окончании войны, правительство не забудет и киргизский народ. Писали по этому поводу целые воззвания, ибо чувствовали неизбежность неудачи восстания; не понимая коренные причины, думали, что восстание дело рук авантюристов; с другой стороны, хотели этой своей позицией создать себе авторитет в глазах российской буржуазно-демократической общественности. По основной экономической причине восстания киргиз в 1916 году, по земельному вопросу, та же интеллигенция, выражая недовольство деятельностью Переселенческого Управления, однако, не шла дальше взглядов кадетской партии в своих требованиях по этому вопросу, выдвигавшихся перед Государственной Думой. (См., например, „Айкап", 1915 г., № 2).

Эта интеллигенция даже не захотела подвергнуть критике деяния царизма и его жестокости по подавлению восстания, а, наоборот, влачилась в хвосте царской администрации в этом отношении, если не говорить о коротенькой резолюции протеста киргизского с'езда в июле 1917 г. в г. Оренбурге и сбора пожертвований в пользу беженцев-киргиз в Китае, и то производимых под давлением масс. Антиповстанческое настроение и моральная поддержка администрации у „Алланордынской" киргизской интеллигенции после подавления восстания киргиз переходит к поддержке войны до „победоносного конца". Мало того, некоторые из руководителей указанной интеллигенции принимают активное участие в организованных патриотическими обществами комитетах помощи воинам и фронтам и собирают пожертвования среди населения, а также принимают участие в организациях (советах) тыловых рабочих, оставшихся на месте. В начале революции этих рабочих националистическая интеллигенция стремится использовать против большевистской революции (напр., с'езд „мус. рабочих и воинов" в г. Коканде). На киргизские с'езды, созываемые Алланордой, персонально сверху приглашались именно верхушечные киргизские элементы: волостные, ак-сакалы, бии, старшины и всякие другие влиятельные люди, известные под общим названием „атка-минеров", из которых, главным образом, составлялись эти „всекиргизские" с'езды. Указанная позиция киргизской национальной интеллигенции логично завершается выступлением

ее во время Октябрьской революции на стороне классовых противников пролетариата (Колчака, Дутова и др.).

Отдельные представители этой интеллигенции, члены царской администрации, во многих случаях прямо-таки поддержали последнюю в подавлении восстания киргиз 1916 года (деятельность большинства переводчиков, волостных, писарей и других чинов в Туркестане и в Тургайской области Киргизии).

Среди оседлого узбекского населения национально-прогрессивная джадитская интеллигенция тоже заняла приблизительно такую же позицию, как и киргизская. Являясь по существу своему выразительницей нарождающейся торговой буржуазией оседлого населения, она по понятным причинам не приняла участия в восстании народных масс и даже не пошла навстречу облегчению участи повстанцев (за исключением единичных случаев, когда отдельные ее представители выступали в качестве защитников при судебных разбирательствах).

Также вначале относившаяся безразлично к восстанию масс, джадитская интеллигенция в своей причастной к администрации части становится открыто на сторону русской буржуазно-демократической общественности о вредности таких восстаний и необходимости скорейшего умиротворения. Отдельные ее представители участвуют в разных манифестациях при встречах, например, Куропаткина и других карателей восстания при их об'езде (например, манифестация в Фергане на ст. Ташкент при отправке эшелона рабочих, горячие речи и т. д.). Также „патриотическое“ чувство у отдельных представителей указанной интеллигенции выливается в решение ехать самим во главе рабочих на фронт.

Правда представители этой интеллигенции собирают пожертвования среди населения в пользу рабочих, хотят облегчить их положение но ведь эти „национальные“ и рядом „патриотические“ чувства выказывали и полковники разные из туземцев, вроде Джурабековых тоже. Но на ряду с этим в составе этой интеллигенции были и такие, которые не только „написанием“ прошения, ходатайства, адвокатских советов и т. д. стремились помочь обвиняемым в бунте массам, но прямо таки оказывали содействие, вместо этого в подавлении наоборот восстания, как мы указали, главным образом, из состава туземной администрации.

Среди туркмен туземных чинов царской администрации было мало, но тем не менее мы видели из сведений самого Куропаткина, что многие туркмены, заделавшись агентами охранки, грабили свое же население.

Что же касается остальной части европейского населения, то она целиком стояла за решительное подавление восстания туземного населения. Городское европейское мещанство даже приходило в возмущение при прочтении каких либо сообщений царской агентуры о действии бунтовщиков, искусственно раздувая жестокости их, и единогласно говорила что нужно в конце-концов обуять эту „азиатскую орду“. Прав-

да, были отдельные лица из европейского населения, критически отнесшиеся к жестокостям карательных мер царской власти, но такие лица были единицами.

Среди европейского населения Туркестана существовали тогда уже зачатки социал-демократических и эсэровской партий, но все они в вопросе об отношениях к восстанию и предпринимаемых мероприятиях царской власти оказались верными своей „колониальной миссией" и не единым словом не промолвились относительно защиты хоть сколько-нибудь от карательных жестокостей администрации туземцев. Было, наоборот много сторонников решительного подавления восстания.

Что же касается русских железнодорожных рабочих, то они воспитывались тогда в духе колониальном и к тому не имели совершенно во главе выдержанных интернациональных политических организаций, поэтому отнеслись не сочувственно к восстанию туземцев, а в некоторых районах даже способствовали подавлению последнего. Поэтому-то мы и видели как, например, в Самаркандской области туземцы напали даже на железнодорожников, а в Меркенском районе, Аулиэ-Атинского уезда нападали на рабочих, строивших полотно Семир. жел. дор.

Все это показывает, что ничего общего в революционном движении между европейскими рабочими и туземными трудящимися тогда не было. Заканчивая изложение истории восстания 1916 года, его основных причин и роли в нем отдельных групп населения, необходимо в заключение сказать несколько слов и о последствиях этого восстания в 1917-18-19 годах, во время Февральского и Октябрьского переворотов, и о мерах, предпринятых потом Советской властью по изживании последствия указанного восстания.

При рассмотрении хода восстания в отдельных районах и результатов карательных мероприятий царской власти, мы видели, как последняя проектировала широкое изъятие земель, в особенности в Джетысуйской области у туземного населения, использовывая в данном случае мотивы обвинения последнего в восстании 1916 года и предполагало еще дальше продолжать привлекать к суду абсолютно всех причастных в той или другой степени лиц, усиливала репрессии увеличивая в этих целях размер штата администрации. В отношениях сопредельных стран, как мы видели из слов Куропаткина, также под мотивом обезопасить пограничную линию, предполагалось, в случае успеха по окончании войны, широкая аннексия в северной Персии и западного Китая.

Но все эти планы не были осуществлены, благодаря нагрянувшим величайшим революционным событиям и окончательному крушению царского режима. Таким образом, революция предотвратила окончательное закабаление или даже разгром туземного населения Туркестана царизмом и в этом—**один из больших положительных моментов Великой Октябрьской Революции в ее освободительной роли на Востоке.**

Но, как мы видели, восстание 1916 года, носившее характер скорее аграрный и являвшееся по существу революционным, не произош-

ло одновременно с Октябрьской революцией, а произошло несколько раньше, когда царизм еще был в силе и потерпело жестокое поражение.

Это поражение сильно экономически подорвало трудящиеся туземные массы, нанесло, так сказать, и моральный удар, разобщив массы и уже подорвав в них надолго стихийно революционный дух. Вот почему в начале Октябрьской революции когда русский рабочий класс свергал буржуазию и утверждал свою власть, туземные трудящиеся массы не сразу полностью примкнули к революции, а, наоборот, введенные в заблуждение отдельными буржуазно-националистическими организациями пассивно отнеслись к Советской власти или в некоторых слоях даже были против последней. Правда активный туземный элемент в лице туземных рабочих и батраков, а также левого крыла интеллигенции, вышедшего из беднейших слоев населения, сразу примкнули к советской власти, но тем не менее, большая часть трудящихся масс (особенно середняцкого элемента) аула и кишлака в Туркестане оставалась тогда в стороне.

Все это говорит о том, как слабы были политические организации рабочего класса в Туркестане и как (что мы уже указывали) совершенно разно развивалось революционное движение среди коренного и европейского населения.

И вот, разобщенность революционного движения среди туземного и европейского населения и вся ненормальность обстановки первого периода Советской власти отразились заметно на быстроту изживания последствия восстания 1916 года и небывалого национального антагонизма, между отдельными категориями населения, порожденного указанным восстанием.

Касаясь того, что происходило в периоде 1917-18-19 годов в отношении последствий восстания 1916 года, приходится говорить об отношении к этому вопросу Временного Правительства и потом Советской власти.

На место свергнутого Туркестанского генерал-губернатора Куропаткина назначен был „Туркестанский комитет Временного Прав. во главе с кадетом Щепкиным, в состав которого входили Мустафа Чокаев и другие лица из инородцев. Этот комитет ничего почти не предпринял в отношении урегулирования взаимоотношения киргиз и крестьян в Джетысуйской области. Посланный в средине 1917 года в Семиречье член Турк. Комитета Врем. Прав. Щепкин фактически не только старался примирить киргиз и крестьян, но, наоборот, давал открытые и тайные директивы (что видно по данным царской охранки и другим официальным источникам) продолжать истребление киргиз.

Русской буржуазии, захватившей временно власть, в лице Временного Правительства и его Туркестанского комитета вовсе не в интересах было приостанавливание этого истребления и резни туземного населения со стороны карательных отрядов и вооруженного кулачества, которых благословил еще в начале Куропаткин.

„Охотничьи“ выезды крестьян и карательных отрядов в киргизские аулы, истребление последних, пригон беспрерывно скота и привоз разных имуществ продолжались с успехом при Временном Правительстве. Образовавшиеся в районах восстания местные комитеты Врем. Прав. из русских чинов и крестьянских кулаков с частичным включением в свой состав отдельных торговых и байских элементов официально руководили этим грабежом туземных масс. Например, в Меркенском районе Аулие-Атинского уезда, где восстание имело довольно сильный размер, крестьяне сел. Мерке, Ново-Троицкого, Чалдовара, Кара-Балты и т. д. под руководством Меркенского комитета во главе с начальником местной почтово-телегр. конторы при участии в комитете киргизских живодеров, (К. Адильбеков и другие), продолжали грабить население, накладывая огромные контрибуции на каждую волость. Только организовавшиеся тогда представители киргизской бедноты и революционной киргизской молодежи, вошедшие в большевистскую организацию, в контакте с представителями совета Сол. и Раб. Депутатов свергнули этот комитет и до некоторой степени обуздали кулацкое засилье.

Буржуазно-националистическая интеллигенция, устраивающая тогда всякие шумные краевые с'езды, имущие верхушки туземцев, организовавшаяся в „Шура-и-Исламия“, „Центральный Мусульманский Совет“, „Кокандскую Автономию“, особенно горячо не интересовалась этими происходившими событиями в Джетысуйской и Сыр-Дарьинской областях. Были, правда, единичные случаи командировки, и то с согласия Тур. Ком. Врем. Правительства, своих представителей в Семиречье (например посылка групп киргизских интеллигентов от „Цент. Мус. Совета“), но никаких результатов от этих мер не получалось.

Устроенная туземными прогрессистами манифестация 18 августа в г. Ташкенте с протестом против продолжавшейся резни в Семиречье также не достигла никаких целей. Буржуазно-националистической интеллигенция сотрудничавшей с Врем. Прав., вообще говоря чужды были непосредственные интересы народных низов. Перед ней тогда стояли вопросы власти, взаимоотношения с Врем. Правит., укрепление своего положения и т. д., а социальные интересы трудящихся стояли в стороне.

Поэтому то об'ясняется выступление этой национально-буржуазной интеллигенции против Советской власти, тогда путем организации „Кокандской Автономии“, „Аллаш-Орды“ и т. д. в союзе с Колчаком, вхождением в „юго-восточный союз“ ген. Каледина и т. д.

В начальный период Советской власти, благодаря слабости ее в Туркестане, борьбы на окружавших кольцом Советский Туркестан фронтах, отнимавших всю энергию и внимание, то же бывшее переселенческое кулачество массами записывалось, главным образом, в партию левых эссэров и стремилось захватить местную власть в районах переселенческих в свои руки, для того, чтобы использовать Советскую власть в целях продолжения своего засилия над беднейшими слоями кочевого населения. Среди самого туземного населения бывшие волостные, бии

и другие агенты бывшей царской администрации вступили в союз с этим кулачеством, чтобы под разными мотивами продолжать грабеж бедноты.

Но тем не менее, Советские организации на местах, при подержке киргизской и крестьянской (хотя последней было мало) бедноты уже, где возможно, давали надлежащий отпор этому кулацкому разгулу. Начиная с 1919 года, в связи с одержанными победами на фронтах в борьбе с контр-революцией и укреплением Советской власти и Компартии в Туркестане, последние принимают уже серьезные меры к ликвидации окончательно последствий восстания 1916 года и приостанавливают всякие бесчинства в бывших переселенческих районах (посылка комиссии по помощи киргизам-беженцам из Китая, наделения их землей, разоружение кулачества и т. д.).

В 1920-21 годах проводится решительно земельная реформа по директивам ЦК РКП и ВЦИК, закрепляет это успокоение.

История Февральской и Октябрьской революции в Туркестане, мероприятия Советской власти по изживанию наследия царского строя и патриархально-феодальных отношений среди туземного населения; разрешение земельного вопроса, поднятие сельского хозяйства и скотоводства, укрепления организации бедноты, Советской власти и партии среди туземного населения—все это составляет отдельную самостоятельную тему.

Ввиду чего мы на этом и закончим очерки истории восстания туземцев Туркестана в 1916 году и его основных причин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I.

ЧАСТЬ II.